

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ

**Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія»**

Том XVIII

Книга 2

**Гуманітарні і соціально-економічні
проблеми розвитку сучасного
українського соціуму**

Харків
Видавництво НУА
2012

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3
В90

Збірник наукових праць засновано 1995 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 7367 від 03.06.2003 р.

*Видання є фаховим з економічних, соціологічних, філософських
та філологічних наук*

Постанови президії ВАК України
від 22.12.2010 р. № 1-05/8, від 26.01.2011 р. № 1-05/01, від 30.03.2011 р. № 1-05/3

*Друкується за рішенням Ученої ради Харківського гуманітарного
університету «Народна українська академія».
Протокол № 10 від 28.03.2012*

Редакційна колегія

*Астахова В. І., д-р іст. наук (голов. редактор); Астахова К. В., д-р іст. наук;
Безхутрий Ю. М., д-р філол. наук; Бессов Л. М., д-р іст. наук; Воробйов Є. М.,
д-р екон. наук; Герасіна Л. М., д-р соціол. наук; Глущенко В. В., д-р екон. наук;
Городяненко В. Г., д-р іст. наук; Горошко О. І., д-р філол. наук; Довгаль О. А.,
д-р. екон. наук; Карабан В. І., д-р філол. наук; Кім М. М., д-р екон. наук;
Корабльова Н. С., д-р філос. наук; Кравченко В. В., д-р іст. наук; Култаєва М. Д.,
д-р філос. наук; Лозовой В. О., д-р філос. наук; Мамалуй О. О., д-р філос. наук;
Михайльова К. Г., д-р соціол. наук; Мінкін Л. М., д-р філол. наук; Нагорний Б. Г.,
д-р соціол. наук; Осіпова Н. П., д-р філос. наук; Петровський В. В., д-р іст. наук;
Подольська Є. А., д-р соціол. наук; Посохов С. І., д-р іст. наук; Соколев В. М.,
д-р екон. наук; Сокурянська Л. Г., д-р соціол. наук; Степанченко І. І., д-р філол.
наук; Сухіна В. Ф., д-р філос. наук; Шевченко І. С., д-р філол. наук;
Яременко О. Л., д-р екон. наук.*

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.
Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»
Тел. 714-92-62; 714-20-07

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении 20 лет «Ученые записки Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» выходили одной объемной книгой (всего их вышло 17), которая включала в себя различные научные направления – социологию и филологию, экономику и право, философию, историю, психологию, политологию и др., большинство из которых, как и научный сборник в целом, имели статус специализированного издания ВАК Украины.

Увеличение объемов научной продукции, особенно по проблемам непрерывного образования и воспитания, являющимся основополагающей темой научно-исследовательской работы в НУА, потребовало изменить формат издания, в результате чего с 2012 года «Ученые записки» будут издаваться в двух книгах. Первая посвящается проблемам образования, различным междисциплинарным аспектам процесса обновления современных образовательных систем под общим названием «Образование: традиции и инновации в условиях социальных перемен». Вторая книга включает в себя статьи, характеризующие современное общество в контексте гуманитарного знания (философия, история, социология, филология, психология, культурология); в ней также будут публиковаться материалы по социально-экономическим и правовым проблемам развития украинского социума.

Помимо двухтомника «Ученых записок», в наиболее полной мере отражающих ежегодные результаты научно-исследовательской деятельности НУА, академия также ежегодно издает труды молодых ученых и сборник магистерских научных докладов.

Предложенная читателю вторая книга «Ученых записок»-2012, «Гуманитарные и социально-экономические проблемы развития современного украинского социума», включает серию статей, в которых авторы формулируют политические, социологические, философские оценки современных социальных реалий, рассматривают проблемы демократии, особенности социальных движений

и деятельности политических партий в Украине, гендерные аспекты политической деятельности.

Отдельный блок статей посвящен проблемам теории и практики перевода, особенностям преподавания иностранных языков на различных этапах обучения.

Самостоятельным разделом выделены социально-экономические и правовые проблемы развития украинского социума, где представлены работы в основном преподавателей экономических дисциплин, исследующих институциональные подходы к изучению национальной экономики Украины. Большинство представленных в разделе статей связаны с подготовкой докторских диссертаций, что свидетельствует об их высокой научной зрелости и ценности для тех, кто интересуется данной проблематикой.

Ученые записки ХГУ «НУА» 2013 года будут издаваться в соответствии со структурой, предложенной в ходе нынешнего обновления их формата, хотя в дальнейшем мы планируем изучить мнение читателей и авторов и строить свою работу над нашим научным сборником в соответствии с их пожеланиями.

Редакционная коллегия

**Сучасне суспільство
у контексті гуманітарного
знання
(філософія, історія, соціологія,
філологія)**

УДК 37.014;783.1

*Е. А. Подольская***«ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ»:
МОДНЫЙ ТЕРМИН ИЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА?****Резюме**

У статті розкривається мета модернізації освіти, надається змістовна характеристика парадигми «суспільство знань», виділяються основні тенденції формування системи ціннісних орієнтацій соціальних суб'єктів. Акцент ставиться на випереджальному характері освіти в умовах розвитку суспільства інформаційної епохи, на зміні ролі сучасного вищого навчального закладу в контексті кризових явищ освіти України.

Summary

The article reveals the objectives of education modernization, gives characteristics of the «knowledge society» paradigm, determines the main tendencies of forming a value system of social subjects. The primary focus is on an anticipatory character of education under the conditions of the information society, on the changed role of modern higher school within the context of an education crisis in Ukraine.

Ключевые слова: кризис образования, модернизация образования, опережающий характер развития образования, парадигма «общество знания», ценностные ориентации.

Поскольку основными целями модернизации образования в Украине выступают повышение качества и усиление эффективности образования, то фактически поставлена задача не просто обновления содержания, форм и методов обучения, а перехода на новую ступень развития, смены образовательной парадигмы в целом. В связи с этой актуальной задачей *целью* данной статьи является содержательная характеристика парадигмы «общества знания» в контексте кризисных явлений образования в Украине.

Кризис образования в Украине, как и во всем мире, обусловлен, в первую очередь, тем, что мир изменяется намного быстрее, чем человечество успевает трансформировать содержание образования. Причем одной из основных причин мирового кризиса является

направленность образования в прошлое, сосредоточенность на предыдущем опыте, а в результате – отсутствие ориентации на будущее. Повышенный консерватизм образования исследователи связывают: во-первых, с направленностью на преподавание знания в его завершенной форме, хотя на самом деле знания находятся в процессе непрерывного развития и изменений; во-вторых, с наличием большого временного промежутка между появлением новых идей, открытий и их воплощением в образовательные практики, что обусловлено необходимостью их освоения педагогами и переводом в доступные для изучения формы, а также длительностью обучения; в-третьих, со спецификой образовательного процесса, направленного на внедрение в содержание учебных дисциплин только устоявшегося, проверенного временем знания [1, с. 8–9]. Поэтому в саму систему образования необходимо внедрить режим постоянных изменений, происходящих как в глобальном масштабе, так и на национальном уровне, чтобы она не теряла свою образовательную сущность. Без этого кризис системы образования во всех странах и в дальнейшем будет обостряться.

Следует учитывать также, что под влиянием экономических, политических и социокультурных трансформаций в украинском обществе за последние десятилетия была утеряна культурная роль образования как механизма формирования и трансляции целостного научного мировоззрения. Ее, по сути, заменили пересказом вырванного из контекста культуры конкретного знания. В результате такие причины техногенного характера, как технократизация общества и абсолютизация естественнонаучного знания, привели к построению образования, в котором доминирует фундаментализм естественнонаучных дисциплин. С учетом этого в последние годы мы имеем дело с продуктами не только экономического, но и духовного кризиса, ведь выпускники школ и вузов сегодня представляют собой, в лучшем случае, готовых потребителей материальных благ. Основные смыслы и ценности находятся в ситуации кризиса, а «кризис смысла» провоцирует, в свою очередь, кризис образования. Поэтому в ответ на вызовы времени необходимо заново переоткрывать смысл истории, который и сегодня видится в индивидуальных целях и практической

деятельности людей, стремящихся, в первую очередь, приспособиться к жизни через борьбу за существование и овладение жизненными ресурсами, за достижение материального благополучия и максимальной прибыли.

Сегодня кризис культурных ценностей, нарастание деструктивных процессов в системе социальных отношений в Украине угрожает снижением человеческого потенциала всего общества. Однако следует констатировать, что на смену позиции, в соответствии с которой логично просматривается и начинает внедряться в общественное сознание взгляд на образование как на глобальную ценность, как на инструмент освоения мировой и национальной культуры, приходит утверждение об инструментальности образования, его прикладном характере для жизни человека. В силу этого взгляд на образование как на один из важных путей и средств формирования интеллектуального потенциала народа и отдельной личности представляет особый интерес.

Как показывают данные социологических исследований по проекту «Студент XXI века», реализованному по инициативе Народной украинской академии в 2008–2010 гг., основными причинами выбора студентами своей образовательной стратегии являются: желание обеспечить материальный достаток в будущем (54,9% – первая ранговая позиция) и обеспечить стабильность в жизни (51,6% – вторая ранговая позиция). Немаловажное значение в желании получить высшее образование имеет тот факт, что высшее образование даст возможность стать культурным, высокообразованным человеком (46,3% – третья ранговая позиция).

В целом, исследования в области образовательных стратегий позволяют сделать вывод о том, что при выборе профессии современные учащиеся на первое место ставят, с одной стороны, престижные специальности, с другой – те, которые необходимо получить из соображений «доступности» и «полезности», более высокооплачиваемые. При этом данные характеристики четко коррелируют между собой [2].

И все же следует признать, что примат прагматики в образовании, присущий индустриальному обществу, не позволяет получить желаемый результат – предоставление новому поколению знаний

и умений, необходимых для плодотворной профессиональной деятельности и полноценного, комфортного существования в социуме нового типа – постиндустриальном, информационном. Это обусловлено тем, что фактор эффективности – стержень прагматического подхода к образовательному процессу – ведет к невозможности в новых условиях прямого решения образованием своей основной задачи: предоставления человеку таких знаний, умений и навыков, которые позволят ему принимать эффективные решения в любых нестандартных ситуациях и нести за них ответственность. В условиях нарастания информационно-коммуникативных технологий оказывается непродуктивным образовательный процесс, предусматривающий предоставление человеку односторонне-профессиональных (ориентированных исключительно на эффективность) знаний. Это обуславливает признание приоритетности образовательного процесса, направленного на формирование целостного человека. Отсюда вытекают идеи гуманизации и гуманитаризации всей образовательной среды, что позволяет выстраивать перспективы формирования «общества знаний».

В то же время система образования должна быть не только имманентной постиндустриальному обществу, но и иметь опережающий характер развития общества информационной эпохи. Необходимой является интеграция образования в культуру и одновременно – культуры в образование путем формирования в человеке механизма «культурной идентификации» – на основе ощущения принадлежности к национальной культуре. В обществе должна быть непрерывная образовательная интенция, что ставит на повестку дня изменение роли современного высшего учебного заведения.

Список литературы

1. Зуев В. Криза освіти: український контекст / В. Зуев, В. Зуева // Вища освіта України. – 2010. – № 2. – С. 7–13.
2. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – 408 с.

УДК 316:111

*И. С. Нечитайло***СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ФАНТАЗИИ И ЗНАНИЯ**

Нет фантазии, которую воля и разум людей
не могли бы превратить в действительность.

*Максим Горький***Резюме**

Статтю присвячено актуальним питанням сучасної соціології, пов'язаним із визначенням сутності соціальної реальності та шляхів її пізнання. Вирішення цих питань є необхідною умовою подолання фрагментарності соціологічного знання, формування цілісного погляду на весь соціум та окрему людину як ключову ланку соціальної самоорганізації.

Summary

The article addresses the essential problems of modern sociology concerning the determination of the social reality essence and the ways of its cognition. Solving these problems is obligatory for overcoming the fragmentary character of sociological knowledge and forming an integral idea of society as a whole and an individual as a key unit of social self-organization.

Ключевые слова: воображаемое, действительное, социальная реальность, социологическая перспектива, социология.

По мнению многих авторитетных ученых, современная социология находится в парадигмальном кризисе из-за своей раздробленности. В частности, Т. М. Дридзе, выдающийся российский социолог, создательница ряда новых парадигм в социологическом знании, утверждает, что такая ситуация является следствием отсутствия целостного взгляда на социум как таковой и на человека как ключевое звено социальной самоорганизации [1, с. 6]. Разрешение проблемы фрагментарности социологии видится возможным только при условии приращения нового знания о социальной реальности, с обязательным учетом ее постоянно возрастающей изменчивости.

На наш взгляд, любой научный труд, имеющий прямое или косвенное отношение к области знаний об индивиде и обществе, так или иначе затрагивает отдельные аспекты изучения социальной

реальности. Вопросы познания и сущности социальной реальности всегда были в центре внимания западных социальных теоретиков и методологов: Бергера П., Будона Р., Бурдые П., Вебера М., Гуссерля Э., Лукмана Т., Миллса Ч., Поппера К., Сартра Ж. П., Тоффлера А., Турена А., Фромма Э., Фуко М., Фукуямы Ф., Хабермаса Ю., Хайдеггера М. и мн. др.). Попытки осмысления социальной реальности можно обнаружить в работах известных российских ученых: Бахтина М. М., Бердяева Н. А., Франка С. Л. и др. В настоящее время к данной теме обращаются Барулин В. С., Дридзе Т. М., Ильин М. В., Лекторский В. А., Прохоренко Ю. И., Рывкина Р. В., Степин В. С. и др., освещая те или иные ее аспекты. Сквозь призму социологии жизни и повседневности социальная реальность рассматривается Любутиным К. Н., Кондрашовым П. Н., Савченко Л. А., Тощенко Ж. Т. и др. Вопросам, связанным со стратегиями и методами исследования социальной реальности, посвящены работы В. А. Ядова.

Несмотря на существующий, довольно мощный, теоретико-методологический базис, считается, что интеллектуальные попытки описания и объяснения общества как социальной реальности пока что не принесли реальных положительных результатов. Это подтверждается безуспешностью многочисленных практических усилий позитивного воздействия на социальные процессы с учетом долгосрочной перспективы [1; 2, с. 3]. Первопричина такой безуспешности связана с постоянно возрастающей изменчивостью картины мира, что требует постоянного переосмысления социальной реальности, поиска новых подходов к ее пониманию, описанию и объяснению.

В связи со сказанным, целью данной статьи является освещение основных социологических перспектив в изучении социальной реальности, а также наиболее адекватных современным социальным условиям теоретико-методологических подходов в отношении ее описания и объяснения.

В целом, изучение социальной реальности неразрывно связано с поиском ответа на вопрос, интересующий каждого ученого, независимо от области научного знания и научной школы, в рамках которой он работает. Этот вопрос звучит следующим образом: «Что же происходит на самом деле?», т. е. в действительности. И хотя с фило-

софської точки зрення поняття «дійсительность» и «реальность» следует разделять, в обыденном понимании они часто отождествляются. Да и в словарях довольно часто встречаются трактовки «реального» как действительного, объективного, – чего-то, что имеет место не только в мысли. При этом реальное, как правило, противопоставляется фантастическому, идеальному, существующему исключительно в воображении.

Все достаточно просто, если речь идет о конкретной вещи, человеке, животном. Лошадь, например, реальна, а вот единорог (та же лошадь, только с рогом на лбу) – существо фантастическое, каждый из нас может его представить, однако аналога в реальной жизни не существует. Несколько сложнее дело обстоит, если речь идет о каких-либо научных «абстракциях», таких как, например, «вселенная». Практически никому не известно, как она выглядит на самом деле, однако ни у кого не вызывает сомнения, что она реальна. Другими словами, вопрос о реальном/нереальном не так прост, каким кажется на первый взгляд. Есть «что-то», что мы без труда можем себе представить, нарисовать не только в своем воображении, но и на листе бумаги, точно зная, что этого не существует на самом деле. И в то же время есть «что-то», – довольно сложно поддающееся нашему воображению, однако, исходя из достоверных источников, мы точно знаем, что оно существует, является частью реальности, имеет свое научное определение. Например, мало кому известно, что такое «аксолотль». От незнания может показаться, что это какой-то фантастический «гибрид» самолета и дирижабля. На самом же деле – это вполне реальное земноводное существо¹.

Согласно подсчетам ученых, в среднем, каждый человек обладает довольно скромным знанием о мире. Нехватка знаний восполняется способностью фантазировать. Фантазия – сила воображения, те представления, которые возникают в нашем сознании. С ее-то помощью и создаются модели явлений и ситуаций, которые либо не существуют в реальности, либо еще неизвестны и не исследованы, либо известны только ограниченному кругу людей. По этому поводу

¹Личиночная форма земноводного из семейства амбистомовых.

очень точно высказался А. Эйнштейн: «Фантазия важнее знания... Знание ограничено. Воображение охватывает весь мир». Поддерживая и продолжая эту мысль, подчеркнем, что фантазия – инструмент, позволяющий проложить дорогу к истине. Она просто необходима для научного познания реальности, так как только фантазия позволяет построить интерпретативную схему ее (реальности) понимания. Такие схемы в научном лексиконе определяются как перспективы. Как правило, перспектива отождествляется с некой образной теорией, лишенной внутренней строгой дидактики и логической упорядоченности [3].

Каждая наука имеет свой собственный угол зрения на понимание социальной реальности. Поиск истины о том, где реальность, а где фантазии, усложняется еще и тем, что сам человек, осуществляющий эти поиски, является частью этой реальности. Возникает вопрос: «Какая реальность действительно реальна – та, которая существует вокруг нас, независимо от того, существуем ли мы, или та, которая прекратит свое существование, если нас, вдруг, не станет?». Этот вопрос пронизывает красной нитью всю историю социологической мысли. Сегодня уже устарело представление о социальной реальности как о чем-то, отличном от реальности биологической, физической, когнитивной. Для социолога реальность – настоящее, являющееся продуктом прошлого и потенцией будущего одновременно. Она является результатом взаимодействия социальных субъектов, будь то большие социальные общности, малые социальные группы или отдельные индивиды. При этом с помощью специальных (качественных и количественных) методов исследуются социальные факты как «реальная действительность». Что же касается фантазии, то с социологической точки зрения она может рассматриваться как отображение реальности в сознании индивида, ее преломление сквозь призму индивидуальности.

В целом именно социология претендует на предельно полное описание и объяснение социальной реальности. В этой связи высказывается множество точек зрения внутри самой социологической науки, формируется целый ряд различных перспектив, которые классифицируются по самым разным основаниям и принципам. Все

рассуждения относительно социальной реальности и соотношения в ней действительного и воображаемого можно локализовать в двух пересекающихся плоскостях: гносеологической (связанной с вопросами познания социальной реальности) и онтологической (включающей вопросы закономерностей ее существования). В каждой из плоскостей можно осуществить дихотомизацию перспектив, рассматривающих социальную реальность в противоположных ракурсах: в гносеологической плоскости противопоставляются сциентическая и гуманистическая перспективы, а в онтологической – социально-реалистическая и номиналистическая.

Сциентизм – магистральное направление в мировой социологии, представленное учениями О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Л. Гумпловича и др. Исходя из основных положений данного направления, социальная реальность может быть установлена в отдельности от каждого индивида и познана с помощью методологии естественных наук. «Классикой жанра» здесь, конечно же, являются работы Э. Дюркгейма [3].

Исходя из основных постулатов гуманистической перспективы, исключение из науки «человеческого фактора» недопустимо. Являясь субъектом познания социальной реальности, именно человек наделяет смыслом все объективное, существующее в действительности. Истоки таких представлений можно обнаружить в понимающей социологии М. Вебера, основные идеи которой получают развитие в феноменологической социологии А. Шюца и др. К разновидностям гуманизма в социологии также можно отнести «аналитическую» школу Ф. Знанецкого (У. Томас, Г. Беккер и др.) и некоторые субъективистские школы: этнометодологию (Г. Гарфинкель), символический интеракционизм (Дж. Мид) и др. *«Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям»*, – гласит знаменитая «Теорема Томаса». Об этом же говорит и Р. Мертон, вводя в социологический словарь концепт «Самоисполняющееся пророчество»² [4].

² Кстати, исходя из таких представлений, формулируется самый известный принцип социальной реальности: «большая ложь», согласно которому преувеличенная ложь легче убеждает людей, чем реалистическая ложь.

В онтологической плоскости центральными вопросами в отношении социальной реальности являются следующие: «Возможно ли существование общества как единого целого?», «Или же это единство – фантазия, а реально существуют только индивиды, составляющие общество?». Представители социального реализма уверены, что общество в целом и отдельные социальные институты выступают как самостоятельная реальность, не сводимая к взаимодействию отдельных индивидов (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Л. Гумплович, Е. В. Де-Роберти, А. Эспинас и др.). Им противостоят «номиналисты», утверждая, что реальны только люди. Данное утверждение отражено в знаменитом афоризме Г. Зиммеля: «Общество существует там, где несколько индивидуумов вступают во взаимодействие. Не существует общества вообще...» [5, с. 163]. Идеи номинализма также представлены в работах Г. Тарда, Л. фон Визе, М. Вебера и др.

В современной социологической мысли вырисовывается еще одна перспектива, – так называемая «перспектива слияния парадигм», различных представлений о социальной реальности. Считается, что одним из первых наметил эту перспективу французский философ экзистенциально-феноменологической ориентации Мерло-Понти Морис. Многие его идеи были с энтузиазмом подхвачены, развиты и преобразованы. В частности, идея о социальном конструировании мира, ориентация на учет как «внешних» (эмпирически фиксируемых), так и «внутренних» (феноменологически-удостоверяемых) аспектов существования социальной реальности, понимание человека как существа, вырабатывающего «значения», наделяющего ими «свой мир» и действующего на этой основе. Например, П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности» говорят о том, что общество может рассматриваться и как объективная, и как субъективная реальность [6, с. 15–32]. Как объективная реальность оно строится на экстернализации и объективации (включающей институционализацию). Процесс перевода объективированного социального мира в индивидуальное сознание осуществляется в ходе социализации и носит название «интернализация».

Существует еще одна работа, очень созвучная по названию с работой П. Бергера и Т. Лукмана. Речь идет о книге современного

американского философа Дж. Серля «Конструирование социальной реальности». Ученый во многих аспектах поддерживает позицию предыдущих авторов. Он говорит о том, что есть части реального мира, которые существуют только потому, что мы полагаем, что они существуют (деньги, собственность, брак и др.). И в то же время, они являются фактами «объективными», став неотъемлемой частью социума. Эти факты отличаются от фактов другого рода, полностью независимых от человека (как, например, факт того, что вода может превращаться в лед) [7]. Таким образом, Дж. Серль разделяет все факты о социальной реальности на институциональные (зависящие от человеческого соглашения, существование которых обеспечивается социальными институтами) и не институциональные (грубые, не требующие институтов) [7].

Квинтэссенцией приведенных выше рассуждений является идея двуединства социальной реальности: общество и объективная реальность – продукт человеческий, и в то же время, человек – социальный продукт. Двойственная сущность социальной реальности, ее объект-субъектность во всей своей полноте раскрывается в понятии «габитуса», введенном в научный оборот П. Бурдьё. С одной стороны, габитус – это внутренние схемы восприятия, оценивания и классификации, свойственные индивиду, с другой – это интериоризованные социальные отношения, усвоенные в процессе социализации. Габитус обеспечивает воспроизводство и постоянную изменчивость мира в практиках индивида [8].

Подобные представления о процессуальности и динамичности социальной реальности стали предпосылкой четко прослеживающегося в последнее время перехода социально-гуманитарных наук к субъект-субъектности в ее (реальности) понимании. Под социальной субъектностью понимается способность общества, социальных институтов, групп и каждого отдельного человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности, готовность давать отпор внешним и внутренним факторам, угрожающим бытию субъекта. Исходя из таких представлений, выработано чрезвычайно широкое понятие реальности, позволяющее статус реального закрепить за всем, что способно оказать

воздействие на бытие субъекта. В целом же социальная реальность представляется как надындивидуальный субъект «структурного» типа и выступает инструментальной основой деятельности индивидных субъектов [2, с. 3–5].

Резюмируя сказанное, отметим, что наше общее отношение к обозначенной в данной работе проблеме отражено в высказывании великого писателя Максима Горького, которое отнюдь не случайно выбрано нами в качестве эпиграфа. Однако позволим себе несколько перефразировать и дополнить это высказывание в соответствии с контекстом рассматриваемой проблематики: «Нет фантазии, которую воля и разум людей не могли бы превратить в действительность...», чтобы впоследствии было чему покоряться и с чем бороться, с чем соглашаться и что оспаривать, что переосмысливать заново и над чем фантазировать вновь. В таком «круговороте» заложен механизм воспроизводства социальной реальности, которая обладает как субъективными (оценочными), так и объективными (материализованными) характеристиками и показателями. В этой связи согласимся с мнением Т. М. Дридзе о том, что такой механизм держится на коммуникации как совокупности «человеко-средовых» интеракций [1, с. 6–8]. Учитывая тот факт, что универсальным средством коммуникации считается язык, завершим свои рассуждения выводами Дж. Серля относительно существенной роли языка в создании и воспроизводстве социальной реальности (как институциональной действительности). «Институциональные факты требуют языка, так как он частично конструирует эти факты», – говорит ученый. Однако эта тема – предмет отдельного разговора.

Список литературы

1. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики / Т. М. Дридзе // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах : в 2-х кн. – М., 2000. – Кн. 1. – С. 5–42.

2. Прохоренко Ю. И. Субъектность в структурах социальной реальности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Ю. И. Прохоренко. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

3. Добренъков В. И. История зарубежной социологии [Электронный ресурс] / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. – Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru>.

4. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество [Электронный ресурс] / Р. Мертон. – Режим доступа: <http://www.journal.prognosis.ru/a/2006/05/10/82.html>.

5. Голосенко И. А. Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии / И. А. Голосенко // Социол. исслед. – 1979. – № 4. – С. 162–170.

6. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; [пер. Е. Руткевича]. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

7. Романова А. О книге Дж. Серля «Конструирование социальной реальности» (рефератив. пер. с англ.) [Электронный ресурс] / А. О. Романова. – Режим доступа: <http://www.amazon.com>.

8. Бурдьё П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] / П. Бурдьё ; [пер. Шматко Н. А.] // Журн. социологии и соц. антропологии. – 1998. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.

УДК 316.324.8:001.9]:321.7

*Л. В. Колотова***ДЕМОКРАТИЯ В ОБЩЕСТВАХ ЗНАНИЯ****Резюме**

У статті аналізується роль демократії в процесі становлення суспільств знання і зворотне впливання нової соціальної системи на функціонування демократичних інститутів.

Summary

The article gives analysis of the role of democracy in the process of forming a knowledge-based society and the influence of the new social system on democratic institutions functioning.

Ключевые слова: общество знания, демократия, знаниевая дискриминация.

В настоящее время общество знания признано новым вектором, по которому задается и с которым сверяется направление развития социальной системы. Именно это обусловило повышенный интерес современных исследователей к анализу различных сторон, проявлений, тенденций зарождения, становления и развития общества знания. Здесь необходимо отметить фундаментальные исследования П. Дракера, М. Кастельса, П. Давида, Д. Форей, Ф. Фукуямы, П. Джарвиса. Вместе с тем большая часть публикуемых работ носит прогностический характер, либо же опирается на анализ отдельных фрагментов инновационной системы социального устройства, как в публикациях А. Ракитова, А. Фусенко, А. Новикова, И. Прусс, В. Бакирова, Е. Подольской, Л. Дятченко, Т. Давыденко, В. Москвина, М. Карпенко, Т. Семенова, В. Березовского и др.

В рамках данной статьи исследованию подлежит многоаспектность функционирования тандема «демократия» и «общества знания». Каждое из упомянутых социальных явлений активно анализируется и разрабатывается в отечественной и зарубежной научной литературе. Однако, при всей их тесной взаимосвязи, аспекты взаимодействия и взаимовлияния не проработаны, в то время как природа

существующей взаимозависимости нуждается в детальном изучении, в том числе с практической точки зрения.

Knowledge-based society (К-общество или общество знания) определяется как общество, в котором вся система технологий детерминирована и стимулируется опережающим развитием знания, которое включает знания: естественно-научные, социальные, экономические, политические, правовые, психологические, антропологические и другие [1].

Парадигма обществ знания возникла как продолжение и конкретизация концепции информационного общества, истоками которого, в свою очередь, была теория постиндустриализма. Множественное число («общества знания») в данном случае подчеркивает одновременно и многообразие различных социальных систем и сообществ, и отказ современных исследователей от унификации в анализе их развития. Этот вопрос является принципиально важным, поскольку здесь задается методология научного анализа нового этапа развития мирового сообщества. Действительно, история развития общества доказала, что любая абстрактная модель социального устройства по определению не может соответствовать всему многообразию существующих социальных форм. За исключением некоторых базовых характеристик, все остальные элементы составляют огромную вариативную часть. Наукой признано, что плюрализм является органичной частью социального мироустройства и данная концепция – еще одно тому подтверждение.

Тем не менее, в рамках данного исследования целесообразно использовать единственное число именно потому, что демократия является базовым, фундаментальным, формообразующим элементом, источником или необходимой предпосылкой и условием существования обществ знания. Таким образом, в данной статье термин «общество знания» выступает как некий шаблон, включающий в себя «обязательную часть», необходимые и достаточные признаки общества знания как нового этапа развития социума, за исключением вариативной части.

Несмотря на явное несовершенство (говоря словами У. Черчилля: «Democracy is the worst form of government unless you compare it to all

the rest» [3]), именно демократия способна обеспечить функционирование еще одного базового элемента всех обществ знания (а значит, и абстрактного, исследуемого нами «общества знания»). Им выступает совместное пользование знаниями. Знание без ограничений к доступу, к использованию, к созданию и распространению, знание как высшая ценность всего общества – это идеал нового социального устройства. Знание как эффективный инструмент манипуляции, как дефицитный ресурс, как высшая ценность закрытой группы (элиты) – это реалии дня сегодняшнего. Другими словами, в настоящее время в нашей жизни присутствует дискриминация, обусловленная ограниченным доступом к знаниям. За исключением тех, кто пользуется знанием как средством манипуляции, этот тип дискриминации осознается, во-первых, незначительной частью населения, во-вторых, даже если осознается, то эпизодически, в отдельных ситуациях. В отличие от других видов дискриминации (например, по расовому, национальному или гендерному признаку), он практически неизвестен широким массам, не освещается СМИ, то есть проблема «не на слуху», а значит, формально не существует.

Таким образом, высветилось противоречие, связанное с несоответствием должного (предполагаемого и отчасти декларируемого в нашем обществе) и сущего (реального положения вещей). Такое противоречие имеет простое объяснение: как и в случае с обществами знания, демократий тоже существует множество, вплоть до разновидности, имеющей несколько названий, а именно: имитационная, декоративная, манипулируемая, квазидемократия и псевдодемократия. Как становится очевидно из сопровождающих эпитетов, подобная форма, сохраняя внешние черты и соблюдая некие правила, отказалась от содержания, определяющего суть демократии как таковой. Посему вывод необходимо скорректировать: только подлинная демократия является формообразующим элементом, необходимой предпосылкой и условием существования общества знания.

С другой стороны, следует учитывать обратное влияние общества знания на формы и содержание демократии. Становление общества знания способно обеспечить качественное, многопорядковое увеличе-

ние возможностей для активности людей в современных социумах. Ярче всего реализацию заложенного потенциала можно будет проследить в рамках демократических институтов, открытых для всеобщего участия. Общество знания обладает всеми необходимыми ресурсами, чтобы создать условия для развития разных стилей и форм демократии, опирающихся на все более широкое и активное участие рядовых граждан. Так, впервые со времен античности возникает реальная возможность воплотить в жизнь прямую демократию (без учета Интернет-опосредованности и возможностей соответствующих манипуляций) в самом широком смысле.

Но прежде всего необходимо подчеркнуть тот факт, что знание является условием подлинной дееспособности граждан в демократическом обществе. Данный тезис заслуживает того, чтобы его объявили национальной идеологией. Примитивным было бы считать, что всеобщая компьютеризация сможет стать очередной панацеей. Электронные демократии уже прошли частичную апробацию, что породило три варианта реакций на данные инновации: киберскептицизм, киберпессимизм и кибероптимизм. Показательно, что самой серьезной критике подвергся именно кибероптимизм. Очевидно, что главным остается изменения сознания людей, смена доминирующего способа мышления. Также не вызывает сомнений тот факт, что такого рода трансформация требует длительного периода времени и не может стать моментальным следствием внедрения инновационных технологий, компьютеризации всех и вся.

Как отмечается в докладе ЮНЕСКО «К обществам знания», уже сейчас, а тем более с развитием обществ знания, научно-политические дебаты (о биоэтике, ГИО, нанотехнологиях и т. д.) немислимы без участия представителей самых разных кругов – в том числе специалистов, политиков, неправительственных организаций, средств массовой информации, предприятий и граждан. Такая ситуация также поощряет желание обучаться, потому что отныне люди чувствуют себя обязанными быть информированными, прежде чем выносить суждение, не только опирающееся на мнение экспертов, но также и пропущенное через сито свободного гражданского анализа. Общества знания создают, таким образом, возможность демократи-

ческой экспертизы в рамках того, что политическая мысль называла обсуждающей демократией [3].

Следует признать, что роль знания в социальной эволюции долгое время оставалась недооцененной. В работах классиков социологии рассматривались множество причинно-следственных связей, обусловивших крупнейшие исторические события и важнейшие социальные тенденции, но неизменно упускалось значение знаний. По мнению П. Дракера, именно радикальное изменение значения знания, которое произошло в Европе в начале XVIII века, позволило таким общеизвестным явлениям, как капитализм и технический прогресс, стать глобальными тенденциями [1]. И в дальнейшем в первую очередь со знаниями связывались прорывы в научной, экономической, технической, политической, культурных сферах жизнедеятельности человеческого сообщества. Изменения в настоящих условиях ученые связывают с трансформацией знания в доминирующую ценность социума.

Вместе с тем, необходимо отметить и тот факт, что идеальным будущим для человечества общество знания также не будет. Современные ученые далеки от того, чтобы объявить общество знания социумом без проблем и недостатков. Так, по мнению Д. В. Ефременко, те трансформации, которые мы сейчас наблюдаем, в равной степени могут быть интерпретированы как становление общества знания и как радикализация общества риска [4]. В частности, обществу знания также может угрожать опасность возникновения дискриминации на основе различий в уровне знаний между гражданами одной и той же демократии. Преодолеть этот риск способна растущая компетентность всех членов социума, позволяющая критично оценивать рекомендации экспертов и делающая неизбежной ответственность экспертов за принимаемые ими решения перед обществом, что опять-таки возвращает нас к реально действующим демократическим процедурам.

Таким образом, следует подчеркнуть, что общество знания формируется исключительно в условиях подлинной демократии, в условиях реального (а не декларативного, формального, условного) функционирования демократических институтов, устоявшейся культуры демократического правления, мышления, доминирующих

демократических ценностей и традиций. Именно эти факторы обеспечивают возможность совместного (в широком смысле) использования знаний. В свою очередь, несовершенство демократии как формы правления корректируется благодаря обществу знания, в рамках которого становится возможным как техническая поддержка и решение задачи участия каждого в политической жизни с минимальными затратами (временными, финансовыми, психологическими и т.д.), так и формирование потребности такого рода участия, а также уровня развития, образования и культуры, позволяющих гражданам осуществлять подобную деятельность.

Список литературы

1. Дракер П. От капитализма к обществу знания [Электронный ресурс] / П. Дракер. – Режим доступа: <http://ifuture.narod.ru/001/drucker001.htm>
2. Цитаты о демократии. Программа «ВЫ – НАРОД» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vy-narod.ru/quotes.shtml>
3. Towards knowledge societies. UNESCO world report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf
4. Ефременко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы [Электронный ресурс] / Д. В. Ефременко. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=91&Itemid=52

УДК 316.423

*О. В. Хиженяк***СОЦІАЛЬНИЙ РУХ ЯК КОЛЕКТИВНА ДІЯ:
СОЦІОЛОГІЧНА ПРОБЛЕМАТИКА****Резюме**

В статті розглядається тема соціальних рухів як колективного дійства з точки зору соціології соціальних проблем. Автор наводить зміну діапазону колективних дій, які здійснюються в сучасному суспільстві у вигляді соціальних рухів. Соціальні рухи нового типу, які функціонують за моделлю мережних структур, несуть відчуження часу, відрізняються від «старих» форм соціальної активності.

Summary

The article discusses the problem of social movements as a kind of a collective action in terms of sociology of social problems. The author draws attention to the changing range of collective actions taking place in modern society as social movements. Social movements of a new type that function according to the model of network structures are brought about by time and differ from the «old» forms of social activity.

Ключові слова: соціальний рух, колективна дія, соціальна проблема.

Соціальні рухи (їх також часто називають масовими, громадськими) – важлива складова реформування сучасного суспільства, джерело трансляції інтересів різних прошарків громадян. Пріоритетність соціальної проблематики в соціальних рухах, що розгортаються на пострадянському просторі, у тому числі в Україні, поява «нових соціальних рухів» – відповідь на виклики нової реальності. Ця теза знаходить підтвердження в низці наукових досліджень соціологів, політологів, соціальних психологів, які вивчають традиціоналізм та інновації в соціальних рухах [1], характеристики сучасних їх видів [2], їх ідентичності [3] та ін.

Відомо, що науково оформлені уявлення про суспільні рухи з'явилися тільки в ХХ ст. і представлені в концепціях масового суспільства і колективної поведінки (У. Корнхаузер, Г. Блюмера, С. Ліпсет), відносної депривації (Т. Гарр, Л. Кілліан, Н. Смедлер), мобілізації ресурсів (Б. Кландерманс, В. Гамсон, Дж. Маккарті,

А. Обершол, Н. Зальд, Ч. Тіллі), когнітивній концепції (Айрман, Джеміссон), концепції «нових» рухів (А. Турен, М. Кастеллс, А. Мелуччі, Х. Кризи, А. Піззорно, Д. Рухт) [4, с. 46–48]. Науковцями активно обговорюється роль соціальних рухів у розвитку сучасного суспільства, в модернізації його соціально-функціональної структури при переході від «вертикальної» її організації до мережевої [5]. Одночасно виникають і проблемні питання. Одне з них стосується того, за яких умов соціальний рух може стати ефективною колективною дією, що відповідає принципам громадянського суспільства. Відомо, що соціальні рухи формуються довкола певних ідей, що створюють для індивідів, які приєднуються до цих рухів, нові форми соціальної та політичної ідентичності.

Колективна дія – це дія, що лежить у громадській сфері та здійснюється двома або більше людьми (групами, спільнотами) заради досягнення одного і того ж суспільного блага, яке може бути матеріальним (парки, мости, бібліотеки), політичним (громадська думка, вибори), громадським (інформативні бази даних, системи комунікацій). Процеси колективної дії забезпечують зародження і трансформацію соціального порядку, але й самі можуть розумітися як форми соціального порядку. Теорії колективної дії коливаються від проголошення досліджень колективної дії ядром макросоціологічного аналізу до вивчення виключно самої конкретної колективної соціальної дії (наприклад, соціального руху). Теорія колективної дії довгий час розроблялася на основі раціоналістичної теорії дії. Наприклад, при ресурсно-мобілізаційному підході як раціональні актори розглядаються не індивіди, а організації, соціальні рухи. Але поступово соціальна теорія звільняється від диктату раціональності в поясненні соціальної дії, як індивідуальної, так і колективної [6]. Універсальну теорію колективної дії на основі нормативістської критики раціональної моделі дії запропонував Н. Смелзер. Чарльз Тіллі трактує колективну дію, виходячи з теорій розпаду соціальних порядків і теорій солідарності. Спробу створення універсальної схеми теорій і типів колективної дії зробив А. Турен, який сконцентрував увагу на центральних лініях конфлікту у суспільстві (використання ядерної енергії, студентський рух, новий регіоналізм тощо). Науковці наразі визнають, що спрямо-

ваність і результативність колективної дії задаються соціальним часопростором і соціокультурним контекстом.

Однак існує невідповідність між значенням соціологічного теоретизування щодо колективної дії та її поясненням при вивченні суспільних рухів і необхідністю переосмислення витоків і характеристик колективної дії в сучасних умовах. Особливого значення набуває врахування такого аспекту розгортання колективної дії, як її візуалізація і віртуалізація. Новітні дослідження колективних дій пов'язані з впливом інформаційно-комунікативних технологій; поширенням нових форм і видів комунікації і координації колективних зусиль. Змінюється також діапазон колективних дій, здійснюваних у сучасному суспільстві у вигляді соціальних рухів.

Мета статті – соціологічна проблематизація теми соціальних рухів як колективної дії.

Щоб визначити тему соціальних рухів як колективної дії з точки зору соціології соціальних проблем – напрямку соціології, який активно розвивається, – слід уточнити поняття «соціальна проблема», яке до цього часу є предметом наукових дискусій [7]. Традиційно під соціальними проблемами розумілися і розуміються деякі «об'єктивні» соціальні умови – небажані, небезпечні, загрозливі, протилежні природі «соціально здорового», «нормально» функціонуючого суспільства. Соціологічною мовою вони описуються як прояви соціальної патології, соціальної дезорганізації, дисфункції, соціальні протиріччя, структурні напруги і т. ін. Актуальність проблеми – це ступінь значущості розв'язання даної проблеми для забезпечення життєдіяльності суспільства, соціальної спільності (групи). Саме словосполучення «соціальна проблема» з'явилося в західноєвропейських суспільствах на початку XIX ст. і спочатку використовувалося для позначення однієї конкретної проблеми – нерівномірного розподілу багатства. Поняття соціальної проблеми як небажаної ситуації, яку можна і потрібно змінити, дещо пізніше почало використовуватися в західних суспільствах при осмисленні соціальних наслідків промислової революції. Визначення соціальної проблеми пов'язане з певними труднощами: «1) виходячи з позицій культурного релятивізму, те, що є соціальною проблемою для однієї групи, може не бути такою для

іншої групи; 2) характер соціальних проблем змінюється з часом разом із змінами у цінностях, нормах і т. ін.; 3) існує політична сторона даного питання, яка полягає в тому, що виявлення «проблеми» може залучити одну групу у здійснення соціального контролю над іншою. Сьогодні соціологи все частіше відкидають уявлення, згідно з якими соціальні проблеми мають об'єктивний статус подібно до деякої органічної патології, і прагнуть до виявлення соціально конструйованих визначень того, що становить «проблему» [8, с. 301–302].

Поняття соціальної проблеми має свою історію в соціології, воно по-різному визначається в межах різних напрямків. Класифікацію соціологічних підходів до соціальних проблем запропонував І. Г. Ясавєєв [9], який умовно розділив ці підходи на дві групи: традиційні й альтернативні. Традиційні соціологічні підходи до соціальних проблем, такі як критичний (марксистський підхід), підходи соціальної патології, соціальної дезорганізації і функціоналістський, виходять з об'єктивізму, тобто соціальні проблеми розглядаються як об'єктивно існуючі дисфункції, суперечності, патологічні та дезорганізовані стани. Об'єктивістські підходи до соціальних проблем були піддані в останній третині ХХ ст. критиці, лейтмотив якої полягав у тому, що об'єктивістські трактування не сприяють розумінню деяких процесів, пов'язаних з виникненням та існуванням соціальних проблем, і розвитку такої галузі дослідження, як соціологія соціальних проблем. Альтернативними вважаються інтеракціоністський підхід, при якому соціальні проблеми вважаються наслідком суспільної реакції, і конструктивістський підхід, при якому соціальні проблеми конструюються індивідами або групами, які привертають увагу громадськості до тих чи інших передбачуваних умов і виступають з вимогами до їх змінення. В арсеналі сучасних соціологів, які вивчають соціальні проблеми, широко представлені як традиційні, так і альтернативні підходи.

Поступово було визнано значення суб'єктивного елемента соціальних проблем за умови, що іншим важливим елементом є об'єктивні умови. Р. Фуллер і Р. Майєрс [10] стверджують, що кожна соціальна проблема має свою структуру і складається з об'єктивної умови і суб'єктивного визначення. При цьому під об'єктивною умовою вони розуміли верифіковану ситуацію, існування і масштаби якої можуть

бути перевірені неупередженим спостерігачем, а під суб'єктивним визначенням – усвідомлення певними індивідами того, що ця умова загрожує певним значущим для них цінностям. Цінності, конфлікт між ними – основна причина будь-якої соціальної проблеми. Вони розробили концепцію стадій соціальної проблеми, відповідно до якої соціальні проблеми не виникають відразу як щось остаточне, дозріле, що користується увагою громадськості і викликає адекватну політику їх вирішення.

Основні ознаки соціальної проблеми: 1) конкретна ситуація, яка може бути описана неупередженим спостерігачем (історія виникнення, масштаби розповсюдження та інші кількісні характеристики); 2) індивіди і групи, що оцінюють ситуацію як проблему, відповідно до цінностей, які руйнує виникла ситуація і з відновленням яких пов'язане вирішення соціальної проблеми (уявлення про соціальну справедливість, конституційні права людини і т. д.); 3) вимоги змінити ситуацію, складність її вирішення і пошуки шляхів розв'язання проблеми [11, с. 67]. Спираючись на виділені ознаки, можна ідентифікувати соціальну проблему, виділити її структуру, що складається з конкретної ситуації, і визначити її як проблему суб'єктив, а потім приступити до її аналізу.

Громадські рухи – це «регулярна ініціативна діяльність багатьох людей, згуртованих прагненням змінити суспільний устрій у цілому або в якійсь його частині. Важливим вираженням цієї діяльності є протестні акції, тому вона неминуче зустрічає опір прихильників існуючого суспільного устрою. Для більшої ефективності своєї діяльності громадські рухи формують організації» [4, с. 53]. Проблематику соціальних рухів, на наш погляд, можна розглядати за усталеною схемою, виділивши «два типи проблем: гносеологічні (пізнавальні), пов'язані з переходом від незнання до знання, з розробкою інструментарію пізнання, з розширенням меж пізнання; предметні (організаційні, соціальні), які являють собою невідповідності, протиріччя між бажаним і дійсним, між існуючим і належним і таким, що вимагає зусиль з боку суспільства для їх розв'язання» [12, с. 72]. Як гносеологічна проблема соціальні рухи являють собою феномен колективної дії, яка розгортається в конкретному часопросторі, що визначає її межі, акторів, репертуар їх дій, фази, інтенсивність розвитку, результативність тощо. Не менш важливим є також урахування темпоральної і смислової

структури колективної дії, що виступає у формі конкретного соціального руху.

Широкий резонанс за останній час набули дослідження Е. Хоффера, визнаного в США класика суспільствознавства, які присвячені природі масових рухів людства – партій, релігійних течій, національних чи соціальних революцій. Е. Хофферу належить визначення низки закономірностей у розгортанні соціальних рухів, які він називає масовими рухами. Відмітимо ті з них, які найбільш наочно характеризують масові рухи як інституціоналізовану колективну дію [13, с. 7, 12, 14, 15, 16, 86, 89, 90, 118, 125]:

– «релігійні, революційні і національні рухи породжують масовий ентузіазм»;

– «незадоволені знаходять в масовому русі можливість стати іншими людьми, отримуючи видну роль або, принаймні, деякі якості, яких вони не можуть знайти виходячи з обмежених ресурсів власного “Я”»;

– «одна з найбільш сильнодіючих приманок масового руху – в тому, що вона замінює нам надію, особливо сильно це діє в суспільстві, де широко поширена ідея прогресу (безробітні охочіше йдуть за продавцями надії, ніж за тими, хто надає їм допомогу по безробіттю)»;

– «потрібна залізна воля, сміливість і далекоглядність видатного вождя, щоб мобілізувати і з'єднати існуючі точки зору та імпульс в колективну енергію масового руху»;

– «всі масові рухи користуються активною дією як засобом для об'єднання»;

– «люди, які виростили в атмосфері масового руху, стають неповноцінними, залежними істотами, навіть якщо від природи вони створені для самостійного життя»;

– «якщо народ дозрів для масових рухів, то це зазвичай означає, що він готовий до будь-якого з них, а не тільки до якогось одного руху з певною доктриною чи програмою»;

– «там, де різні масові рухи бурхливо змагаються між собою, – там бувають і такі випадки, коли різні послідовники одного руху переходять до іншого»;

– «масовий рух за своїм характером рідко буває цілісним. Зазвичай один рух виявляє деякі елементи рухів інших видів; іноді один рух містить у собі два або три. Вихід євреїв з Єгипту був і бунтом рабів, і релігійним рухом, і національним»;

– «активний масовий рух заважає творчому процесу: 1) він розпалює пристрасті і тим самим відводить енергію від творчої роботи; 2) творчу роботу підпорядковує цілям руху – література, мистецтво, наука стають або пропагандою, або зобов'язані служити вузько практичним цілям; 3) творча енергія йде і туди, де масовий рух відкриває широке поле для діяльності (війна, колонізація, індустріалізація); 4) фанатичний стан розуму сам по собі придушує всі види творчої роботи»;

– «масові рухи часто бувають фактором пробудження та оновлення закостенілих суспільств».

Наразі науковці звертають увагу на соціальні рухи нового типу, які функціонують за моделлю мережевих структур і несуть на собі відбиток нового часу, відрізняються від «старих» форм соціальної активності. До характеристик нових соціальних рухів відносяться такі: значуща роль неформальних лідерів, слабка формалізація організації (відсутність статуту, реєстрації тощо), мережевий принцип організації, переважна мобілізація ресурсів постматеріального типу (знання, культурна ідентичність, індивідуальна ідентичність, цінності); плюралізм інтересів; відкритість і готовність до співпраці з іншими організаціями та мережами [2, с. 231–245].

Висновок. Узагальнення досліджень, проведених соціологами на пострадянському просторі, дозволяє нам стверджувати, що для сучасних соціальних рухів стають притаманні такі риси: організаційний плюралізм; актуалізація соціальної проблематики; децентралізація; відповідність характеру, змісту, форм, терміну колективної дії в межах конкретних соціальних рухів соціальному часу; зовнішня підтримка; віртуалізація діяльності; використання новітніх інформаційно-комунікативних технологій; нові вимоги до активістів, лідерів. Наразі проблематика соціального руху як форми колективної дії переходить у площину розробки відповідних соціальних технологій, які потребують соціологічного супроводу.

Список літератури

1. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / И. А. Халий. – М. : Ин-т социологии РАН, 2007. – 300 с.
2. Клеман К. Появление социальных движений нового типа в России / К. Клеман // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М. : ИСП РАН, 2006. – С. 229–264.
3. Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / под ред. Павла Романова и Елены Ярославской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). – М. : «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. – 224 с.
4. Ротмистров А. Н. Общественные движения: опыт классификации социологических концепций / А. Н. Ротмистров // Социол. исслед. – 2010. – № 8. – С. 46–53.
5. Яницкий О. Н. Сети социальных движений в России / О. Н. Яницкий // ОНС: Общественные науки и современность. – 2010. – № 6. – С. 52–62.
6. Bruce Bimber, Andrew J. Flanagin, Cintia Stohl. Reconceptualizing collective action in the contemporary media environment // Communication Theory. – 2005. – № 4 (15). – P. 365–388.
7. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Г. Блумер // Контексты современности-2 : хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2001. – С. 150–159.
8. Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер ; пер. с англ. ; под ред. С. А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во «Экономика», 2004. – С. 437–438.
9. Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И. Г. Ясавеев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 200 с.
10. Фуллер Р. История социальной проблемы / Р. Фуллер, Р. Майерс // Контексты современности-2 : хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2001. – С. 138–141.
11. Симонова Т. М. Теоретические аспекты изучения социальных проблем / Т. М. Симонова // Социол. исслед. – 2009. – № 8. – С. 65–69.
12. Минина В. Н. Социология социальных проблем: Аналитический обзор основных концепций / В. Н. Минина // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 1998. – Т. 1. – № 3. – С. 74–90.
13. Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений / Э. Хоффер. – Мн. : ЕГУ, 2001. – 200 с.

УДК 316.334.3: 329 (477)

М. Г. Морозова

СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В УКРАИНЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Резюме

Статтю присвячено аналізу соціальної основи діяльності політичних партій в Україні. Визначено сутність взаємозв'язку політичних партій та суспільства. Розглянуто рівні дії політичних сил на соціальний базис суспільства.

Охарактеризовано партійний інструментарій та способи зв'язку політичних партій із суспільством в умовах нового інформаційного суспільства.

Summary

The article analyzes social foundations of political parties' activities in Ukraine. The essential interrelations between political parties and society have been stated. Levels of political forces influence on the society social foundations have been considered. The party instruments and ways of political parties interaction with society under the conditions of new information society have been characterized.

Ключевые слова: социальная основа, политические партии, общество.

Политические партии являются исторически сложившимся институтом гражданского общества, который играет роль связующего звена между обществом и властью. Партии вырабатывают и аккумулируют политическую волю граждан и преобразуют ее в решения государственных органов. Развитая многопартийная система – необходимое условие политического плюрализма и реальной демократии.

Проблема деятельности политических партий в Украине считается одной из самых актуальных. Ведь политическая система Украины сегодня выстраивается именно вокруг деятельности политических партий и их лидеров.

Социальная основа деятельности политических партий рассмотрена в работах П. Бурдые, Е. Малкина, Е. Сучкова, Р. Михельса, В. Полторака, М. Безносова, С. Штепы и других. В них обращается внимание на конкуренцию представлений об обществе как

национальном целом, замкнутом границами национального государства; об обществе как корпоративном целом – системе вложенных друг в друга корпораций, обеспечивающих реализацию интересов своих членов, приводятся примеры исследований включенности политических партий в процессы различных стран. Но «такие конкурирующие описания являются не столько объективными отражениями самого общества, сколько представляемыми различными партиями элементами их идеологий, на которых строятся их политические курсы» [1, с. 65].

В общественной жизни, по мнению П. Бурдые, партии выступают институтами общественными. Именно в этом качестве они снабжают общество возможностями и перспективами развития, превращают его существование в непрерывно реализуемый проект. Чтобы обеспечить продолжительную мобилизацию, партии должны, с одной стороны, разработать и навязать представление о социальном мире, способное завоевать приверженность как можно большего числа граждан и, с другой стороны, завоевать власть.

В современной Украине происхождение феномена партий, партийности, партийной мобилизации характеризуется рядом социальных противоречий, основное из которых состоит в том, что партия представляет только часть общества (ранее, скорее всего, как-либо ущемленную), но при этом она предполагает, что эта часть равнозначна целому обществу или, по крайней мере, жизненно важна для него. В современной Украине вновь образующиеся партии обычно начинают свою деятельность с указаниями на исключенность некоей группы общества, на пренебрежение ее интересами и так далее – то есть на ситуацию, которую требуется исправить.

Целью данной статьи является определение направлений исследования социальной основы деятельности политических партий в Украине, взаимосвязи между обществом и политическими партиями, уровней воздействия политических сил на социальную основу общества на основе классических подходов к анализу этих вопросов.

Каждая партия имеет свой электорат и социальную базу. Партизация социальной жизни предполагает ее раздробленность,

которая не снимается никаким функциональным или символическим единством, то есть не снимается ни системой распределения социальных функций и ролей, ни властвующей идеологией и научными описаниями. Партийная жизнь требует не только установления легитимизации постоянной борьбы за власть, но и легитимации конкуренции различных образов «целостности» общества. Существование партий предполагает не только наличие множества социальных различий (которые задают существование классов, страт и так далее), но и постоянный процесс социальной дифференциации. Социальная дифференциация поддерживается, а иногда, предположительно, и провоцируется дифференциацией партий. Поэтому зачастую бывает сложно отличить реальные группы, представленные определенными партиями, от фиктивных групп, созданных под какие-то партии. Это объясняется тем, что любая партия проблематизирует актуальное представление об обществе, вводит в сферу политики некую «еще не существующую» в ней группу и пытается отождествить ее интересы с интересами всего общества, представить эту группу в качестве универсальной или, по крайней мере, необходимой для любой другой группы – доминирующей [3, с. 159].

В современной Украине партии воспринимаются с точки зрения «представления интересов» даже тех, которые открыто выступают против господствующих моделей представительной демократии. В Украине партии имеют социальный базис, взаимоотношения с которым проявляются, прежде всего, в поддержке, оказываемой партии на выборах, привлечении граждан к процессу выработки решений, рекрутировании новых членов партии, активистов и волонтеров, создании фондов поддержки партии и так далее. В зависимости от того, как именно выстраивается связь с социальным базисом, партия может реализовывать дополнительные социальные функции. Так, «рекрутирование новых членов как элемент создания связи с социальным базисом одновременно выстраивает партию в систему вертикальной и горизонтальной мобильности общества, в каковую систему встроены и другие институты – например образовательный» [4, с. 112].

Существуют несколько аспектов социального базиса партий

общества. Среди них можно выделить исторический и социальный генезис партии (или ее происхождение):

- актуальная и перспективная связь с группами интересов и социальными движениями;
- связь с гражданами, которые не входят в число членов партии и партийных активистов, но участвуют в выборах, отдавая голоса партии.

Данная схема позволяет выявить разные способы связи партии с обществом и апелляции общества к партии, причем эти способы могут порой вступать в противоречие друг с другом.

Сформировавшаяся партия может изменить свой социальный базис. Актуальные группы интересов, движения и так далее, представляемые ею сегодня и апеллирующие к ней, могут отличаться от исходных групп, породивших ее или послуживших в качестве исходной. Этот реальный или потенциальный разрыв между происхождением организации и ее актуальной социальной основой определяется самой логикой представительной демократии и относительной автономией партий как организаций, профессионально занимающихся борьбой за власть.

Исходная логика существования партий предполагает, что «группы в социальном пространстве существуют только в перспективе признания со стороны других групп, а также в перспективе утверждения в режиме символической власти. Но одновременно с этой логикой реализуется тенденция к генерализации» [2, с. 204]. То есть партия, входящая в пространство борьбы за власть, говорит не только о частных интересах представляемой ею группы, но и о том, что эти интересы совпадают с интересами всего общества.

Вопрос определения социального базиса – вопрос связи с гражданами, то есть связи, проявляющейся во время выборов. Однако эта связь не гарантирует достижения партией власти. Избирательный механизм предполагает, что действительная актуализация групп и их интересов осуществляется только в голосовании, которое таким образом выступает в качестве предохранительного инструмента, ограничивающего тенденции олигархизации партий. Поскольку голосование – ключевой пункт для достижения

ею власти, партия начинает определяться как организация, конкурирующая за голоса избирателей. Такой подход находит отражение в теории рационального выбора, рассматривающий деятельность партий как экономическую систему обмена услугами между профессиональными партийными политиками и избирателями [4, с. 98]. Теория рационального выбора, заимствованная политологами из экономики, предполагает, что все участники политического рынка (как партии и избиратели) руководствуются мотивами максимизации прибыли, а система этих мотивов образует весьма сложные сети обмена услугами, привилегиями и ожиданиями. Именно в этом контексте профессионализации и одновременно маркетизации партий возникает стремление использовать социологию и ее техники для завоевания наибольшего числа голосов избирателей. Социология перестает быть нейтральным инструментом анализа и становится партийным инструментом: с одной стороны, партии должны знать, как именно структурируются избиратели, чтобы в своих предложениях охватить наибольшую часть электорального рынка. А с другой – они требуют от социологии выработки стратегии изменения этого рынка, если его актуальное состояние не позволяет решить проблему получения власти.

На наш взгляд, каждая политическая сила выбирает свой социальный базис и свою часть электората, на которую она будет ориентироваться, тем не менее, цель у всех политических партий одна – получение власти. У каждой партии свой политический курс, свои интересы, которые она лоббирует, пытаясь увеличить круг избирателей, но можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день партийной идеологии в Украине нет. Как нет и идеологических партий. Есть только колоссальная потребность общества в идеологии. Тенденция политических выборов в Украине такова, что интерес у общества к этому процессу постепенно снижается, поэтому привычные обществу партийные инструменты, используемые политическими партиями, уже не подходят обществу.

Основная политическая технология предполагает исследование связи социальных различий с отдаваемыми голосами и предпочтениями избирателей. Так, демократическая партия США идентифици-

ровалась с профсоюзами и, одновременно, голосами рабочих и мелкобуржуазных избирателей. Однако «модернизационные» процессы поставили под вопрос не только существование рабочего класса, но и сместили центр партийной жизни от групп интересов к избирательному рынку: на фоне деструкции традиционных социальных различий возникает теория всеохватывающей или народной партии, которая, апеллируя к принципиально расширяемому кругу избирателей (и тем самым к социальному консенсусу), может оценить свою работу только по рыночным (электоральным) показателям.

В известной мере партия может гомогенизировать общество, представляя себя в качестве потенциального законного монополиста, который может удовлетворить запросы всего общества в целом. Консервативная схема влияния на общество, в частности на категорию «избирателей» – вертикальная компания, то есть социальный базис – общество и связь с ним, которая управляется с помощью вертикальных технологий (штаб партии, куда поступают указания и директивы). Как пример можно привести СССР, где все решения были централизованными, осуществлялся контроль всей информации, которая доходит до общества, партия была одна. Но на сегодняшний день в рамках многопартийной системы нельзя забывать о том, что социальный базис изменился – актуальна и перспективна связь с группами интересов и социальными движениями, связь с гражданами, которые не входят в число членов партии и партийных активистов, но участвуют в выборах, отдавая голоса партии. Для достижения своей цели – власти, необходимо поменять саму связь с социальными движениями, поменять партийный инструментарий.

Таким образом, партия обязана иметь социальный базис, взаимоотношения с которым проявляются, прежде всего, в поддержке, оказываемой партией на выборах, привлечении граждан к процессу выработки решений, рекрутировании новых членов партии, активистов и волонтеров, создании фондов поддержки партии и так далее. Однако способы связи с социальным базисом изменились, традиционные технологии вертикальной связи уже не действенны. Применение горизонтальных схем управления и связей в рамках нового информационного общества обусловит достижение цели, поставленной

перед собой политическими силами. При этом необходимо учитывать интересы самого общества, которые оказывают поддержку политической партии для дальнейшей реализации своих целей посредством данной партии.

Список литературы

1. Бурдые П. Политическое представление / П. Бурдые // Социология социального пространства. – М. : Ин-т экспериментальной психологии, 2005. – 215 с.
2. Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже. – М. : Академический проект, 2002. – 560 с.
3. Основы теорий политических партий : учеб. пособие / под ред. С. Е. Заславского. – М. : Европа, 2007. – 264 с.
4. Кочетков А. П. Политические партии и гражданское общество / А. П. Кочетков. – М. : Постскриптум, 1998. – 310 с.
5. Партийное строительство : учеб. пособие / под ред. Н. А. Петровичева. – М. : Политзидат, 1978. – 274 с.

УДК 316.334.3-055.2

*С. Ю. Андреева***ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА
ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА****Резюме**

У статті розглянуті гендерні особливості конструювання образу жінки-політика. Визначені чинники, що впливають на побудову образу, серед яких важливе місце займають гендерні стереотипи. Узагальнені характеристики асертивності жінки у сфері політики та громадської діяльності, гендерні уявлення молодих людей про роль жінки в суспільстві.

Summary

The article considers gender peculiarities of a woman-politician image. Factors influencing the image forming of which gender stereotypes are of special importance are determined. Characteristics of assertiveness in the field of politics and public work as well as young people's gender views on the woman's role in society are summarized.

Ключевые слова: образ женщины-политика, гендерные стереотипы, гендерные представления, асертивность женщины.

Актуальность гендерной специфики конструирования образа женщины-политика обусловлена по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, исследование структурных компонентов образа женщины-политического лидера приобретает особое значение в условиях социально-политических перемен, когда трансформации в общественной жизни влияют не только на макросоциальные процессы, но и сказываются на индивидуальной жизни людей, изменяют ценности, нормы, образцы поведения. Во-вторых, изучение данной проблемы важно в ситуации, когда в обществе декларативно признается гендерное равенство, но на практике существует гендерная асимметрия общесоциальных ролей и формируется противоречивый набор гендерных норм, стереотипов, правил поведения в различных сферах, в том числе и в политической. Именно поэтому целью статьи является анализ гендерных особенностей образа женщины-политика, сложившегося в новых политико-институциональных условиях.

Основой для рассмотрения данной проблемы выступают гендерные концепции Н. Нечаевой (теория гендерной картины мира), Л. Колберга (теория формирования гендерного стереотипа), К. Гиллиган (теория развития нравственности), исследования А. Хвостова (гендерные особенности морального сознания), Е. Здравомысловой, А. Темкиной (гендерное измерение социальной и политической активности), Валери Брайсон (гендер и политика времени). Такое концептуальное разнообразие позволяет нам с точки зрения гендерного подхода изучить значимые компоненты образа женщины-политического деятеля.

Образ женщины в политике коррелирует с определенными институциональными практиками. Типологические, функциональные, ролевые характеристики можно оценивать в контексте социальных изменений, увеличивая или уменьшая объективные возможности женщины в политической сфере. В этой связи представляется целесообразным более четко обозначить динамику рассматриваемого нами образа. Если в 60–80-х гг. роль женщины-политика отождествлялась в большинстве случаев с ролью матери и количество женщин-политиков было минимальным, а в советский период акцент делался на успешной профессиональной деятельности героини, то в последние два десятилетия внимание привлекает целостный портрет: и частная жизнь, и внешний вид, и политическая позиция женщин. Они входят в политику как представители конкретных политических сил и структур, им приходится приложить немало усилий, чтобы подтвердить свою партийную лояльность. Следовательно, время символов женщин в политике наступает, когда общество ощущает необходимость в перемене статуса, институциональных изменениях, при переходе к новой матрице политического устройства (например, в постсоветское время).

Несмотря на то, что образ политика формируется в контексте развития общества и тех социально-исторических условий, в которых осуществляется политическая деятельность, следует все же учитывать существование множества мифов относительно способности женщин занимать высокие должности в высших эшелонах власти,

среди которых самыми распространенными, по мнению Валери Брайсон, являются следующие [1]:

- не важно, что говорит женщина, главное – как она выглядит;
- женщина должна оставаться только женой и матерью, она не способна объединять политическую карьеру и семейную жизнь;
- если женщина у власти, значит, она не имеет права на ошибку, то есть если она плохой политик, то это только потому, что она женщина;
- женщина не может прийти в политику самостоятельно и т. д.

Характер политического лидерства вообще и женского в частности формируется под влиянием многих факторов (например, общественное мнение, стереотипы), сочетание которых дает нам конкретные образы политика. Вместе с тем, как указывает Г. Почепцов, существует стандартный набор качеств, на который, как правило, ориентируются при построении образа политика [2, с. 505–507].

Во-первых, это персональные характеристики политика. К ним относятся его физические, психофизиологические особенности, его характер, тип личности, индивидуальный стиль принятия решений и т. д. Во-вторых, это социальные характеристики, под которыми мы чаще всего понимаем статус политика. И, наконец, образ лидера несет большую символическую нагрузку. В отношении женщин следует обозначить четвертую составляющую – гендерную. В своем облике они должны иметь и мужские черты, и чисто женские.

Как нам представляется, одним из необходимых условий формирования образа является его органичное вхождение в рамки существующих в массовом сознании стереотипов. Гендерные стереотипы можно разделить на три группы. Первая группа связана с нормативными представлениями о психических, поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин. Это стереотипные представления о том, что мужчины компетентны, независимы, агрессивны, склонны мыслить логически, а женщины – пассивны, зависимы, не уверены в себе, заботливы и нежны. Такой стереотип представляет собой специфическую конструкцию черт, поведенческих моделей, видов деятельности, которая подразумевает сепарированность

мужчин и женщин, сегрегацию мужской и женской сфер деятельности. Исследователи Н. Ходоров, Дж. Бейкер Миллер и К. Гиллиган утверждают, что женщины во главу угла ставят отношения между людьми, а мужчины – результат работы [3, с. 35].

Изменения, происходящие в современном обществе, отчасти ломают гендерные стереотипы: женщины всех возрастных групп, разного уровня жизни, политических взглядов и профессий начали осознавать себя психологически и социально независимыми, т. е. все больше и больше проявляется ассертивность женщины [4, с. 86–87].

Исследователь Ц. Короленко связывает это понятие с различными проявлениями в повседневной жизни, в особенностях взаимодействия между индивидами (способность свободно высказывать свою точку зрения, руководствоваться в принятии решений собственным мнением). Ассертивность женщины в поле политики и общественной деятельности имеет ряд характеристик, которые, по нашему мнению, могли бы стать составляющими образа женщины-политика: отсутствие комплексов, умение настоять на своем, защитить свои права, уважение своих интересов и потребностей в такой же мере, как интересов и потребностей других людей. В процессе коммуникации, что является важным показателем в деятельности политика, ассертивность означает доверие собственному стилю поведения, свободную манеру говорить и держаться.

Таким образом, ассертивное поведение предполагает равенство в межличностных отношениях, в том числе между мужчиной и женщиной, демифологизацию этих отношений. Оно непосредственно связано с отсутствием предубеждений и выражается в способности защищать свои интересы и права, уважая при этом интересы и права других людей.

Несмотря на то, что в современном обществе гендерные отношения претерпевают изменения, все же, как показывают результаты исследований, некоторые старые правила, мифы и стереотипы поведения продолжают оказывать влияние на характер, содержание, результаты и оценку деятельности женщин. Это подтверждают результаты опроса студентов высших учебных заведений Харьковского региона, проведенного Ассоциацией молодых профессионалов

«Класс» и социологической лабораторией «Академические инициативы» в 2009 году (опрошено 968 студентов) [5].

Основной сферой дискриминации женщины, согласно ответам девушек, является политическая карьера, затем следует трудоустройство, третье место разделяют ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, материальные трудности в связи с необходимостью растить детей, на четвертом месте – дискриминационные этические традиции. Согласно представлениям студентов-юношей, дискриминация женщины прежде всего проявляется в возможности трудоустройства, на втором месте – политическая карьера, третье место – ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Четвертое место заняли практически не встречающиеся в ответах девушек замечания о физическом и физиологическом неравенстве («особенности женской логики», «физически более слабые существа»).

Исходя из данных опроса, для девушек характерно то, что среднестатистический идеал мужчины совпадает с идеалом мужа: оборонитель, добытчик, принимающий умные, ответственные и благородные по отношению к женщине решения; среднестатистический идеал женщины – равно успешная во всех сферах, ухоженная, независимая, умница. Большинство девушек считают женщину ущемленной, прежде всего, в политической карьере, трудоустройстве, и в то же время порядка 20% респондентов не могут оценить, в какой сфере жизни социума может быть применена общественная активность женщин и нужна ли она вообще обществу. Около 80% юношей отказывают женщине в возможной общественной полезности. К сожалению, можно констатировать факт существования негативного стереотипа женщины-политического деятеля, определения политики как «неженской сферы», а в лучшем случае – закрепления за женщинами-политиками отдельных отраслей: социальной защиты, охраны здоровья, образования, проблем экологии.

На основании наблюдений и анализа социологических исследований мы приходим к выводу, что украинский вариант гендерного стереотипа о реализации женщин в политике, несмотря на исторические предпосылки матриархального характера украинского общества, традицию уважительного отношения к женщине в нашей

культуре, смещен в сторону преобладания мужчин в сфере принятия политических решений. Поэтому в процессе конструирования образа женщины-политика необходимо учитывать влияние гендерных стереотипов, представлений, социокультурных характеристик.

В дальнейшем видится важным осуществить анализ образа женщины в контексте институционального измерения политики, что даст возможность по-новому взглянуть на процессы «женской партиципации», «женского элитизма», «женского институционализма», исследовать ресурсы женщины и возможности их реализации, предоставляемые политическими институтами. Кроме того, изучение перспектив женской политики позволит осмыслить ориентиры развития украинского общества.

Список литературы

1. Valerie Bryson. Gender and the politics of time. Feminist theory and contemporary debates [Electronic resource] / Valerie Bryson. – Mode of access: <http://www.socwomen.org/web/>
2. Почепцов Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-букс; К. : Ваклер, 2006. – 576 с.
3. Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб., 1997. – 454 с.
4. Петрова Р. Г. Гендерология и феминология : учеб. пособие / Р. Г. Петрова. – 5-е изд. – М. : Дашков и К, 2010. – 272 с.
5. Родина та її проблеми очима студентства Харківщини (звіт за результатами дослідження) / [А. Бабічев, О. Котуков, О. Кочемировська та ін.]. – Х. : Упр. у справах сім'ї та молоді Харк. обл. держ. адмін., 2009. – 84 с.

УДК 316.3

*Н. К. Міхно***ОСОБЛИВОСТІ ФОРМУВАННЯ ПОНЯТТЯ «РЕГІОН»
У СОЦІОЛОГІЧНОМУ ДИСКУРСІ****Резюме**

Основное внимание в данной статье сосредоточено на прослеживании процесса первичного теоретического оформления понятия «регион» в социологическом дискурсе. Анализируется эволюционный путь становления теоретической формы от классического периода до современной научной мысли. Выделяется понятие региона сквозь призму пространственного понимания данного концепта.

Summary

The focal point of the article is tracing the process of primary theoretical registration of the concept «region» in sociological discourse. The author analyses evolution of the theoretical from the classical period up to modern academic thought. The notion «region» is regarded through a space interpretation of the concept.

Ключові слова: регіон, соціальний простір, територія, регіоналізація.

У багатьох відношеннях територія є найважливішою властивістю соціального життя. У контексті розвитку сучасного світу важливу роль відіграють саме регіональні одиниці, оскільки регіони стають головними акторами формування системи світоустрою. Для встановлення наукової парадигми регіональних досліджень велике значення має дефініція ключового поняття «регіон». Але підходи до визначення цього поняття розрізняються кардинальним чином. Регіон визначається залежно від конкретних цілей представників багатьох наук, що вивчають цей феномен. Особливої актуальності набуває дослідження регіону в межах соціологічної науки.

Метою даної статті є окреслення специфіки теоретичного визначення поняття «регіон» у соціологічному дискурсі.

Досягнення зазначеної мети передбачає вирішення наступних *завдань*: виявлення первинних теоретичних концептів, що є базовою основою для виділення поняття «регіон», простеження історичного розвитку наукових поглядів стосовно даного питання та розгляд

особливостей концептуалізації поняття «регіон» з урахуванням специфіки сучасної соціокультурної ситуації.

Доречним є поділити дослідження процесу концептуалізації поняття «регіон» на такі етапи:

- аналіз робіт зарубіжних соціологів класичного та сучасного періоду;
- виявлення специфіки теоретичного наповнення поняття «регіон» в умовах радянського суспільства;
- простеження сучасного українського соціологічного дискурсу щодо процесів визначення регіонів.

Прагнення регіонів знайти своє місце в межах великої кількості національних та наднаціональних соціально-політичних структур посилює значимість даного феномену. Ми маємо змогу детальніше розглянути регіони саме як простори, але не обмежуючи поняття простору виключно територіальними рамками, а включивши до нього функціональний, політичний і соціальний аспекти. Простір у даному випадку розглядається не просто як місце розташування матеріальних об'єктів, а як поняття чи ідея відносно території, на якій розгортаються соціальні зв'язки та взаємодії. Саме в контексті просторового розуміння феномену регіону викликає інтерес вивчення робіт класиків соціології, зокрема на особливу увагу заслуговують теоретичні ідеї О. Конта, Е. Дюркгейма, Г. Зіммеля, П. Сорокіна, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, П. Бурд'є.

У період виникнення та становлення соціології як науки просторова змінна не була центральною категорією дослідження, але в процесі теоретизування так чи інакше ряд дослідників суспільства торкався цього питання. У роботі О. Конта «Курс позитивної філософії» [1] зазначалося, що простір та час виступають важливими елементами, без яких неможливо формулювати закони. Він ввів до наукового обігу поняття «соціальної відстані», «соціальної сили», обґрунтував ідею щодо тривимірності простору. Подальший розвиток проблема простору отримала в роботах Е. Дюркгейма «Про деякі первісні форми класифікації», «Елементарні форми релігійного життя», «Про розподіл суспільної праці» [2]. Проблема простору він формулює як проблему соціального простору, який розглядає як момент соціальної структури.

За визначенням Е.Дюркгейма, простір не може бути гомогенним, однорідним та універсальним. Він має бути диференційованим і розподіленим, тобто організованим, причому організованим соціокультурно. Уявлення про простір і його структуру спільні для всіх членів суспільства, оскільки вони входять до однієї соціальної або цивілізаційної цілісності. Члени суспільства до порядку розміщення, загального уявлення щодо простору ставляться не свідомо, а як до того, що існує безумовно.

Необхідно зазначити ще один напрям аналізу простору в соціології, засновником якого є Г. Зіммель. У своїй науковій праці «Соціологія простору» він розглядає основні якості простору як форми, які ураховуються в формуваннях спільного життя [3]. Простір виступає як феномен у різних модусах. Сам соціальний простір стає одночасно і простором примусу, і простором свободи, і простором творчості. Відмічається, що існують деякі якості простору, які дозволяють відчувати солідарність із ним (тобто ми маємо змогу говорити про регіональну ідентичність). Саме територія може стати центром ідентичності. Це стає можливим за умови існування поняття межі, кордону. У межах простору можуть знаходитися або взаємодіяти люди, переміщуватися товариства або зафіксовані на певній території соціальні спільноти – регіони. В процесі дослідження проблематики соціального простору варто виділити наукові позиції П. Сорокіна. Він вивчав соціальний простір під кутом зору соціальної мобільності. Звертаючи увагу на порівняння геометричного та соціального просторів, П. Сорокін зазначає, що геометричний простір є тримірним, а соціальний – багатомірним [4]. Виходячи з цього, він пропонує своє визначення соціального простору: соціальний простір – це народонаселення Землі, а позиція людини в соціальному просторі визначається шляхом фіксування сукупності зв'язків з усіма групами населення та всередині кожної з цих груп.

У контексті аналізу соціального простору виникає необхідність відмітити підхід Т. Парсонса до даної проблематики. У роботі «Соціальна система» Т. Парсонс вводить поняття територіальності, зазначаючи, що просторове або територіальне розміщення – це один із співвідносних атрибутів біологічного існування і тому не існує

жодних конкретних дій, що не відбувалися би у просторі [5]. Просторове розміщення вказує на те, у якому специфічному відношенні певний об'єкт знаходиться або розташовується у просторі відносно інших об'єктів (регіональний статус). Кожна соціальна група, кожна спільнота повинна займати окреме місце в просторі суспільства. Для сучасних дослідників регіонів доробок Т. Парсонса має особливе значення з тієї причини, що його центральною категорією є регіон, що в системному аналізі концептуалізується як підсистема суспільства. Будучи автономною, самоорганізуючою підсистемою, певною «живою клітиною» соціуму, регіон становить інтегративне ядро соціальної системи, відтворюючи себе та енергетично підтримуючи суспільство. Вагомий внесок у розвиток поняття системи за Т. Парсонсом вклали представники Франкфуртської школи соціології. Так, методологічні розробки Ю. Хабермаса можуть бути застосовані до трактування регіону як відкритої системи.

Варто зазначити, що П. Бурд'є звернув увагу соціології на різносторонній аналіз просторових феноменів у суспільному житті. Згідно з його теорією, соціальний простір є амбівалентним, що передбачає наявність у ньому двох складових: фізичного та символічного простору [6]. Він навіть намагається їх розмежувати: фізичний простір визначається за взаємними зовнішніми сторонами частин, що його утворюють, а соціальний простір – за взаємовиключенням (або відмінністю) позицій, що його утворюють. У П. Бурд'є фізичний простір є соціальною конструкцією та проекцією соціального простору, соціальна структура в об'єктивованому стані, об'єктивація та нату-ралізація минулих та діючих соціальних відносин.

Тобто варто зазначити, що в межах класичного соціологічного періоду в роботах зарубіжних учених, які торкалися питання вивчення територій, просторова детермінанта є домінуючою.

У сучасній зарубіжній науковій літературі при аналізі специфіки територіальної організації суспільного простору, на відміну від класичного періоду, широко залучається поняття «регіон». На особливу увагу заслуговують роботи таких учених, як Б. Андерсон, Е. Гідденс, М. Кітінг, Е. Томпсон, Е. Хюрелл та ін. Так, Е. Хюрелл у роботі «Пояснення відродження регіоналізму у світовій політиці» вказує, що

регіон – це природний, органічний принцип територіальної організації соціальних, політичних, економічних та культурних аспектів життєдіяльності людських товариств [7, с. 333]. У межах розробки теорії регіоналізму М. Кітінг у роботі «Новий регіоналізм у Західній Європі» розглядав регіон як мінливе поняття, що включає різноманітні територіальні рівні та широкий соціальний зміст. Мінімальним його визначенням є проміжний територіальний рівень (між державою та місцевим рівнем), хоча воно досить широке та майже нічого не говорить про його територіальні масштаби, оскільки деякі регіони в цьому сенсі більші за деякі держави. Регіон не є лише географічною категорією, не можна ототожнювати поняття «регіон» та «територія». Територіальна складова є суттєвою для будь-якого регіону, оскільки вона є базисом як його формування, так і його існування. Будь-який регіон являє собою територію, але лише територіальної компоненти недостатньо для того, щоб називати територію регіоном. Але, як зазначають дослідники, регіони настільки відмінні між собою, що даний термін майже повністю позбавлений описового визначення. Так, у роботі «Регіони, регіоналізація та регіоналізм у сучасній Європі» Е. Томпсон вказує, що концепція регіоналізації на практиці є досить аморфною, хоча можна сказати, що регіон, безперечно, є територіальною одиницею. У широкому розумінні термін «регіон» застосовується до таких територіальних одиниць, які працюють між рівнями місцевого та національного урядів. Необхідно відмітити, що за таким визначенням регіон є частиною держави. Як відзначив Б. Андерсон у роботі «Уявні суспільства. Роздуми щодо витоків та поширення націоналізму» [8], з самого початку цей термін був досить невизначеним, він перебував між специфічно територіальним та загальноносементним, а також використовувався в різних аспектах у метафоричному та розширеному вжитку. В межах соціологічної концепції структуризації Е. Гідденс, відмічаючи просторову іманентність практик, зазначає: той факт, що практика існує у просторі, дає підстави сформулювати ідею «локалу» – фізичного регіону, який структурується практиками та слугує для їх просторової систематизації.

Тобто маємо змогу відмітити, що в результаті досліджень специфіки територіальної організації представниками зарубіжної наукової думки

на сучасному етапі було виділено формальні ознаки регіонів, визначені їх атрибутивні характеристики та зазначено рівень функціонування регіону в державі.

Для подальшого кроку дослідження, а саме виявлення специфіки теоретичного наповнення поняття «регіон» в межах української наукової думки, важливим є аналіз умов та особливостей застосування цього поняття в науковій літературі радянського періоду. Так, простежуючи процес концептуалізації поняття «регіон» у контексті радянської наукової парадигми, відмітимо, що дане поняття набуває економіко-географічних рис. Оскільки поняття «регіон» активно розроблялося в радянські часи саме економістами та соціально-економічними географами в межах розробки планів соціально-економічного розвитку підприємств, міст та сіл, вони вважали регіоном територію, що за сукупністю елементів, які насичують її, відрізняється від інших територій та характеризується єдністю, взаємопов'язаністю складових елементів, цілісністю, причому ця цілісність – об'єктивна умова і закономірний результат розвитку даної території. Це широке описове визначення можна розглядати як відповідну точку і для соціологічного дискурсу з приводу розуміння регіону, визначаючи регіон як специфічне соціокультурне поле, для якого притаманна цілісність складових елементів. Але варто відзначити, що головною особливістю радянського дискурсу щодо регіону як способу організації територіального простору є економічна детермінанта, і соціологічна наука не є виключенням. Дану тезу підтверджує визначення Н. Аїтова, який одним із перших у радянському соціологічному товаристві запропонував визначення регіону: «З точки зору соціології, регіон – це соціально-територіальна спільнота, що характеризується локалізацією єдиних для всієї країни суспільних відносин. Ця спільнота передбачає певну економічну єдність регіону, що складається на базі загальносоюзного поділу праці» [9, с. 15].

Оскільки протягом довгого часу трактування поняття «регіон» було пов'язано з домінуючою лінією економіцентризму, позитивним для подальшої розробки теми вже у пострадянські роки було ствердження розуміння регіону через поняття соціально-територіальної спільноти, а також зв'язку цієї спільноти з системою суспільних відносин в країні.

В подальшому для уникнення подвійного трактування, пов'язаного з економоцентризмом, було запропоновано розрізняти економічне і соціологічне розуміння регіону. Серед наукових робіт учених на пострадянському просторі починає домінувати соціологічний підхід до поняття «регіон». Так, ознаками регіону називаються: специфічні природні умови; спеціалізація виробництва, що склалася; певний рівень розвитку продуктивних сил; специфіка соціальної структури; уклад життя населення, що історично закріпився [10, с. 116]. У процесі теоретичного наповнення поняття «регіон» виділяються два базові концепти – простір та територія. Так, у виданні «Тлумачний словник суспільствознавчих термінів» регіон трактується як значний простір, що охоплює частину країни, групу сусідніх країн або частин континенту, що відрізняються від інших сукупністю історично сформованих особливостей (природних, економічних, етнічних, духовних та ін.) [11, с. 360]. А у «Соціологічній енциклопедії» під редакцією В. Іванова під «регіоном» розуміють: 1) територіально диференційовану спільноту людей; 2) історично сформоване цілісне територіальне утворення, що відрізняється особливостями етнічного та конфесіонального складу населення, специфікою господарчого устрою, традицій побуту [12, с. 319].

Безпосередньо в українській соціологічній думці присутній підхід до розуміння регіону як певного простору, що має територіальну закріпленість. Так, у роботах І. Кононова надається таке визначення: «Регіон – основна субнаціональна територіальна одиниця індустріальних та інформаційних суспільств, що пов'язана з існуванням особливих територіальних спільнот, які формуються з локалізацією кластеру практик при освоєнні своєрідних геоторій» [13]. В останні роки вивчення соціологічною наукою регіону характеризувалося збільшенням ознак, які бралися до уваги в дослідницькій практиці. Називається сім складових (підсистем) регіону: фізико-географічна, економічна, політико-адміністративна, етнічна, соціокультурна, правова і політична [14]. Тобто регіон набуває характеристик, притаманних соціуму в цілому.

Отже, в межах пострадянської наукової думки можна виокремити два підходи до розуміння регіону – загальнотеоретичний та конкретно-практичний. У загальнотеоретичному розумінні регіон – це історично

сформоване територіальне співтовариство людей у складі більшого суспільства, мезорівень структури та динаміки суспільства. У конкретно-практичному сенсі регіон являє собою територіальну одиницю політико-адміністративної, економічної та соціально-культурної структури країни.

Таким чином, варто зазначити, що на сьогоднішній день в українському соціологічному дискурсі попри наявність ряду наукових робіт спостерігається незавершеність процесу парадигмально, концептуально та операціонально коректного визначення регіону, що дозволить розробляти конкретну дослідницьку стратегію вивчення регіональних змінних. Надбання української наукової думки щодо роботи з поняттям «регіон» залишається в залежності від спадщини радянського економіцентризму в аналізі територіального фактора. В результаті аналізу позиції сучасних західних дослідників було виявлено, що регіон сприймається як особливий локальний хронотоп, що характеризується такими рисами як внутрішня самодостатність та цілісність, мінливість, дифузність меж, різнорівнева багатосферність, широка гама культурних традицій та практик, що, у свою чергу, обумовлює проблематизацію роботи з концепцією регіону. Отже, на основі аналізу специфіки концептуалізації поняття «регіон», визначивши його первинний теоретичний концепт (простір), зазначимо, що найбільш повно відображає сутність соціологічного підходу до вивчення регіону його визначення як простору, що є складно структурований територіально, економічно, соціокультурно та сприяє власним інтересам і цілям розвитку, не маючи при цьому політичного суверенітету.

Список літератури

1. Конт О. Курс позитивной философии / О. Конт // Антологии мировой философии. – Т. 3. – М., 1971. – С. 500–586.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; общ. ред. А. Б. Гофмана. – М., 1991; Дюркгейм Э. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений / Э. Дюркгейм, М. Мосс // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М., 1996; Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Мистика. Религия. Наука / Э. Дюркгейм // Классики мирового религиоведения : антология ; пер. с англ., нем., фр. – М. : Канон+, 1998.

3. Зиммель Г. Социальная дифференциация: социологические и психологические исследования / Г. Зиммель // Избранное. – Т. 2. Созерцание жизни. – М. : Юристь, 1996. – 450 с.
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Система современных обществ / под ред. М. С. Ковалевой ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
6. Бурдьё П. Начала / П. Бурдьё. – М. : Социо-логос, 1994. – 287 с.; Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 1998. – 562 с.; Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё. – М., 1993. – 336 с.
7. Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. October. Vol. 21. – P. 333.
8. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. – М. : КАНОН-прес-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
9. Аитов Н. А. Социальное развитие регионов / Н. А. Аитов. – М. : Мысль, 1985. – 220 с.
10. Староверов В. И. Регион / В. И. Староверов // Социология. Словарь-справочник. – Т. 1. Социальные структуры и социальные процессы. – М. : Наука, 1990. – С. 116.
11. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – СПб. : Изд-во «Лань», 1999. – 528 с.
12. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Национальный общественно-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; глав. ред. В. Н. Иванов. – М. : Мысль, 2003. – Т. 2. – 863 с.
13. Кононов І. Ф. Соціологія і проблеми просторової організації суспільства / І. Ф. Кононов // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. – № 4. – С. 57–79; Кононов І. Ф. Проблема пространства в соціології / І. Ф. Кононов // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2004. – № 621. – С. 20–21; Кононов І. Ф. Проблема границ и ее значение для социологии / І. Ф. Кононов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. – Х. : Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2004. – С. 45–49; Кононов І. Ф. Трансформация региональной системы в современном мире и проблемы пространственного структурирования украинского общества / І. Ф. Кононов // Загальна соціологія. Хрестоматія ; за ред. проф. В. Г. Городяненка. – Д. : Вид-во ДНУ, 2006. – С. 386–390.
14. Барбаков О. М. Регион как объект управления / О. М. Барбаков // Социол. исслед. – 2002. – № 7. – С. 97–98.

УДК 331.108.26

Е. Б. Банникова

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

Резюме

У даній статті автор розглядає проблему організаційної культури як важливу складову частину менеджменту персоналу. Дається визначення організаційної культури, демонструється її значення для процесу управління і характерні риси.

Summary

The article discusses the problem of organizational culture as an important component of human resources management. The definition of the concept «Organizational culture» is given; its significance for the management process and its main characteristics are determined.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративная культура, персонал, человеческий капитал, менеджмент.

В условиях перехода к регулируемым рыночным отношениям предельно актуализируется роль человеческого фактора, оптимизация использования которого выступает одной из стратегических задач эффективного управленческого процесса. При этом совокупные трудовые качества человека, с помощью которых он преобразует себя и окружающий его мир, реализуются в форме человеческого капитала. Это предполагает широкую трактовку социально-экономического аспекта деятельности человека, позволяет по-новому подойти к рассмотрению системы управления человеческими ресурсами, определить и понять ведущую роль индивида в обеспечении эффективности и инновационной восприимчивости организации. В связи с этим появилась необходимость разработки рекомендаций по решению ряда задач управления человеческим капиталом организации, осмысления вопросов формирования и развития совокупных способностей человека к труду, в том числе посредством формирования в организации достаточного уровня организационной культуры.

Проблему формирования и развития в организации организационной

культуры рассматривали Т. Ю. Базарова, Э. Д. Вильховиченко, А. П. Егоршин, Б. Л. Еремина, Г. П. Щедровицкий, Э. Шайн и др. Вместе с тем библиографическое исследование показывает, что в отечественной научной литературе отсутствуют единые устоявшиеся понятия «организационной культуры» и «корпоративной культуры». Западный термин «corporate culture» иногда переводится как «корпоративная», а иногда – как «организационная» культура, что, вдобавок к несовпадению культурных контекстов, запутывает вопрос. Таким образом, в отечественной науке и практике соотношение корпоративной и организационной культур не наполнено к настоящему моменту общепринятым смыслом. В то же время существует запрос от реальных управленцев на формирование организационной культуры, вызванный устойчивым мнением о том, что наличие корпоративной культуры является методом эффективного управления человеческими ресурсами предприятия.

Таким образом, целью данной статьи является характеристика организационной культуры как инструмента менеджмента, направленного на управление человеческим капиталом организации.

Среди существующих концепций культуры к заявленной позиции наиболее близка функционалистская концепция культуры, основанная на понятии системы и представлении о функциональном единстве общества как взаимосвязи социальных и культурных структур [8, с. 228–232].

Культура нами понимается как устойчивая самовоспроизводящаяся система, которая является формой организации взаимодействия человека и социума, теми «клетками», проекции которых в их множестве воспринимаются нами как длительно существующие феномены окружающей социальной реальности.

Помимо намеченного функционального аспекта для наших инструментальных целей значим генетический аспект рассмотрения культуры. В этом смысле имеющиеся наличные и проектируемые образцы культур мы условно выстраиваем в следующий ряд: организационная культура, корпоративная культура. С ними мы соотносим возможности управления человеческими ресурсами или, точнее, человеческим капиталом организации.

В отдельных изданиях вопрос о культуре организации раскрыт в общих чертах, на основе обобщения западного и незначительного отечественного опыта [3; 4; 7], а во многих учебниках по менеджменту и управлению персоналом соответствующий раздел отсутствует вообще [1; 5; 6].

Кроме того, имеется некая терминологическая путаница: одни авторы отождествляют понятия «корпоративная» и «организационная культура» [9, с. 35], другие же, наоборот, проводят значительную границу между ними.

Одна из попыток охарактеризовать корпоративную культуру в отечественной литературе была предпринята известным российским консультантом Т. Ю. Базаровым. По его мнению, «корпоративная культура – сложный комплекс предположений, бездоказательно принимаемых всеми членами конкретной организации и задающих общие рамки поведения, принимаемые большей частью организации. Корпоративная культура проявляется в философии и идеологии управления, ценностных ориентациях, верованиях, ожиданиях, нормах поведения. Корпоративная культура регламентирует поведение человека и дает возможность прогнозировать его реакции в критических ситуациях» [7, с. 405].

Организационную культуру Т. Ю. Базаров определяет как «интегральную характеристику организации (ее ценностей, правил поведения, способов оценки результатов деятельности, представленной в образе организации)» [7, с. 405].

По мнению Э. Шайна, организационная культура – это комплекс базовых предположений, изобретений, обнаруженный или разработанный группой для того, чтобы научиться справляться с проблемами внешней адаптации и внутренней интеграции [9, с. 12].

Существуют и другие определения данного феномена, однако ограничением приведенных понятий является то, что практически ни в одном из них четко не указывается на источник возникновения корпоративной и организационной культур, поскольку именно здесь заложено существенное различие между этими понятиями. В таком ракурсе можно говорить о том, что корпоративная культура специально формируется (как правило, первыми лицами организации)

и объединяет ценности организации, обычаи, традиции, особенности поведения и т. д.; организационная культура – неформальная система, которая формируется спонтанно при взаимодействии сотрудников в организации.

Большинство авторов сходится в том, что организационная культура представляет собой сложную композицию важных предположений (часто не формулируемых), бездоказательно принимаемых и разделяемых всеми членами коллектива.

Исследования в области культуры организации имеют довольно длительную историю. Профессор Корнельского университета (США) Харрисон Трайс склонен считать первой попыткой исследования деятельности корпорации в культурном аспекте работу группы американских учёных во главе с Э. Мэйо в начале 30-х годов XX века при проведении известного Хоуторнского эксперимента в компании Western Electric в Чикаго. Этот эксперимент проводился в 4 этапа в течение пяти лет (1927–1932 гг.) и имел целью выяснение влияния на производительность труда отобранных для исследования работников компании самых разных факторов. Результаты первых двух этапов поставили вопрос о несостоятельности некоторых посылок «классической» теории менеджмента, и «виноваты» в этом были ранее не оценивавшиеся, «скрытые» психологические и социальные факторы.

Для подтверждения своей гипотезы Э. Мэйо и его ближайший коллега У. Уорнер разработали на третьем этапе широкую программу, потребовавшую детальных наблюдений и проведения около 20 тысяч интервью на предмет выяснения отношения людей к труду, разделяемых ими принципов и убеждений, морального климата в коллективе и т. п. Тем самым группу учёных Э. Мэйо можно считать своеобразными «пионерами» исследований в области организационной культуры (хотя само это понятие и концепция появились много позже). Выводы Мэйо о необходимости «осмысленной жизни для индивидуума в компании», развития «чувства групповой сопричастности» на основе общих групповых ценностей явились своеобразным толчком для дальнейших попыток изучения потребностей и поведения работников с точки зрения культуры их организации [2, с. 12].

На рубеже 80–90-х годов XX века феномен организационной

культуры оказался в центре внимания большого круга исследователей. В начале 80-х были изданы известные книги-бестселлеры: «Теория Z» преподающего в США японца Оучи и «В поисках эффективного управления» (Питерс и Уотерман). В них среди прочих присутствовали и тезисы о том, что организационная культура является важным фактором экономической эффективности фирмы, а также её адаптации к внешней среде [2, с. 13].

На сегодня принято считать, что основу организационной культуры составляют те идеи, взгляды, основополагающие ценности, которые разделяются членами организации. Они могут быть абсолютно разными, в том числе и в зависимости от того, что лежит в основе: интересы организации в целом или интересы ее отдельных членов. Это – ядро, определяющее все остальное. Из ценностей вытекает стиль поведения, общения. Внешние атрибуты без них не имеют никакой самостоятельной ценности.

Кроме того, организационная культура – одно из самых эффективных средств привлечения и мотивации сотрудников. Как только человек удовлетворяет потребности первого уровня (условно говоря, чисто материальные), у него возникает потребность в другом: положении в коллективе, общности ценностей, нематериальной мотивации. И здесь на первый план выходит корпоративная культура.

Среди составляющих организационной культуры можно выделить такие компоненты, как ценностные ориентации, идеи, установки. Но если в рамках корпоративной культуры под этим подразумевается социально-психологический климат, то в организационной культуре – это структура, модель организации.

Организационная культура имеет принципиальное значение для изучения истории и пути развития компании, трансформации системы отношений. Основу организационной культуры компании закладывают ее основатели, определяя будущие ключевые моменты развития и изменения.

Одним из заметных результатов сильной организационной культуры является низкая текучесть кадров. Это объясняется единодушием во мнении сотрудников о том, что является целью организации и за что она выступает. Это, в свою очередь, рождает

сплоченность сотрудников, верность и преданность организации, а следовательно, желание покинуть такую организацию у работников пропадает.

Также организационная культура формирует определенный имидж организации, отличающий ее от любой другой; она создает систему социальной стабильности в организации, являясь чем-то вроде социального клея, который помогает спланировать организацию, обеспечивая присущие ей стандарты поведения. Ее нельзя рассматривать как нечто данное, абсолютное: она постоянно меняется по мере изменения людей и событий в организации [7, с. 149].

При этом каждая организация разрабатывает свой набор правил и предписаний, управляющих повседневным поведением сотрудников на своем рабочем месте, осуществляя свою деятельность в соответствии с теми ценностями, которые имеют существенное значение для ее сотрудников.

Создавая организационные культуры, необходимо учитывать общественные идеалы и культурные традиции страны. Кроме того, для более полного понимания и усвоения ценностей сотрудниками организации, важно обеспечить различное проявление корпоративных ценностей в рамках организации. Постепенное принятие этих ценностей членами организации позволит добиваться стабильности и больших успехов в развитии организации. Следование им поощряется администрацией соответствующими вознаграждениями или продвижениями по службе. До тех пор пока новички не усвоят эти правила поведения, они не могут стать полноценными членами коллектива.

Организационная культура ориентирована на внутреннюю среду и проявляется, главным образом, в организационном поведении сотрудников. Сюда следует отнести: устойчивость, эффективность и надежность внутрисистемных организационных связей; дисциплину и культуру их исполнения; динамизм и адаптивность к нововведениям в организации; общепринятый (на всех уровнях) стиль управления, основанный на сотрудничестве; активные процессы позитивной самоорганизации и многое другое, что проявляется в организационном поведении работников в соответствии с принятыми нормами

и признанными ценностями, объединяющими интересы отдельных людей, групп и организации в целом.

Необходимо учитывать, что взаимосвязь организационной культуры и эффективности управления различна на разных этапах иерархической лестницы и зависит от масштабного фактора. На первом этапе жизни организации, когда вся она еще является реальной группой, расхождения между ними минимальны. Работники связаны личными симпатиями, группа невелика и функции взаимозаменяемы, существует первичная целостность. Здесь можно увидеть первичные зачатки организационной культуры как некоторой надстройки над деятельностью, интегрирующей все неформальные и формальные взаимоотношения членов группы. Как правило, на этой стадии она складывается стихийно и в значительной степени предопределяется индивидуальными особенностями лидеров становящейся организации, её зачинателей.

На следующей стадии, если деятельность разрастается, появляется многообразие функций, становится сложнее координироваться, появляется необходимость в формализации отношений, прежде всего деловых, но тут-то и проявляется противоречивость разного в общих рамках. Люди, которые ближе друг другу в силу симпатии, по организационному или профессиональному признаку, стремясь к сохранению целостности, держатся вместе, и в результате внутри крупного «дела» стихийно складывается некоторое количество субкультур, в определенной степени противостоящих друг другу. Противостояние предопределяется также тем, что сам работник на этом шаге рассматривается как «кадры», «рабочая сила» и т. п., он интересен не в целом, со своей индивидуальностью и неожиданными гранями своей личности, а только в меру способности совершать формально требуемые действия. Ожидаемое от него совершенствование заключается в повышении мастерства, часто в ущерб личности. К тому же, человек в организации реализует в первую очередь свои индивидуальные потребности, разделяя к тому же работу и жизнь. Поэтому конфликты неизбежны.

При этом формальная организационная структура и общие цели деятельности скрепляют этот конгломерат в не вполне четкое целое

в процессе постоянной борьбы за удержание частей в общих рамках. И на данной стадии логично говорить об организационной культуре, критерием которой является наличие формальных усилий по соорганизации частей и введении человека в формальные рамки требований деятельности сотрудника.

Следует отметить, что единожды созданная корпоративная культура избавляет менеджеров организации от многих рутинных функций управления человеческим капиталом, поскольку такая культура является самоуправляемой системой, когда личность непроизвольно подчиняется принципам, стандартам, манере поведения, созданной в организации. Именно в этом проявляется эффективность организационной культуры, позволяющая сконцентрироваться менеджерам на решении сложных, глобальных задач управления персоналом.

Таким образом, организационная культура – это набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и выражающихся в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий. Эти ценностные ориентации передаются членам организации через символические средства духовного и материального окружения организации. При этом развитая организационная культура в значительней степени характеризует эффективность управления персоналом в организации, обеспечивая, в свою очередь, менеджмент персонала надежным инструментом влияния на поведение сотрудников, внутренний климат в организации и единство коллектива.

Список литературы

1. Веснин В. Р. Практический менеджмент персонала : пособие по кадровой работе / В. Р. Веснин. – М. : Юрист, 1998. – 496 с.
2. Вильховиченко Э. Д. Новое в культуре труда, производства, компании / Э. Д. Вильховиченко // Мировая экономика и международные отношения. – № 12. – 1994.
3. Виханский О. С. Менеджмент / О. С. Виханский, А. И. Наумов. – М. : Гардика, 2000. – 503 с.
4. Егоршин А. П. Управление персоналом / А. П. Егоршин. – Н. Новгород : НИМБ, 1997. – 607 с.

5. Пугачев В. П. Руководство персоналом организации / В. П. Пугачев. – М. : Аспект-Пресс, 1998. – 279 с.
6. Управление персоналом организации. Практикум : учеб. пособие / под ред. А. Я. Кибанова. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 296 с.
7. Управление персоналом : учебник для вузов / под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. – М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 2002. – 607 с.
8. Щедровицкий Г. П. Два понятия системы / Г. П. Щедровицкий // Избранные труды. – М. : Шк. культур. политики, 1995.
9. Schein E. H. Organizational culture and leadership: A dynamic view / E. H. Schein. – San Francisco : Jossey-Bass, 1985. – 312 p.

УДК 316.334.22:331.101.3

*О. В. Пастухова***ФАКТОР ДОВІРИ У ФОРМУВАННІ МОТИВАЦІЇ ПРАЦІВНИКІВ****Резюме**

Стаття посвящена феномену доверия как одному из элементов социального капитала, который формирует общие ценности работников и является важным фактором в формировании мотивации персонала. Доверие является фундаментом для эффективной деятельности компаний (установление обратной связи с руководством, построение корпоративной культуры и др.).

Summary

The article deals with the phenomenon of trust in people as an element of social capital, which forms the employees common values and motivation. Trust in people makes the basic of companies effective activities (feedback with the administration, shaping corporate culture, etc.).

Ключові слова: довіра, соціальний капітал, мотивація персоналу, соціальні мережі, норми, цінності.

Успіх організації визначається багатьма факторами. Окрім економічних, значну роль у цьому процесі відіграє соціальний капітал організації, роль, місце людей, їх відносини між собою та з керівництвом. Одним з елементів такого капіталу є довіра.

Для ефективного управління компанії витрачають чималі кошти на розробку мотиваційних моделей, технологій підвищення рівня довіри підлеглих. Це обумовлено рядом чинників. Перш за все, працівникам необхідна довіра з боку керівництва для повної адаптації та розкриття свого потенціалу. Крім того, взаємна довіра менеджменту та персоналу слугує основою для взаєморозуміння, згоди, з іншого боку, посилює мотивацію до досягнень та є невід'ємною умовою командної роботи.

Різноманітні компоненти соціального капіталу, відображаючи його реляційний та структурний аспекти, забезпечують виконання спеціальних функцій. Розглядаючи реляційний аспект соціального капіталу, слід зауважити, що взаємні сподівання та довіра дозволяють

працівникам попереджувати невиконання обов'язків, недобросовісність, що в подальшому знижує ризики та витрати діяльності організації. З цього виходить, що функції довіри та похідні з них (взаємні сподівання, обов'язки) попереджують опортуністську поведінку робітників та пов'язані з цим витрати. Соціальні зв'язки, у свою чергу, дозволяють об'єднати велику кількість суб'єктів, розширити коло людей, залучених до різних видів спільної діяльності, акумулювати та перерозподіляти їх ресурси та засоби. Основна функція соціальних зв'язків – забезпечення доступу індивідів до ресурсів інших індивідів, груп та організацій, з якими вони підтримують контакти. Крім того, соціальні зв'язки забезпечують функцію координації дій більшості акторів, об'єднаних соціальною мережею [1].

Взагалі вчені дискутують стосовно структури соціального капіталу. Деякі дослідники виділяють чотири елементи соціального капіталу – соціальні мережі, загальні норми, цінності та довіра. Інші [2] виділяють три елементи, на основі яких формується соціальний капітал, – соціальні мережі, загальні норми та переконання, а також два обов'язкових для формування соціального капіталу фактори – довіра та правила (на мезо- та макрорівнях). Цей трикутник елементів соціального капіталу, зображений трьома складовими – соціальними мережами, загальними нормами та переконаннями, що окреслені довірою і правилами на мезо- та макрорівнях, – на думку І. Мачеринскене, підлягає вдосконаленню.

Ф. Фукуяма [3] порівнює довіру з соціальним капіталом, Р. Д. Патнем [4] розцінює її як елемент соціального капіталу, Е. Л. Лессер [2] переконаний, що довіра – це окреме поняття, яке може бути і джерелом соціального капіталу, і його результатом. Також є думка, що довіра та соціальний капітал підтримують одне одного. Соціальний капітал створює стійкі відносини, а довіра, яка виникла в результаті цього, генерує взаємність. Як результат – довіра на макрорівні формує загальні цінності [5]. Тобто елементи соціального капіталу пов'язані між собою і залежать від форми та рівня соціального капіталу в організації.

Саме ці акценти визначають актуальність дослідження взаємозв'язку фактора довіри та мотивації персоналу та визначають мету статті – виявлення особливостей такого зв'язку.

Соціальний капітал – свідоме використання індивіда, організації, соціальної групи чи суспільства взагалі соціальними мережами, які завдяки довірі, загальним нормам та правилам стають засобами для досягнення цілей [6].

Загальні норми, переконання, досвід та інше підтримують соціальні мережі, а також заохочують до співпраці. Виділяти норми та переконання як окремі елементи не потрібно, оскільки не обґрунтовані загальними переконаннями норми не будуть визнані всіма членами соціальної мережі. Довіра є третім елементом, без якого неможливий соціальний капітал. Тобто структуру соціального капіталу можна зобразити наступною моделлю (рис. 1). Ми в даній статті звернемо увагу на один з елементів соціального капіталу – довіру, яка, на думку автора, є важливим фактором у формуванні мотивації працівників [6].

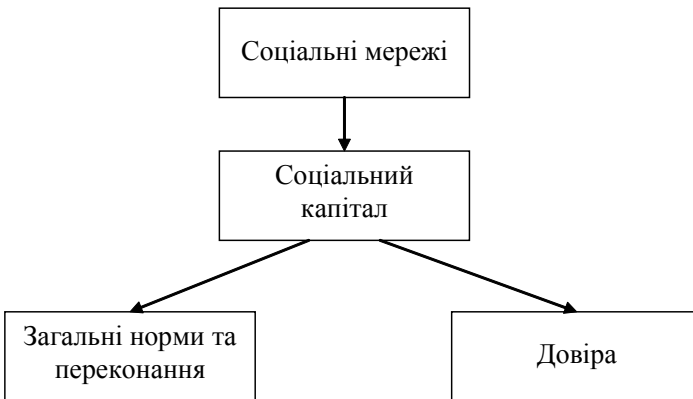

Рис. 1

А. Потеряхін вважає, що без довіри неможливі дружні контакти, професійна взаємодія співробітників. Багато фахівців вважають довіру фундаментом не тільки особистих взаємин, але й ефективності діяльності компаній. І, звичайно ж, довіра є одним з суттєвих факторів, які впливають на професійну мотивацію персоналу [7].

На основі етико-філософського аналізу категорії довіри можна виділити чотири найбільш суттєвих сторони даного феномену:

- 1) довіра розглядається як моральні взаємини між людьми;
- 2) у довірі виділяється та розглядається момент знання один одного;
- 3) акт довіри характеризується як добровільний, не насильницький прояв;
- 4) довіра реалізується як передача інтимних думок та почуттів [8].

Довіра як психологічний стан особистості може виникати при злитті в одне ціле декількох факторів: інтересів однієї особистості, її настанов, емоційних реакцій, попереднього особистого досвіду чи досвіду попередніх поколінь, адаптивних здібностей особистості, рівня інтелектуального розвитку та ін. Довіра виникає, коли є відповідність правильності й адекватності процесів та явищ особистим ціннісним настановам, які здебільшого залежать від соціального стану. Тобто чим вище соціальний статус особистості і чим більше перспектив для самореалізації, тим вище ступінь довіри до процесів, що відбуваються [9].

Довіра працівників породжує злагоду у роботі колективу, прискорює процес прийняття та реалізації рішень, підсилює конкурентоспроможність компанії.

Суттєвим елементом закріплення довіри є такий важливий елемент системи управління, як зворотній зв'язок, що дозволяє оцінити правильність інформації, яка надходить від керівництва, та її сприйняття працівниками. Довіра у колективі знижує плинність кадрів, що скорочує адміністративно-управлінські витрати на наймання робочої сили, підготовку та перепідготовку персоналу.

Довіра ґрунтується на трьох основних імперативах: результативності, порядності та вияві турботи. На думку дослідників, щоб домогтися високого рівня довіри, ці фактори повинні бути присутніми та використовуватися на практиці постійно [10, с. 27–28].

До найбільш важливих організаційних заходів можна віднести:

- надання повноважень співробітникам і команді;
- радикальну реорганізацію виробничих процесів;
- майже повну автономію влади окремих підрозділів компанії;

- активне співробітництво між командами та групами;
- створення альянсів між підприємствами, фірмами;
- удосконалення організаційного навчання [10, с. 28].

Вчені і практики ведуть розмови про те, що об'єм довіри, накопичений соціальною системою – це її капітал. Довіра як складова корпоративної культури – незмінна цінність. Відомий американський бізнес-консультант Роберт Брюс Шо запевняє, що у сучасній конкурентній економіці недовіра стає навіть більшою проблемою, ніж просто проблема персоналу. Компанії з високою мірою недовіри неконкурентоспроможні. Причиною цього слугує руйнування мотивації професійної діяльності. Довіра – необхідна умова авторитету керівника. Більшість невдач в управлінні пов'язані з недовірою до керівництва [7].

Щоб довіра до керівника збільшувалась, він повинен:

- підвищувати свої професійні компетенції (освіта, вчений ступінь, курси підвищення кваліфікації та ін.);
- бути чесним (чітке визначення кількості ресурсів та рамок доступу до інформації, обґрунтування своїх дій, дотримання алгоритму дій у різних ситуаціях всіма членами команди);
- організувати зворотній зв'язок;
- збільшувати частку прихованих методів контролю (опосередковане отримання даних про результати роботи, за проміжок між отриманням завдання та його завершенням);
- постійність (постійне дотримання визначеної стратегії, наприклад щодо довіри);
- бути справедливим (уважне ставлення до кожного працівника; дії керівника мають збігатись з уявленням підлеглих про справедливість) [11].

Також слід пам'ятати, що довіра – такий ресурс, який важко накопичити, але дуже легко втратити.

Одна лише довіра не гарантує високої професійної мотивації, але є беззаперечною умовою її формування. «Можна вкладати чималі кошти в систему мотивації персоналу, але одна невірна дія керівника, яка може спровокувати недовіру до нього членів колективу, зруйнує саму мотивацію, а засоби, витрачені на її формування, будуть витраченими марно» [12].

На нашу думку, для створення мотиваційної моделі для окремого підприємства необхідно все ж таки спиратись на системний підхід, який включає управління мотивацією працівників на всіх рівнях з використанням усіх видів мотивації, в основі якої знаходиться довіра як елемент соціального капіталу.

Список літератури

1. Коньков А. Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие / А. Т. Коньков. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – С. 340.
2. Lesser E. Communities of practice, social capital and organizational knowledge / E. Lesser, L. Prusak // Knowledge and communities / Ed. by Lesser E. L., Fontane M. A., Slusher J. A. – Boston : Butterworth Heinemann, 2000. – P. 123–131.
3. Fukuyama F. The Great Disruption. Human nature and the reconstitution of social order / F. Fukuyama. – London : Profile Books, 1999. – P. 336.
4. Putnam R. D. Bowling Alone. The collapse and revival of American community / R. D. Putnam. – N.Y. : Simon and Shuster, 2000. – P. 46.
5. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // Social Capital: A Multifaceted Perspective / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. – Washington : The World Bank, 2000. – P. 95–120.
6. Мачеринскене И. Социальный капитал организации: методология исследования / И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон, Ж. С. Иманавичене // Социол. исслед. – 2006. – № 3. – С. 29–39.
7. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.hrliga.com/index.php?module=profession&op=view&id=439>
8. Ланцман А. В. Сущность социального капитала организации / А. В. Ланцман // Новое в экономике и управлении. – Вып. 11. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 143–147.
9. Мильнер Б. З. Принципы установления доверия [Электронный ресурс] / Б. З. Мильнер // Психология жизни. – 2007 (12 марта). – Режим доступа: <http://www.elitarium.ru>
10. Лебедева Н. М. Ценности культуры и развитие общества / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : Изд-во ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 406.
11. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.psychology.ru/library/3254>
12. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.hr-land.com/pages/art20070925_43.html

УДК 316.334.22-057.85(447)

Е. С. Куцевляк

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА С ПОЗИЦИИ РАБОТОДАТЕЛЯ

Резюме

Стаття присвячена аналізу позицій роботодавців щодо молодого спеціаліста у сучасному соціальному полі та факторів його професійного успіху. Розглянуті основні переваги та слабкі риси молодого спеціаліста на ринку праці. Виявлені найбільш перспективні шляхи для розвитку конкурентоспроможності молодого спеціаліста у сучасних умовах.

Summary

The article focuses on the analysis of employers' attitude towards young professionals in present-day social sphere and their professional success factors. The main advantages and weak points of young professional in the labor market are considered. The most promising ways of developing the competitiveness of young professionals in the current conditions are identified.

Ключевые слова: молодой специалист, профессиональный успех, работодатель, рынок труда, конкурентоспособность.

В условиях активно растущей экономики и сложившейся конкуренции компании все чаще говорят о дефиците персонала, «кадровом голоде» и «войне за таланты», которую работодатели ведут на рынке труда. Чтобы привлечь новых сотрудников, компании проводят многочисленные презентации, устраивают case-study, участвуют в различных ярмарках вакансий [1]. Насколько привлекателен для работодателя молодой специалист? Понятно, что у него отсутствует большая часть навыков, необходимых для эффективного выполнения должностных обязанностей, а трудового опыта очень мало или нет вообще, но именно этот ресурс сегодня может стать одним из источников инноваций и развития организаций.

Обозначенные вопросы вызывают интерес и у исследователей. Так, проблемы социальной активности специалистов рассматривались коллективом социологов под руководством Е. А. Якубы, научные

исследования по проблеме профессиональной адаптации специалистов проводили С. Г. Вершиловский, М. А. Дмитриева, А. В. Карпов, С. М. Климов, Н. С. Пряжников и др. Также проводились исследования, связанные с проблемами молодого специалиста на рынке труда (например, О. П. Тарасова, Т. И. Зверева, Е. В. Зубкова, Е. В. Бирченко). Однако вопрос сопоставления позиций разных социальных субъектов относительно выпускников остаётся на втором плане. Поэтому цель статьи – оценить проблемы и перспективы молодых специалистов с позиции работодателя. Представление об идеальном молодом специалисте в настоящее время различно как у работодателей, так и у выпускников. Это связано с тем, что действующая система образования находится в процессе реформирования и в вопросах подготовки специалистов редко соответствует современным стандартам, которые предъявляют к выпускникам работодатели. На мой взгляд, необходимо уделять больше внимания профессиональной ориентации студентов уже на первом курсе вуза для того, чтобы помочь им выявить ту сферу деятельности, в которой молодой специалист может наиболее полно реализовать свои возможности. Для самих студентов это означает, что необходимо не только активно изучать сам предмет обучения, но и стараться как можно больше времени уделять профессиональной подготовке.

Кроме того, во многих случаях найм молодежи более привлекателен с точки зрения минимизации расходов на приобретение и потребление рабочей силы, хотя в некоторых областях, например, на управленческих позициях, просто необходим определенный опыт работы, и выпускники, не обладающие им, не могут занять соответствующее место в компании. Один из главных плюсов только что начавшего свой трудовой путь человека – чрезмерный энтузиазм и тяга к работе. Для него даже самый неблагоприятный труд является новым, а это и есть главный фактор, способствующий положительному настрою на работу. Молодые люди к тому же часто соглашаются занять должность с небольшой оплатой и серьезным объемом служебных обязанностей.

Но вместе с позитивными факторами, влияющими на конкурентоспособность молодых специалистов, имеется ряд объективных

характеристик, предопределяющих настроенное отношение к ним со стороны работодателей. К их числу можно отнести:

- недостаточность или отсутствие профессионального опыта в сочетании с завышенными требованиями к условиям и оплате труда;
- неопределенность трудовых и профессиональных интересов;
- социальная и психологическая нестабильность и др.

Рассмотренные выше факторы в значительной степени определяют особенности поведения молодежи в сфере занятости: высокую мобильность и динамичность, специфическую структуру ее занятости (предпочтение частного сектора экономики). Многие работодатели, в свою очередь, используют выпускников не в соответствии с полученным образованием и квалификацией, а исходя из потребностей компании [5].

Среди требований, предъявляемых к молодым специалистам, выделяются не только фундаментализация их знаний, но и способность к инновациям, расширению сферы деятельности, готовность к постоянному самообучению. Новые повышенные требования предъявляются работодателями к управленческому персоналу: обладание знаниями о новых технологиях, способность пользоваться сложными процедурами принятия решений, готовность к риску, коммуникативные способности, высокая степень гибкости, умение работать с различными системами мотивации, знание людей для выбора сотрудников, умение руководить людьми и т. д. [2]. Кроме того, следует учесть и ситуацию кризиса в Украине, ведь количество вакансий существенно сократилось. Несмотря на рост ВВП, количество молодых людей, которые остаются в поиске работы, растет, и трудоустроиться сейчас труднее, чем в докризисный период. По результатам исследований международного кадрового портала hh.ua, в первом квартале этого года на одну «студенческую вакансию» претендовало 8 соискателей. Во втором квартале ситуация несколько улучшилась – до 3 соискателей. Но если сравнивать с докризисным периодом, то количество предложений работодателей для студентов снизилось вдвое, набор кандидатов без опыта упал в 4,5 раза, а количество соискателей среди студентов возросло приблизительно в 4 раза. Конкуренция очень высокая, и чтобы получить хорошую работу, нужно приложить немалые усилия.

В связи с этим молодые специалисты должны развивать в себе гибкие механизмы приспособления к соответствующим изменениям на рынке труда. Человек, который пришел устраиваться на свою первую работу, должен, прежде всего, обладать двумя основными качествами – исполнительностью и целеустремленностью. Он должен испытывать страсть к профессиональному росту и понимать, что уверенность, настойчивость и коммуникабельность могут прийти со временем, если прикладывать усилия к самосовершенствованию. Очень важно, чтобы сотрудник развивался не только в профессиональном плане, но и в личном, чтобы он имел широкий кругозор и богатую душу. Кроме этого, он должен уважать старших коллег и в своем общении с ними придерживаться правил субординации.

Работодатели также видят перспективу в сотрудничестве с вузами, что немаловажно для молодых специалистов. Игорь Хухрев, президент кадрового холдинга «Анкор» (в котором также активно внедряются программы стажировок перспективных студентов), прогнозирует долгосрочный эффект от работы со студентами и выпускниками: «Системная работа крупных корпораций с вузами, требующая значительных финансовых и человеческих ресурсов, позволит в будущем поднять общий уровень образования в стране, и это в свою очередь даст среднему бизнесу возможность получать более квалифицированные кадры» [3].

Тенденцию востребованности молодых специалистов увидели и учли в своем развитии и компании, оказывающие услуги на рынке труда (кадровые и рекрутинговые агентства и т. п.). Тенденция только начинает набирать обороты, оставляя простор для тех, кто пока не рассматривает студентов и выпускников как спасение от «кадрового голода» на территории СНГ. Например, по данным независимого рейтингового агентства «Рейтор» (в рамках исследования «Общая оценка качества высшего профессионального образования в вузах юга России», проведенного в марте – мае 2007 года, было опрошено более 1600 респондентов из числа выпускников вузов 2007 года в пяти регионах Южного федерального округа), к окончанию вуза лишь четверть выпускников 2007 года (27,5%) определились с будущим

местом работы, остальные же (72,5%) приступили к поиску, лишь когда получили диплом. И только 40% работавших во время обучения студентов (а таких 52% от общего числа опрошенных) приобретали опыт работы по специальности, которой обучались в вузе [4]. Во многом аналогична ситуация в Украине, которую иллюстрируют данные исследования «Студент XXI века» (проведенного Лабораторией проблем высшей школы НУА, N = 2775, 2009 г.)

Молодые кадры в своем большинстве в отличие от состоявшихся специалистов имеют свои преимущества – гибкость, инициативность, высокие амбиции, которые будут подстегивать к достижению результата. Правда, амбиции могут сыграть и отрицательную роль, когда из-за них молодой специалист не может адекватно оценить себя и завышает требования к рабочему месту. «Закрывать вакансию молодому специалисту не так просто, – рассказывает Илона Цивинская, HR-менеджер международного кадрового портала hh.ua, – Кандидаты без опыта работы нечасто соглашаются на условия работодателей и не могут адекватно оценить свою стоимость на рынке» [2].

Что еще важно понимать молодому специалисту, так это то, что работы «на старте» будет очень много. «Нужно будет очень много работать, чтобы доказать работодателю, что выбор в его сторону был правильным. И главное, это нужно показать на собеседовании. Также нужно понимать, что в начале карьеры вряд ли предложат руководящую должность», – предупреждает рекрутер международной рекрутинговой компании WORLD STAFF Геннадий Пысанко [5].

В начале карьеры молодым людям лучше нарабатывать опыт. Ведь фактически, кроме как на свои силы, им рассчитывать не на кого. В Украине вот уже несколько лет не принимались государственные программы занятости. Зато правительство на днях презентовало проект государственной программы социального и экономического развития на 2012 год, который предусматривает, что средняя зарплата составит свыше 3 тысяч гривен. Однако она могла бы вырасти еще больше, если бы власти уделили внимание созданию рабочих мест. Ведь ничто так не способствует росту зарплат, как увеличение конкуренции среди работодателей.

Таким образом, очевидно, что позиции работодателей во многом определяют возможности и перспективы молодых специалистов. Соответственно, акценты в образовательных практиках последних должны расставляться с учетом этих позиций.

Список литературы

1. Васильева Н. Выпускники и работодатели: как они выбирают друг друга [Электронный ресурс]/ Наталья Васильева, Александра Долгорукова, Алексей Максименко//Новое видение. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <http://www.ucheba.ru>.
2. Земскова А. Молодой специалист глазами работодателя / Анна Земскова // Обучение и карьера. – 2011. – № 5. – С. 14–20.
3. Ильина А. Кто такой молодой специалист и на что он имеет право / Александра Ильина // Труд. – 2010. – № 12. – С. 23–31.
4. Найда Ю. Трудоустройство молодежи глазами работодателя: метод «кнута» или «пряника»? / Юлия Найда // Юристы и Закон. – 2010. – № 3. – С. 33–37.
5. Сугак С. Молодежь уже не интересуется украинских работодателей [Электронный ресурс] / Светлана Сугак. – Режим доступа: <http://www.bagnet.org/news/prosperous-min/money/2011-08-25/152499>

УДК 316.77:1

*М. Ю. Мудрак***ИНТЕРНЕТ И СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА КАК АТРИБУТ
КОММУНИКАТИВНОЙ АКТИВНОСТИ****Резюме**

У статті розглянута комунікативна функція міжнародної мережі Інтернет у сучасному глобальному суспільстві та комунікативна активність молоді у використанні цієї мережі. Також надані деякі дані щодо цілей використання Інтернету молоддю.

Summary

The communicative function of the international network in modern global society, and youth communicative activity in the network using are considered. The definite data concerning goals of the Internet using are presented.

Ключевые слова: Интернет, коммуникативная активность, диалог культур, двусторонняя коммуникация.

Одной из особенностей современного общества является его динамизм, стремление к постоянным изменениям. Создание сети Интернет явилось одним из факторов, знаменующих собой переход современного общества в своего рода интерактивное состояние, когда люди с разных концов планеты могут общаться в виртуальной реальности. Сейчас компьютерная коммуникация в той или иной форме уже охватила всю сферу социальной активности человека, будь то производство, образование или досуг.

Актуальность рассмотрения Интернета как коммуникативной активности обусловлена тем, что информационное взаимодействие людей становится необходимым для выстраивания диалога культур. Интернет стал мощным фактором, который влияет на изменения социальных тенденций и на развитие культурных процессов.

Целью статьи является рассмотрение Интернета как коммуникативной среды молодежи для обмена информацией.

Интернет как международная компьютерная сеть выполняет функцию сближения людей посредством ускорения процессов обмена информацией. Новые коммуникационные технологии сближают людей

всего мира, разных стран, разных культур, говорящих на разных языках, живущих в разных временных поясах. Интернет в силу присущей ему интерактивности постепенно превращает отчужденный мир в глобальное сообщество, которое обеспечивает двустороннюю коммуникацию посредством различных технологий. Интернет изначально обладает диалогичностью, в нем заложены субъектно-субъектные отношения, которые вовлекают в свою сферу миллионы людей, он дает возможность прямого двустороннего общения, характерного для человеческого общества. Интернет-технология делает коммуникацию трансграничной. Общение перестает быть привязанным к местоположению общающихся. На этой основе Интернет может выполнять социально-креативную функцию, то есть формировать новые общности с единой информационной базой и общим ценностно-нормативным фундаментом. Общая направленность развития средств распространения информации состоит в утверждении гетерархического (горизонтального, равноправного) порядка на месте иерархического (вертикального, с доминированием одного из субъектов общения). Происходит переход от односторонней к двухсторонней модели коммуникации. Однако потенциал новой технологии реализуется только через активность людей.

Г. Лассуэлл предложил называть двусторонними такие коммуникации, в которых у субъектов, представляющих два полюса, есть возможность и отправлять, и получать сообщения, а значит, существует взаимобратимость их ролей [1].

Все это делает Интернет популярным, а число его пользователей быстро растет. По данным телекоммуникационной организации International Telecommunications Union (ITU), число пользователей Интернета достигло двух миллиардов. Самыми быстроразвивающимися странами в сфере предоставления интернет-услуг являются страны Азии. Больше всего пользователей Интернета остается в Европе.

Что касается Украины, то в ноябре 2011 г. количество интернет-пользователей составляло 33%. По сравнению с аналогичным периодом 2010 г. это больше на 19,3% или 2,6 млн. Больше всего в Украине пользователей Сети в возрасте от 14 до 24 лет (33%);

не сильно отстает от нее и категория от 25 до 34 лет (30%); почти 90% студентов и более 70% учеников в Украине сегодня пользуются Интернетом [4].

Социально-экономические условия Украины предоставляют возможность получить доступ к информации заинтересованным слоям населения. Интернет формируется в специфическую субкультуру (интернет-сообщества как новая разновидность субъекта межкультурной коммуникации), у которой есть своя история, этикет, сфера интересов и т. д. В пространстве Сети пользователи «встречаются» на тематических сайтах, которые позволяют обмениваться информацией. Интернет-сообщества делают каждого пользователя активным участником, а не наблюдателем или пассивным потребителем. Появилась возможность прямого участия в обсуждении различных событий, создания новостей и распространения их в глобальной сети.

Благодаря Интернету информация становится содержательным элементом жизнедеятельности отдельных людей, социальных групп и общества в целом. Она оказывает влияние на формирование общественной активности в нем. Таким образом, отношение к информации, распространенной в интернет-среде, дает возможность говорить не только об общественном отношении к той или иной проблеме, о выражении мысли, но и том, кто и как выражает эти мысли. По выраженному интересу можно судить о социальной активности, а также изучать ее по общественному диалогу, который ведется в интернет-сообществе в связи с теми или иными событиями.

Наиболее очевидная тенденция в освоении Интернета человечеством состоит в том, что наряду с инструментом познания, средством обучения и информирования он превращается в способ развлечения для массы людей. По мнению М. Кастельса, гипотеза насчет того, что использование Интернета создает конкуренцию именно в сфере развлечений, не подтвердилась. Есть пределы времени, затрачиваемого на данный вид активности. Однако массовизация состава пользователей Сети, то есть увеличение их числа и расширение социально-демографического состава, уменьшение разницы в доступности пользования Сетью для разных групп, приведет все-таки к тому,

что в пределах времени, затрачиваемого на развлечения, лидирующим окажется Интернет. Но ведь назначение Интернета, считает М. Кастельс, не изоляция людей в воображаемом мире, в сфере ролевых игр с их фальсификацией личности. «Он используется для распространения политических посланий, для организации коммуникации по электронной почте с общественными сетями, для выражения идей и поиска информации. Это средство коммуникации, а не развлечения» [3, с. 333].

Интернет вызывает у современной молодежи почти сплошь положительные эмоции. Его называют «забавным», «необходимым», «безопасным», «помогающим поддерживать связь», «удобным». Главные преимущества Интернета – его коммуникативная составляющая и социальная природа. Интернет делает возможным общение в самых разных форматах, от видеосеминара до сетевой игры, а также предоставляет бесконечные возможности для самовыражения и социальной адаптации – от авторского блога до онлайн-овых консультаций.

В молодежной среде первостепенная цель использования Интернета – социальные сети (около 44%) для поддержания контактов с друзьями, семьей, а также для новых знакомств; второе место занимает поиск материалов для обучения (около 38%) [2].

Общение как по электронной почте, так и на форумах и в чатах не обязательно может происходить только в рамках одной страны. Поскольку Интернет – это «всемирная паутина», следовательно, общаться могут люди разных стран. Таким образом, Интернет, охватывая почти все цивилизованные уголки планеты, является мощным средством межкультурной коммуникации, которая способствует сближению народов и росту их как национального, так и межнационального самосознания. Интернет меняет весь образ жизни людей, стиль мышления человека, трансформирует личность, расширяет ее границы. Повышается социальная мобильность, создаются новые модели поведения, технологии воздействия на массовое сознание становятся более эффективными.

Список литературы

1. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войскунского. – М., 2000.
2. Исследование: где и как украинцы используют Интернет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ain.ua/2011/09/28/59852>
3. Кастельс М. Галактика Интернет / М. Кастельс. – М., 2003. – 509 с.
4. Українська асоціація фахівців інформаційних технологій [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.uaitp.org.ua/?q=node/68

УДК 378.147.016:811

*А. А. Хильковская***КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД И ТРАДИЦИОННЫЕ
МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ****Резюме**

Стаття досліджує, які саме з традиційних підходів до викладання іноземних мов вважаються абсолютно неприйнятними з точки зору сучасних методистів як такі, що не сприяють формуванню комунікативної компетенції, а які – стали невідомою складовою сучасних методик.

Summary

The article is aimed at analyzing traditional teaching methods regarded as outdated and unable to meet the requirements of forming a communicative competence and which of them have become an inseparable part of modern communicative methods.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, коммуникативный подход, функции, контекст.

Современные методы обучения иностранным языкам являются очень бурно развивающейся областью знания, что связано с потребностью современного человека владеть вторым, а иногда и третьим языком общения, что уже стало обязательным условием успешного функционирования в сегодняшнем мире. Одной из основных тенденций, характерных для методической литературы 2000-х и, соответственно, для практики преподавания, является ориентация на компетенции. Программа для высших учебных заведений гласит: «Целью преподавания и изучения английского языка для профессионального общения является подготовка студентов к эффективной коммуникации в их академическом и профессиональном окружении. Поэтому типовая программа предусматривает, что коммуникативные языковые компетенции будут формироваться для адекватного поведения в реальных ситуациях академической и профессиональной жизни» [7, с. 8]. Презентуя новые курсы, методики, книги, современные авторы основываются на том, что изучение иностранного языка – не получение некой суммы знаний, а овладение коммуника-

тивной компетенцией, которая, в свою очередь, является суммой компетенций: лингвистической, речевой, социокультурной [2, с. 16]. При этом они продолжают противопоставлять предлагаемые новые подходы так называемым традиционным методам обучения как недостаточно эффективным [2, с. 16]. Поскольку полемика на страницах методической печати продолжается до сих пор, было бы целесообразно:

- сформулировать, что современные методисты определяют общим термином «традиционные методы»;
- с какими именно положениями традиционных методов полемизируют сторонники коммуникативного подхода;
- есть ли в традиционных методах техники и приемы, способные эффективно работать и при современных ориентированных на компетенции подходах.

Десяти преподавателям (пятеро из которых являются преподавателями вуза, а пятеро – преподавателями средней школы), давно и успешно работающим по аутентичным учебникам, ориентированным на коммуникативную компетенцию, был задан вопрос, что они понимают под традиционными методами преподавания. Шестеро из десяти опрошенных назвали опорой на перевод с родного языка на иностранный и наоборот, пятеро – заучивание больших объемов новой лексики, и каждый из десяти опрошенных причислил к традиционным методам изучение грамматики в форме правил и их иллюстрации языковым материалом. Однако известно, что коммуникативный подход (CLT – communicative language teaching) и компетентностный подход аккумулировали из существовавших ранее методов и подходов все, что эффективно работает на формирование полноценной речевой компетенции. Мы видим, что современные аутентичные коммуникативные курсы ни в коем случае не отвергают использование родного языка, даже поощряют сравнение изучаемого языка с родным [4, с. 8], уделяют серьезное внимание и формулированию правил, и обеспечению студентов достаточным количеством тренировочных упражнений [2, с. 19]; обучение чтению, различным техникам работы с текстом – неотъемлемая часть современных методов; также признано необходимым и заучивание не только новых слов, но и целых

фраз и выражений (иногда еще до того, как студент овладел грамматикой, объясняющей их структуру, например, «Would you like...?» или «Have you been...?») [3, с. 18]. В этом смысле коммуникативный подход является абсолютно синтетическим. Поэтому можно предположить, что объектом критики являются не сами традиционные методы обучения, многие из которых успешно применяются, а «традиционные» преподавательские ошибки в их применении, которые и до сих пор так часто встречаются в классах и студенческих аудиториях, что авторы новейшей методической литературы не жалеют места на страницах своих книг для их критики.

Подтверждение этому тезису можно найти в серии изданий «How to teach...» (Как обучать...), в состав которой входят книги: «How to teach grammar», «How to teach vocabulary», «How to teach reading» и т. д., которая дает возможность предельно конкретно сформулировать, что в преподавании иностранных языков, с точки зрения современных методистов, является абсолютно неприемлемым, поскольку не способствует формированию коммуникативной компетенции, и что является объектом критики в каждом конкретном случае, когда возникает противопоставление коммуникативного и компетентностного подходов «традиционным» методам обучения.

1. Авторы обращают внимание на традиционную ориентацию преподавания на письменную речь, скорее чем на устную [2, с. 21]. Скотт Торнбери пишет, что еще до недавнего времени изучалась только грамматика письменной речи (*written grammar*), в то время как грамматике устной речи (*spoken grammar*) внимание не уделялось. Сейчас грамматика устной речи представлена на страницах учебных пособий, но многих преподавателей еще приходится убеждать в пользе овладения ею. Это же можно отнести и к стилю диалогов, представленных в учебниках. Автор отмечает, что искусственные диалоги, начитанные для учебных пособий дикторами или актерами, могут служить демотивирующим фактором при обучении говорению, в то время как разговорная речь носителей языка с естественными паузами, с попытками подобрать нужное слово, с не всегда полными предложениями снимает страх перед говорением у студентов [2, с. 21].

2. Авторы подчеркивают, что бесполезно изучать грамматические структуры в отрыве, вне зависимости от их функции в речи. И наоборот, важно сосредоточиться на том, как эта структура функционирует в речи [2, с. 23]. С середины 70-х годов рассмотрение взаимоотношений между грамматической структурой и ее функцией появилось на страницах аутентичных учебников. Авторы методической литературы попытались сместить акцент с изучения грамматических структур на их использование в речи для решения конкретных коммуникативных задач. Почему методистам до сих пор приходится говорить о важности такого подхода? Возможно, одной из причин является то, что грамматика как целостная система, как «конечный набор правил» удобна для передачи (для обучения, для презентации и контроля), и поэтому доминирует в некоторых классах и аудиториях. Но являясь важнейшим фактором, знание грамматики – только одна из составляющих лингвистической компетенции [2, с. 22]. Одна и та же грамматическая структура может в различных ситуациях выполнять совершенно разные функции [2, с. 8]. Выводы о намерениях говорящего могут быть сделаны только при наличии контекста. Поэтому задача каждого современного курса – обеспечить студента достаточным количеством и разнообразием контекстов для изучаемых грамматических структур и явлений [6, с. 17]. Это требует от преподавателей привлечения дополнительных источников, помимо базового учебника.

3. Грамматика, представленная в виде правил, таблиц или схем, не считается несовместимой с коммуникативным подходом к обучению языкам, но коммуникативный подход требует, чтобы всюду, где это возможно, студенты формулировали правила и делали выводы об употреблении грамматических структур самостоятельно, опираясь на представленные примеры или основываясь на собственных наблюдениях за языком (индуктивный метод) [6, с. 17]. Правила грамматики должны и могут быть «user-friendly» (удобными для использования). И хотя Скотт Торнбери пишет, что учебное правило – всегда компромисс между его полнотой и учебной эффективностью, автор настаивает на необходимости формулировать правила для студентов любого уровня владения языком максимально удобно для изучающих [2, с. 26].

4. Обучение грамматике не прекращается и во время обучения чтению, письму, аудированию и говорению, оно продолжается во время решения всех видов коммуникативных задач, если преподаватель привлекает внимание студентов к функционированию изученных грамматических структур и явлений в речи, к особенностям их употребления в различных контекстах. Торнбери называет этот момент «consciousness-raising» (формирование сознательного отношения к языку). Это не приводит к немедленному усвоению данного грамматического явления, но может служить стимулом для сознательного и внимательного отношения к языку, которое впоследствии выльется в эффективную и корректную коммуникацию [2, с. 19].

5. Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам изменил отношение к ошибке: акцент делается на реализации коммуникативных намерений говорящего, а не на наличии или отсутствии ошибок в речи. Это совершенно не означает, что грамотность не важна, а лишь означает, что грамматика требует времени, она усваивается очень постепенно, требует многократного повторения в контексте и в тренировочных упражнениях, а на протяжении всего этого времени студент хочет использовать язык для общения и может общаться эффективно [2, с. 27].

Обзор современной методической литературы свидетельствует о том, что, противопоставляя коммуникативные методы так называемым традиционным, авторы отвергают не какие-то определенные из них, а «традиционные» ошибки, допускаемые преподавателями: изучение грамматических структур в отрыве от их функции в речи, вне контекста и без учета социокультурных аспектов их употребления; игнорирование грамматики устной речи; презентацию обширных правил до того, как студент имеет возможность понять, какие коммуникативные задачи могут быть решены с их помощью; ожидание немедленного эффекта от изученных правил в виде безошибочной речи; настойчивое исправление ошибок, не дающее возможности студенту высказать свою мысль.

Список літератури

1. About Language: Tasks for Teachers of English / S. Thornbury. – Harlow : Longman, 1997. – 186 p.
2. How to Teach Grammar / S. Thornbury. – Harlow : Longman, 1999. – 189 p.
3. How to Teach Vocabulary / S. Thornbury. – Harlow : Longman, 2002. – 185 p.
4. Learning Vocabulary in Another Language / Nation I S P. – Cambridge University Press, 2001. – 202 p.
5. Teaching Collocations / M. Lewis. – London : Language Teaching Publications, 2000. – 156 p.
6. Англійська мова : метод. рек. для студ. I курсу ф-ту «Референт-перекладач», які навчаються за спец. 7.030507 – Переклад / Нар. укр. акад.; [уклад.: В. В. Ільченко, О. В. Карпенко, В. А. Купріна]. – Х. : Вид-во НУА, 2007. – 40 с.
7. Програма з англійської мови для професійного спілкування / кол. авт.: Т. Є. Бакаєва, О. А. Борисенко, І. І. Зуєнок та ін. – К. : Ленвіт, 2005. – 119 с.

УДК 811.111 42

Л. В. Михайлова

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ XIV–XX вв.**

Резюме

Принципы та стратегії ввічливості не є константами, їх форма змінюється, і це залежить від соціального та лінгвокультурного аспектів. Розрізняємо позитивну та негативну ввічливість. У спонукальному дискурсі відмічаємо суттєве збільшення чисельності стратегій негативної ввічливості. Стратегії ввічливості розглядаються як результат культурних та соціальних змін у суспільстві.

Summary

Politeness principles and strategies are not constant. The forms of their realization change. It depends upon social and linguistic aspects. Positive and negative politeness are differentiated. In imperative discourse the number of strategies of negative politeness is much bigger. Politeness strategies are analyzed as a result of social, linguistic and cultural changes in the society.

Ключевые слова: дискурс, принцип вежливости, стратегии вежливости, положительные стратегии, отрицательные стратегии, маркер, перлокуция, директив, речевой этикет, обращения, адресат, принцип кооперации.

Данная статья посвящена анализу исторической динамики способов реализации принципа вежливости в англоязычном дискурсе на протяжении XIV–XX веков.

Объектом данного исследования являются стратегии вежливости в английском дискурсе.

В реальном речевом взаимодействии речевые акты (далее РА) образуют побудительный дискурс, который на протяжении своего развития претерпевает существенные изменения, связанные с изменением принципов межперсонального общения. Важнейшие из них суммированы Дж. Личем как принцип кооперации, вежливости, заинтересованности, способствования [6].

Известно, что для директивных РА принцип вежливости имеет первостепенное значение. Побуждение неизбежно наносит ущерб

адресату, «вторгаясь» в его мир, побуждая изменить его, поэтому оно особенно нуждается в соблюдении принципа вежливости как фактора «компенсации» этого ущерба.

Коммуникативные принципы реализуются на уровне дискурса. Побудительный дискурс мы рассматриваем как систему речевого взаимодействия в определенной лингво-культурной общности, которая зависит от социальных, культурных (ценностных, этических, эстетических и пр.) компонентов этой общности. Достижение планируемого адресатом РА воздействия требует соблюдения правил прагматической компетенции. Они сформулированы Р. Лакофф как правило ясности выражения и правило вежливости [5].

Разработка теории вежливости Дж. Личем позволила сформулировать принцип вежливости в его негативной позитивной форме: минимизируй невежливые утверждения и делай максимальными вежливые утверждения [7].

В нашем исследовании мы рассматриваем стратегии вежливости как диахронические переменные побудительного дискурса.

Как свидетельствует наш анализ, принципы и стратегии вежливости не являются константами, они варьируются в зависимости от социального и этно-культурного аспектов коммуникации конкретной эпохи: при относительной стабильности данных принципов и набора стратегий в побудительном дискурсе, их приоритетность и конкретное наполнение каждого вариабельны.

В качестве общей тенденции эволюции принципа вежливости в побудительном дискурсе отмечаем статистически существенное увеличение численности стратегий негативной вежливости (с 53% в XVI в. до 72% в XX в.). Важность этих стратегий обусловлена, с одной стороны, самой природой побуждения, а с другой – тем, что в культурах Запада негативная вежливость представлена наиболее конвенционализированным набором лингвистических средств компенсации угрозы «лицу» [3]. Рассмотрим динамику отдельных стратегий подробнее.

Наиболее существенно количественное варьирование за исследуемый период времени отличает стратегию негативной вежливости «выражайся косвенно»: это, соответственно, 11% – 21% – 29% – 41%

– 42% выборки. Целью данной стратегии является уменьшение степени «вмешательства» за счет использования косвенных способов передачи сообщения. Прежде всего, сюда относим использование вопросительных предложений для косвенной реализации побуждения.

Данная стратегия негативной вежливости продолжает доминировать в реквестивах в XVII–XVIII вв. Например: мистер Беллер неожиданно появляется в доме своей сестры:

Old Harry Bellair (without). *Where are you all there? Out, a dod! will nobody hear?*

Lady Town. *My brother! Quickly, Mr. Smirk, into this closet! you must not be seen yet* (G. Etheredge).

В XIX–XX вв. область функционирования негативных стратегий, реализованных вопросительными предложениями, количественно расширяется за счет существенного роста частотности этой стратегии.

Повествовательные РА директивы также играют существенную роль в этот период благодаря общему росту их частотности как косвенных директивов. Это соответствует общей тенденции качественного и количественного расширения сферы косвенных реализаций РА директивов к XX в.:

You've got nothing to worry about (E. Waugh).

Сущностью стратегии негативной вежливости «задавай вопросы, будь уклончив» является стремление говорящего избежать навязчивости в общении за счет включения в языковое оформление побуждения маркеров-модификаторов (*hedges*) типа *rather, sort of, true, quite*.

Семантически понятие «*hedge*» определяется как частица, слово или фраза, которая модифицирует роль предиката или группы существительного в высказывании и указывает, что определенный элемент соответствует своему значению лишь частично либо, напротив, в превосходной степени: *sort of, regular, true, rather, pretty, quite* [4].

С прагматической точки зрения это явление перформативной модификации иллокутивной силы РА: маркеры-модификаторы служат удовлетворению потребности лица «не вмешиваться», в основе чего

лежит максима: «не предполагай, что адресант в состоянии/желает выполнить *p*». Как указывает Р. Лакофф, они изменяют условия искренности и подготовительные условия высказываний и реализуются с помощью синтаксических конструкций с присоединением типа *Do me a favour, will you?* [5].

В целом, среди маркеров-модификаторов выделяют перформативные элементы, изменяющие пропозицию высказывания (*certainly, sincerely, really, probably*); эмфатические частицы (*do*); частицы, ослабляющие значение определяемого элемента (*a bit, sort of a little, just, exactly, so, merely*); указатели на заимствованный характер сообщаемой информации (*it is said*), с помощью которых адресант снимает с себя ответственность за истинность ее содержания; риторические вопросы; эксплицитные перформативы (*I say, shall we say, I suppose*); сослагательное наклонение; маркеры уклончивости (*it seems, it appears, they say, so to speak, basically, well*) и т. п. [7], например:

Do come now – pray, come, you must come (J. Austen);

I say see me often (B. Jonson).

По нашим данным, данная стратегия в XVI в. свойственна РА директивам в ситуациях равенства или более высокого положения адресата. Важной предпосылкой ее использования служит осознание адресантом категоричности своего сообщения, что обуславливает стремление смягчить высказывание для предотвращения угрозы негативному «лицу» адресата, например:

Yet I beseech you, If you think it fit, or that it may be done.

Give me advantage of some brief discourse With Desdemona alone
(W. Shakespeare).

Некоторое снижение частотности стратегии в XVII в. сменяется ее ростом до прежних величин (9%) в XX в. Одна из причин количественного роста реализации вышеупомянутых стратегий видится в значительном увеличении употребления сегментированных вопросов [1] к XX в. по сравнению с XVI в.: как отмечалось выше, с одной стороны, они служат средством смягчения категоричности высказывания, вызова подтверждения без передачи существенно важной информации (и в этом смысле функционируют как *hedges*),

с другой, существенно расширяется их прагматический потенциал за счет реализации косвенных РА директивов и их подтипов, например:

You won't be angry with me, will you? (J. Chase).

Стратегия негативной вежливости – «выражай почтение к нуждам адресата» – характерна для ситуаций ликоповышения. Сущность данной стратегии – в удовлетворении потребности адресата в уважении, почтении, в подчеркнуто требовательном отношении к соблюдению речевого этикета. Это достигается, с одной стороны, самоумалением адресанта (употребление нарочито заниженных форм типа *humbly, cry your mercy*), а с другой стороны, употреблением высоких этикетных форм обращения к адресату. Этикет-этикетные формы – кодифицированные и гонорифичные [2].

В речи XVI–XVII вв. обнаруживаем более высокую частотность стратегии «уважай мнение и желания адресата» по сравнению с XIX–XX вв. (5%), что обусловлено гипертрофированностью социально-регулятивной функции общения в ранненовоанглийский период и наличием разветвленной системы кодифицированных языковых форм ее реализации [4].

В ранненовоанглийский период гонорифичные обращения, которые вышли из употребления к XX в., представляют собой четко градуированную систему [2]. Это такие обращения, как *my dear sir, my sweet sister, dearest madam, fair madam, good sir, great sirs, my dear sweet little gentleman, dearest of my life, good doctor* и т. д. Такие ликоповышающие обращения являются обязательным элементом вежливости в XVI–XVII вв.:

Speak on, brave Amaryllis (G. Villiers);

Fair Madam, give me leave to ask her name (G. Etherege);

Haste, great sirs (J. Dryden);

Come, my dearest, pray let us go to church (W. Wycherly).

Высокая частотность данной стратегии в XVI–XVII вв. (18 и 17% выборки) обусловлена, с нашей точки зрения, требованиями речевого этикета ранненовоанглийского периода, который отражает общее состояние этоса и зависит от комплекса социальных, этнокультурных и языковых факторов.

В современном английском языке гонорифичные обращения

выходят из употребления как речевые формы и функционируют лишь в эмоционально-оценочном контексте.

Среди позитивных стратегий вежливости, зарегистрированных в побудительном дискурсе, в плане диахронии наиболее существенно варьируются стратегии положительной вежливости.

Используя идентификационные маркеры принадлежности к определенной группе, адресант подчеркивает свою общность с адресатом, отсутствие дистанции между ними, тем самым уменьшая степень «вмешательства» РА директива. Стратегия «используй маркеры вежливости» особо распространена в XVI в., например,

Othello (to Desdemona). *All's well now, sweeting; Come away to bed* (W. Shakespeare).

В XVII в., по данным нашей выборки, сохраняется частотность данной стратегии (8%), реализуемой в ситуации социального равенства коммуникантов:

O dear bud, look you here what I have got, see! (W. Wycherley).

Лексический состав идентифицирующих маркеров варьируется в различные исторические периоды в соответствии с развитием системы языка и требованиями речевого этикета. В XVIII в. роль вышеупомянутой позитивной стратегии вежливости несколько снижается. Она реализуется, во-первых, различными формами обращений (именами личными собственными, названиями степени родства, уменьшительными именами, прозвищами, указанием на принадлежность к определенной группе), во-вторых, переключением языкового кода, в-третьих, синтаксическими конструкциями, содержащими эллипсис и стяжение. В этот период частотность различных форм английских обращений снижается вдвое по сравнению с XVI–XVII вв.

Типичными примерами неформальных обращений в этот период являются обращения по имени:

Faulkland. *Defend this, Absolute, why don't you defend this?* (R. Sheridan).

В XVIII–XX вв. частотность данной стратегии существенно снижается до 4–3% выборки, наибольшее употребление приобретают обращения *honey, child, guy(s), fellow(s), etc.* Данное явление связано

с общим снижением численности РА обращений, сопутствующих РА директивам. С одной стороны, мы усматриваем связь этого явления с развитием литературной традиции, а именно интродуктивных и адресатных ремарок как средств организации авторской речи в современном драматургическом произведении, которые практически отсутствовали или находились в процессе становления в XVI–XVIII вв. С другой стороны, в уменьшении частотности этой стратегии просматривается соответствие этого процесса более общему процессу демократизации речевого общения в XX в. по сравнению с предыдущими периодами [2; 3].

Разновидность стратегии позитивной вежливости, действие которой ориентировано на поиск согласия со слушающим для достижения оптимального взаимодействия, представлена в нашей выборке в основном маркерами вежливости в составе директивных РА. Система таких маркеров в XVI–XVII вв. наиболее разветвлена, позже ее объем сужается: это формы глагола *pray*, *beseech*, *entreat*, глагола *please* (*a' it please smb.*), существительные *pleasure*, *leisure* (*at your leisure*), например:

I pray thee, stay with us; go not to Wittenberg (W. Shakespeare);

I beseech you, give him leave to go (W. Shakespeare).

В нашей выборке XVII в. стратегия поиска согласия для укрепления доброжелательных отношений реализуется, как правило, в ситуациях, когда статусы адресанта и адресата адекватны.

Sir Jasper. *What's the matter? what's the matter? pray, what's the matter.*

Sir? I beseech you communicate, Sir (W. Wycherley).

В анализируемом материале XIX–XX вв. существенно уменьшается употребление стратегии поиска согласия и одобрения адресата. В языковой системе отмечается архаизация маркеров вежливости, распространенных в ранненовоанглийский период (*pray, an it please, beseech etc.*), они сменяются маркером вежливости *please*, который занимает позицию вводного члена предложения или элемента вопросительной конструкции типа *Will you please do p?*, например:

Please, forgive me: please, don't think of me any more (S. Hill);

Will you please join us on Sunday. We 'll be glad (S. Maugham).

Отличие современного маркера вежливости и побудительности *please* от его ранненовоанглийских коррелятов состоит в том, что современное *please* маркирует временную подчиненную ситуативную роль адресанта (как просителя), а ранее перформативы *I pray you/thee, I beseech you, I entreat you* маркировали постоянный (социальный) подчиненный статус (это заложено в их семантической природе, в то время как в семантике *please* не содержится указаний на подчиненный статус адресанта). Частотность маркера вежливости *please* существенно возросла за рассматриваемый период: (в XVII в. – 0,5%, в XVIII в. – 0,6%, в XIX в. – 3% и 18,2% в XX в.).

Стратегия спрашивания либо информирования о причинах стимулирует взаимопонимание коммуникантов и не имеет ограничений в плане социальной дистанции между ними и их иерархического статуса. В нашей выборке она зафиксирована в сложных РА, где РА директив сопровождается способствующим РА – функцией, чаще всего констативом или квеситивом с семантическим значением причины, например:

Prince Henry. *Do me a favour, Sir John, how can you refuse?* (W. Shakespeare).

В отдельных случаях сообщение причины в побудительном дискурсе осуществляется последовательностью простых РА, где один – директив, а другой – констатив (менасив, экспрессив).

В XVI–XX вв. отмечаем рост стратегии «приводи причины» вдвое (3–6% выборки) при сохранении ее прагматических характеристик.

Why don't you make yourself easy, my love? Wherever you and Jane are known, you must be respected and valued (J. Austen);

You should leave immediately, Stanton, nobody wants to see you here (J. Priestley).

На наш взгляд, рост каузативных поясняющих директивов (термин Дж. Серля) связан с процессом демократизации речевого общения. Если в ранненовоанглийский период адресанту, статус которого выше адресата, было достаточно лишь отдать распоряжение для выполнения желаемого действия, то в XX в. в некоторых случаях нужно «подкрепление» своего требования/просьбы в виде пояснения, почему действие должно быть совершено.

По данным Дж. Лича [6], в британском речевом общении времен Шекспира доминировала позитивная ориентация вежливости, сменившаяся в современный период негативной. Отмеченные тенденции побудительного дискурса обусловлены природой РА директива как ликоущемляющего акта и необходимостью активного использования стратегий негативной вежливости для обеспечения компенсации ущерба лицу. Это поясняет тот факт, что даже на фоне общей позитивной ориентации принципа вежливости в XVI–XVII вв. в директивах доминируют ее негативные стратегии, а по мере общей переориентации английского дискурса на негативную вежливость в XVIII–XX вв. преобладание аналогичных стратегий в директивах существенно увеличивается.

Список литературы

1. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматических свойств английского вопросительного предложения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / И. С. Шевченко. – К., 1999. – 36 с.
2. Шевченко И. С. Проблемы обращений и приветствий в исторической прагмалингвистике / И. С. Шевченко // Вестн. ХГУ. – 1997. – № 390. – С. 170–174.
3. Brown R., Gilman A. Politeness Theory in Shakespeare four major tragedies / R. Brown // Language in Society. – 1989. – V. 18. – P. 159–212.
4. Kopytko R. Politeness Discourse in Shakespeare English / R. Kopytko. – Poznan : UAM Press, 1993. – 122 p.
5. Lakoff R. Language in Context / R. Lakoff // Language. – 1972. – Vol. 48, № 4. – P. 907–927.
6. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 246 p.
7. Leech G. N. Semantics and Pragmatics / G. N. Leech. – London : Penguin books, 1990. – P. 319–340.

УДК 811.111'25'04-055.1\3

*М. М. Козлова***РОЛЬ ГЕНДЕРНОГО ПИТАННЯ У ФОРМУВАННІ
ПЕРЕКЛАДАЦЬКОЇ ТРАДИЦІЇ ВЕЛИКОЇ БРИТАНІЇ
XVII–XVIII ст.****Резюме**

В статті розглядається роль жінок-перекладачів у формуванні перекладескої традиції в епоху Просвітництва в Великобританії, а також аналізується вплив французької перекладескої традиції на британську і особливості концепції парафрази в XVII–XVIII вв.

Summary

The article deals with the contribution of translators to the British translation tradition formation process during the Enlightenment. The influence of the French translational tradition on the British one and the peculiarities of the paraphrase are analyzed.

Ключові слова: історія перекладацтва та перекладознавства, перекладацька традиція, парафраза, перекладацький репертуар.

Об'єктом дослідження є розвиток перекладацької думки у XVII–XVIII ст. в межах культурного діалогу між Францією та Англією в епоху Просвітництва. *Предметом* дослідження є гендерне питання [3] та його вплив на перекладацьку думку за доби «les belles infidèles» як один із найважливіших соціокультурних чинників формування літературної полісистеми. *Матеріалом* дослідження стали перекладацькі передмови французьки Анн Дасьє та англійки Афрі Бен. *Актуальність* дослідження полягає у тому, що роботи перекладачок тієї доби відіграли значну роль у формуванні західноєвропейського перекладознавства, що відбивається в популяризації гендерного питання у наш час. *Новизна* дослідження полягає у недостатній вивченості в Україні впливу перекладацької традиції XVII ст. на сучасне перекладознавство. *Перспективою* ми вважаємо розгорнутий аналіз ролі перекладачок у Великій Британії за доби Просвітництва.

Період XVII–XVIII сторіч – це доба інтенсивного культурного діалогу між Англією та Францією, за якої переклад та критика, йому

присвячена, створили умови для розвитку сучасного перекладознавства. Англійський літературний канон XVII ст. створився переважно завдяки перекладній літературі – перекладам поем Гомера, Вергілія, Катулла, Горация, Овідія, од Піндара, промов Цицерона. Однак завдяки географічній близькості, тісним історичним та культурним зв'язкам за доби Просвітництва відкривається ще одне літературне джерело – французька драма [9, с. 365]. Причиною стали бідність національного англійського театрального репертуару та перевага французької драматургії над англійською, що врешті-решт вилилося в протистояння англійської і французької культур (у тому числі це відбивалося й у «суперечливій і непостійній риториці передмов, які, як заведено, хоча й вихваляють іноземний оригінал, далі наводять його недоліки») [9, с. 102]. У цьому протистоянні виник плідний діалог та спільна праця перших західноєвропейських теоретиків та практиків перекладу: серед питань, з приводу яких тоді дискутували, була відмова від класицистичної традиції та звільнення перекладу від старих недоліків; зміцнення національної літератури та збагачення національної мови; формування різних підходів до визначення авторства; а також створення нових засобів віддзеркалення індивідуальних особливостей авторського стилю у цільовому тексті. Кращі французькі та англійські автори не лише охоче брали до роботи іншомовні твори, але й читали переклади один одного, презентуючи у різних виданнях свої коментарі з їх приводу, а інколи навіть використовували чужі праці у своїх [2, с. 35].

Перекладачі адаптували чи «одомашнювали» свої твори – таким чином вони намагалися зробити так, щоб автори оригіналів, так би мовити, заговорили французькою, та саме такою, якою розмовляли саме за тих часів. І хоча ті переклади викликали діаметрально протилежне ставлення до них, все ж вони започаткували нову добу в історії перекладознавства, добу «*les belles infidèles*» («прекрасних невірних»), набули надзвичайної популярності в обох країнах і вплинули на національний літературний канон. У цьому процесі активну участь брали й жінки. До XVII ст. жінки охоче бралися за переклад художніх та наукових творів з метою залучити їх до жіночої освітньої програми. Траплялося й так, що у своєму бажанні бути почутими авторки

видавали власні твори за перекладні, що поставило нове на той час питання автентичності [3, с. 46].

Першою жінкою-теоретиком перекладу за доби Просвітництва стала Анн Дасьє (1654–1720), яка вже у 1674 році опублікувала переклади творів александрійського поета Каллімаха та стала одним з редакторів збірки класичних творів для дофіна. Відомі також її переклади з Анакреонта й Саффо (1681), декількох п'єс Плавта та Аристофана (1683–84), Теренція (1688) та «Іліади» (1699) й «Одіссеї» (1708) [7, с. 364]. Ці переклади буквально перевернули традицію перекладу класичних творів та значною мірою поширилися літературними колами як Франції, так і Англії.

Прозовий переклад «Іліади» Дасьє розпочинався передмовою, яка слугувала відповіддю на передбачувану критику та яку було залучено до вже тривалої суперечки про «давніх» (до прибічників яких вона належала) та «сучасних» (серед яких панували критика класичної літератури, включаючи твори Гомера, та впевненість у праві та обов'язку перекладачів наближати ті твори до естетичних уподобань своїх сучасників). Так, представник «сучасних» Удар де ля Мотт у 1714 р. видав власний переклад «Іліади» на основі прозового тексту Дасьє – в ньому було 12 пісень замість 24-х, були скорочені нудні «описи битв», випущені епітети, порівняння, стертий весь місцевий і історичний колорит, вся «низькість» і наївність усунені, а герої – «облагороджені» [6, с. 336]. Дасьє у своєму відзиві на цю вільну переробку власного твору чітко змальовує тенденцію всієї доби: *«На жаль, поемі де ля Мотта бракує цих трьох речей. В ній немає точності, тому що він дуже часто перекладає декількома віршами один вірш Гомера, в ній часто відсутня ясність, тому що він використовує двозначні вирази, і немає приємності, тому що він майже всюди використовує або занадто пишномовні, або вульгарні вирази... Він змінив характер Гомера та позбавив поему природності»* (пер. наш – М. К.). У той самий час у своєму листі до Анн Дасьє чітко висловив своє ставлення до панівної стратегії перекладу Вольтер: *«Певен, що у Франції існує лише декілька поетів, які здатні перекласти Гомера гідно; але я так само певен і в тому, що ніхто їх не стане читати, якщо вони не прикрасять*

та не спростять його, тому, мадам, пишіть так, як того вимагає ваш час, а не минуле» (пер. наш – М. К.) [5, с. 120]. Теоретичні праці Анн Дасьє наголошують на видатному внеску письменниць, для яких переклад став засобом здійснення впливу на розвиток культури за доби Просвітництва. Слава Анн Дасьє поширилася й за межами Франції, про що свідчить, наприклад, той факт, що її роботу високо оцінив Александр Поуп, який висловив свою думку щодо її підходу у передмові до власного перекладу «Роздуми щодо першої книги «Іліади». Він стверджує, що попередні коментатори «Іліади» дуже мало уваги приділяли *«поетичним красотам автора»*, їх зауваження носили скоріше *«філософський, історичний, географічний, алегоричний, а іншими словами – будь-який характер, окрім критичного та поетичного»* [9, с. 7].

Коментарі Дасьє мали найбільше значення для неї, проте описували, в першу чергу, мету, а не конкретні засоби, за допомогою яких здійснюється переклад. Вона наполягає на такому: *«Це взагалі неможливо – передати всі ті красоти одним лише перекладом; життєво необхідно супроводжувати його особливими коментарями»* [5, с. 123]. Англійські перекладачі додавали коментарі Дасьє до своїх, часто – зовсім незмінними, тим самим стаючи на її бік у суперечці «давніх» та «сучасних». Вона ділиться своїми спостереженнями з цього приводу в таких рядках: *«Я дуже рідко вважаю за доречне насмілюватися критикувати самі слова; ніщо не може бути яснішим, сухішим чи суперечливішим за слова»*. Із цією думкою можна посперечатися, проте авторка наводить наступний аргумент: *«Мені здається, що найголовніше та найважливіше – це дати змогу читачеві відчувати вишуканість та дух думок та рядків Гомера»* (пер. наш – М. К.) [5, с. 122].

Анн Дасьє висуває свою концепцію поетичного перекладу – прозову: *«Перекладач може сказати прозою все те, що сказав колись Гомер, проте ніколи не зможе цього зробити у віршах, принаймні – нашою мовою, де він буде змушений вносити багато змін – додавати щось чи, навпаки, опускати. Але те, що Гомер думав і казав, має набагато вищу цінність, ніж усе, що ви можете вкласти йому у вуста, якщо станете перекладати його*

віршованою формою, навіть при тому, що прозовий переклад звучатиме простіше та менш поетично» (пер. наш – М. К.) [5, с. 122]. Аргументом на користь прозового перекладу є той факт, що Дасье вважає за неможливе передати всі красоти автора оригіналу поезією через приреченість на певні втрати. Авторка спростовує мету, поставлену за першочергову «сучасними» учасниками суперечки – приносити задоволення. Вона стверджує: *«Доводити, нібито приносити задоволення – то єдина мета епічної поезії, це все одно, що називати задоволення єдиною метою архітектури та твердити, що палаци зводять лише задля того, щоб радувати око, забуваючи про те, що ці помешкання існують і задля комфорту тих, хто в них мешкає»* (пер. наш – М. К.) [5, с. 72]. Причинами зазначених втрат, яких припускаються інші перекладачі, вона називає необхідність змінювати слова та вислови при пристосуванні тексту оригіналу до іншої мови, до римування й ритміки французької поезії. Аналізуючи вплив французької перекладацької думки на англійську, не можна не помітити, що вплив теоретичних поглядів Анн Дасье на діяльність англійських перекладачів є дійсно визначним, незважаючи на те, що жінці за її часів було значно важче отримати загальне визнання.

Слави Анн Дасье по інший бік протоки сягнула лише Афра Бен (1640–1689) – англійський драматург та романіст, яка після низки оригінальних п'єс та романів здійснила кілька розлогих перекладів з французької мови – як прозових, так і поетичних. Літературний канон внаслідок плідної творчості «сучасних» почав набувати нових рис – стало зрозуміло, що англійська традиція не має бути лише підрядною гілкою класичної. «На початку вісімнадцятого сторіччя... стало можливо набуття успіху англійської чи британської літератури в умовах, відмінних від закладених класиками» [8, с. 102]. З'явилася нова літературна тенденція – популяризація науки в межах доби Просвітництва; все більше французьких авторів (картезіанці на чолі з Фонтенелем) видають твори-роздуми про науку, написані у вільній, зрозумілій читачеві будь-якого рівня освіти формі. До свого перекладу одного з таких творів Фонтенеля – «A Discovery of New Worlds» («Відкриття нових світів», 1688) – Афра Бен і написала передмову, яка прославила її як теоретика перекладу.

Назагал, твори пані Бен виявляють схильність до парафрази («перекладу з певним відступом» [1, с. 26]) для додаткового тлумачення та пристосування тексту для читача цільовою мовою – така стратегія лише сприяла меті популяризації науки взагалі. Бен зауважує, що, *«притримуючись якомога ближче до авторських слів»*, вона *«була змушена в деяких місцях трохи додавати від себе, а то ця книга була б незрозумілою»* (пер. Кальниченко А. О.¹) [1, с. 330]. Твір Фонтенеля являє собою розмови автора та маркізи, яка нічого не тямить у науці, де він у легкій та доступній формі викладає її Коперніанські відомості про зірки та планети. Так, у передмові до свого перекладу авторка спочатку наводить низку причин, за якими вона обрала саме цю книгу як об'єкт для перекладу: по-перше, свою роль відіграла надзвичайна популярність оригіналу книги; по-друге, почесне місце жінки в самому творі; а по-третє, новизна даної тематики у національних літературних канонах як Франції, так і Англії:

«Репутація її [книги] автора (перу якого належать «Діалоги мертвих»), новизна теми в сучасних мовах та зображення автором жінки, як одного з учасників цих п'яти бесід, стали ще однією причиною того, що англійка відважилася перекласти те, що сказала французженка. Однак коли ж я, врешті-решт, спробувала це зробити, виявилось, що завдання не таке просте, яким воно здавалося на перший погляд» (пер. Р. Райко) [1, с. 331].

Далі у цій передмові Бен дає вичерпний аналіз мовної ситуації у Західній Європі: на її думку, між різними мовами існують докорінно різні зв'язки – як етимологічні, так і міжкультурні, які не можуть не впливати на переклад. Наводить вона й інші приклади, на кшталт «*духу*» або «*характеру*» нації, які, безсумнівно, впливають на близькість таких міжкультурних зв'язків. Також Бен аналізує історію кожної мови, взятої окремо, та визначає актуальність того чи іншого твору відносно змін у мові, які зроблять коли-небудь цей твір застарілим як з точки зору зрозумілості граматичних конструкцій тощо, так і естетичних уподобань.

¹ Тут і далі збережено орфографію та пунктуацію оригіналу

Афра Бен не може оминати високого статусу французької мови, проте вона має свою точку зору з цього приводу, та на відміну від усіх вищезазначених перекладачів у своїй передмові висловлює досить негативне ставлення до ситуації, що склалася, вживаючи емоційно забарвлені порівняння: *«Я визнаю, що французька зброя, гроші та інтриги останнім часом зробили французьку мову загальною, за що ми маємо бути вдячними французам: це випадковість, яку вони приписують величі свого короля й своїй старанності. Згодом, все може виявитися зовсім інакше. По-третє, як я вже загадувала, французька мова – це псування латини, французькі автори дозволяють собі брати з латини. Будь-яке слово, яке забажають, без церемоній, особливо, коли мова йде про природознавчі науки. В англійській мові цього нема, все йде через французьку. Зараз є модним, мов мавпи, в усьому наслідувати французів. Так, ми беремо не тільки їх власні слова, але й ті, що вони запозичили з інших мов»* (пер. Р. Райко) [1, с. 332]. Далі Бен проводить глибокий аналіз мовних відмінностей між французькою та англійською, наголошуючи на тяжінні французів до повторень та розтягування тексту там, де англійці сказали б це ж саме значно меншою кількістю слів, що і стає головною складністю під час перекладу. Продовжуючи та підтримуючи перекладацьку думку доби «прекрасних невірних», Афра Бен наводить конкретні приклади добраних нею еквівалентів до певних слів оригіналу; за мету вона ставить собі зробити твір повною мірою зрозумілим своєму читачеві та деінде не лише пояснює йому слова, які не мають прямих відповідників через значну різницю у мові, але й вживає саме ті слова, які вважає більш доречними для повнішої передачі значення, закладеного автором оригіналу, або більш доречними саме для такого стилю мовлення та жанру оповіді.

Подібність теоретичних поглядів цих двох перших видатних перекладачок свідчить про утворення особливого міжкультурного простору на території Англії та Франції, який базувався на засадах культурного протистояння (в літературній, мовній сферах тощо). Це значною мірою сприяло розвитку національних мов та літературних канонів обох країн. Французька мова з економічних та політичних

причин посідала домінуюче місце, тому англійці ставали свого роду білінгвами – французькою різною мірою володіли люди будь-якого рівня освіти. Таке білінгвістичне середовище й спричинило настільки стрімкий розквіт перекладу, що було започатковано нову перекладацьку традицію. Зазначені перекладачки дотримувалися нової традиції вільного перекладу, але посідали «середню» позицію, яку пізніше Джон Драйден називатиме «парафразою», що означає «перекладати з певним відступом» так, щоб зберегти дух автора. Обидві авторки здобули славу визначних перекладачок та значною мірою вплинули на ставлення до жінки у тогочасному суспільстві, відкривши представницям прекрасної статі шлях до літературних та перекладацьких кіл.

Список літератури

1. Протей: Перекладацький альманах / Нар. укр. акад.; каф. теорії та практики пер.; [редкол. О. А. Кальниченко (голов. ред.) та ін.]. – Х. : Вид-во НУА, 2006. – Вип. 1. – 448 с.
2. Cohen J. M. English Translators and Translations / J. M. Cohen. – London : Longmans, Green and Co, 1962. – P. 1–51.
3. Flotow L. Translation and Gender Paradigms: From Identities to Pluralities // The Companion to Translation Studies / Luise von Flotow. – London : Multilingual Matters, 2007. – P. 92–107.
4. Hayes J. C. Translation, Subjectivity, and Culture in France and England, 1600–1800 / J. C. Hayes. – San Francisco : Stanford U. Press, 2009. – 321 p.
5. Lefevere A. Translation – History, Culture: a Sourcebook / André Lefevere. – New York : Routledge, 1992. – 182 p.
6. Levi A. Guide to French Literature: Beginnings to 1789 / A. Levi. – Farmington Hills : St. James Press, 1994. – 1111 p.
7. Munday J. Introducing Translation Studies: Theories and Applications / J. Munday. – London : Taylor & Francis, 2008. – 236 p.
8. Terry R. G. Poetry and the Making of the English Literary Past, 1660–1781 / R. G. Terry. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 354 p.
9. Williams G. Tradition and Originality in Roman Poetry / G. Williams. – Oxford : Clarendon Press, 1968. – P. 363–366.

УДК 811.112.2'255.2:3'42

*И. Ф. Бублик***ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА****Резюме**

У статті на прикладі перекладу публіцистичного тексту розглядаються перекладацькі дії з інтерпретації смислу висловлювання на основі його інтенціональної бази. Основна увага приділяється перекладацьким трансформаціям.

Summary

On the material of a publicistic text the article discusses the problem of the contents interpretation proceeding from the speaker's communicative intention. The primary focus is on translation transformations.

Ключевые слова: смысл, интенция, переводческий анализ высказывания, переводческие трансформации.

Расширение международных контактов на современном этапе вызвало необходимость в большом количестве квалифицированных переводчиков. Выполнить этот социальный заказ можно лишь путем выработки современных технологий обучения, которые вооружили бы будущих переводчиков необходимыми знаниями о наиболее эффективных стратегиях перевода различных типов текстов. Под стратегией перевода мы понимаем вслед за И. С. Алексеевой осознанно выработанный переводчиком в ходе экспертной коммуникативной деятельности алгоритм его действий, направленный на создание продукта – текста перевода, с учетом профессиональной этики переводчика [2, с. 148]. В этом контексте *актуальным* является изучение специфики перевода публицистических текстов, поскольку, с одной стороны, появляются интернет-сайты, разработчики которых заинтересованы в размещении переводов газетно-журнальных публикаций, например, немецкий сайт www.ukraine-nachrichten.de, где посетители могут ознакомиться с общественно-политической жизнью Украины на основе переводов статей из популярных украинских масс-медиа. С другой стороны, исследований

о переводе этих материалов еще недостаточно [2, с. 94]. *Объектом* изучения в данной статье являются технологии перевода текстов публицистического характера. *Предметом* исследования выступают операции, осуществляемые переводчиком при переводе данного типа текста с русского языка на немецкий. *Цель* статьи – описание особенностей лексико-грамматических трансформаций при переводе публицистического текста с русского на немецкий язык. В качестве *материала* исследования послужил перевод статьи Марии Касян из еженедельника «Зеркало недели. Украина» об украинском гетмане Петре Конашевиче-Сагайдачном на немецкий язык, а также некоторые другие публицистические тексты на немецком и русском языках, опубликованные в сети Интернет.

В исследовании особенностей перевода публицистического текста мы опираемся на транслатологическую классификацию различных типов текстов – научного, технического, религиозного, делового, художественного и т. д., где критерием их разграничения выступает вид доминирующей информации: когнитивной, оперативной (апеллятивной), эмоциональной или эстетической [2, с. 44–73].

Коммуникативным заданием публицистического текста является передача адресату, во-первых, когнитивной информации, то есть новых сведений, во-вторых, эмоциональной информации об оценке сообщаемого в статье со стороны автора статьи и редакции. Не секрет, что средства массовой информации всегда выражают точку зрения на происходящее определенных социальных слоев и групп.

Как известно, к продуцированию высказываний человека побуждает его коммуникативное намерение или интенция, то есть то, зачем, с какой целью что-либо говорится. Соответственно, в публицистическом тексте основными интенциями являются, с одной стороны, сообщение фактов о событиях, явлениях и людях, с другой стороны, эти факты преподносятся под определенным углом зрения.

Перевод – это деятельность, состоящая в интерпретации смысла текста на исходном языке и создании нового, эквивалентного текста на переводящем языке. И здесь мы подходим к мысли Т. З. Адамьянц [1] о том, что поиск смысла высказывания есть поиск его интенциональности. Так, толковый словарь Ожегова определяет, в частности,

понятие «смысл» как цель, разумное основание чего-либо [9]. По Д. А. Леонтьеву, смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений или действий также определяется через интенцию, то есть целевую направленность коммуникации [6, с. 66]. Таким образом, интенциональность является обязательным атрибутом смысла любого высказывания.

Следовательно, для создания адекватного перевода текста оригинала необходимо правильно понять интенцию составляющих его высказываний. Под высказыванием мы понимаем здесь минимальную коммуникативную структуру, которая на уровне грамматики соответствует предложению.

В интенциональной базе высказывания мы выделяем три аспекта: интеллектуально-информативный, социально-регулятивный и эстетический [3]. Это означает, что высказывание может быть создано адресатом с целью, во-первых, высказать суждение о действительности, во-вторых, выразить свое отношение к предмету высказывания, в-третьих, вызвать с помощью своего высказывания определенный эстетический эффект. Данное представление перекликается с положением В. Г. Гака [4, с. 44] о трех уровнях анализа структуры высказывания: семантическом (что говорится в данном высказывании), информационно-коммуникативном (с какой целью формулируется высказывание), и формально-синтаксическом (как высказывание говорится, то есть какова его формально-синтаксическая структура).

Для полного понимания смысла высказывания необходимо правильно интерпретировать все три аспекта его интенциональной базы.

Первый аспект отражает содержание высказывания. Здесь важно верно определить ключевые слова высказывания и определить логическую связь между ними. Как отмечает представитель психолингвистического направления в лингвистике А. И. Новиков, критерием выделения ключевых слов является возможность связать в единое целое отдельные элементы высказывания [7, с. 45]. Так, например, в высказывании: *Некоторое время Петр Конашевич был учителем детей киевского воеводы Стефана (Яна) Аксака, но вскоре оказался на Запорожье* можно выделить такие ключевые

слова: *Петр Конашевич, учитель; вскоре, Запорожье*. Здесь связь между ключевыми словами прослеживается довольно просто и у адресата высказывания складывается однозначная картина определенного периода жизни украинского гетмана в четкой временной последовательности, что и отражено в почти дословном переводе: *Einige Zeit war Pjotr Konaschewitsch Lehrer der Kinder des Kiewer Woiwoden Stefan (Jan) Aksak, doch schon bald verschlug es ihn nach Saporoschje*.

Не исключена также возможность сокращения лексического состава исходного предложения вплоть до основных ключевых слов, что объясняется общей тенденцией к языковой экономии в немецком языке. Так, высказывание *Петр Сагайдачный всегда учитывал силу государственного механизма Речи Посполитой* было переведено как «знал силу дворянской республики»: *wusste um die Stärke der Adelsrepublik*.

Иногда выявление ключевых слов не является достаточным условием понимания смысла. Данное обстоятельство хорошо иллюстрирует фраза из «Российской газеты»: *Сегодня на знаменитом «синем диване» посидит Владимир Каминер*. Эксплицитный смысл данного высказывания определяем по ключевым словам: *синий диван, Владимир Каминер, сидеть*. Однако мы интуитивно понимаем, что этого мало для его адекватной интерпретации. Действительно, кто такой Владимир Каминер, и причем здесь синий диван? В таких случаях для установления имплицитного смысла высказывания переводчику необходимо или обладать достаточными фоновыми знаниями, или уметь разыскать дополнительную информацию с помощью различных справочных источников. В связи с этим следует подчеркнуть важность формирования у будущего переводчика профессионального навыка быстрого поиска нужной информации. Возвращаясь к анализу содержания упомянутого выше высказывания, отметим, что уже с 1999 года во время работы всемирно известных книжных ярмарок во Франкфурте-на-Майне и Лейпциге, а с 2005 года и в Берлине, в одном из залов устанавливаются диваны синего цвета. Именно на этом синем диване в присутствии посетителей выставки проводятся интервью с самыми знаменитыми

немецкими и зарубежными писателями, причем эти интервью в прямом эфире транслируются по телевидению и радио. А Владимир Каминер является очень известным в Германии современным писателем. Эти же фоновые знания необходимы при переводе фразы: *Seit acht Jahren ist das Blaue Sofa bei den Buchmessen in Frankfurt und in Leipzig ein Publikumsmagnet. – Уже восемь лет на книжных выставках во Франкфурте-на-Майне и Лейпциге синий диван как магнит привлекает публику.*

Одним из приемов перевода высказываний, включающих в себя лексические единицы с лингвокультурным компонентом, является описание соответствующей реалии. Так, в трансляте предложения: *Сагайдачний був вынужден выехать в Киев, где среди казаков и братчиков у него было много симпатиков. – Sagajdatschnyj war gezwungen nach Kiew überzusiedeln, wo er unter den Kosaken und Angehörigen der religiösen Bruderschaften noch zahlreiche Anhänger hatte* немецкий переводчик описывает украинскую историческую реалию «братчик» словами «член религиозного братства». А ситуацию, в которой «казацкая старшина лишила гетмана булавы» переводчик описал как «казацкая старшина лишила его функции в качестве гетмана»: *In der Folge enthob ihn die kosakische Starschyna seiner Funktion als Hetman*, чтобы не объяснять немецкому читателю, что такое «булава».

Приведем пример высказывания, в котором при переводе была допущена смысловая неточность из-за неправильной интерпретации многозначного ключевого слова «воевать с кем-либо»:

Leider konnte Pjotr Sagajdatschnyj die Früchte seiner Erfolge nicht in vollem Umfang ernten, denn viele Kosaken suchten bei den Truppen Moskaus Ruhm zu erlangen und entschieden letzten Endes selbst, wo und an wessen Seite sie kämpften (2). – К сожалению, в полной мере плодами своих успехов Петр Сагайдачный воспользоваться не смог, ведь многие казаки искали себе славы в московском войске и, собственно, сами выбирали, где и с кем воевать.

В русском языке глагол «воевать с кем-либо» может означать как «воевать против кого-либо», так и «воевать вместе с кем-либо»,

причем чаще имеют в виду первое значение. Поэтому следовало бы перевести ...*wo und gegen wen sie kämpften*, хотя перевод *wo und an wessen Seite sie kämpften* является логической импликацией из содержания высказывания на русском языке.

Второй аспект интенциональной базы высказывания касается, как уже указывалось выше, выражения отношения к тому, о чем идет речь. Переводчику необходимо при этом понимать, с каких позиций оценивает события данное издание, какова его основная идеологическая направленность, чтобы вызвать у адресата перевода такой же прагматический эффект, как и у адресата оригинала. Например, ироничная фраза *Но Польша в который раз доказывает, какой может быть «благодарной»*, – запрещает казакам плавать по Днепру с ключевым словом «благодарность», взятым в кавычки, отражает негативную оценку автором статьи действий Польши и передается немецким переводчиком как *Doch Polen beweist nicht zum ersten Mal, was es unter «Dankbarkeit» versteht – und untersagt den Kosaken die Schifffahrt auf dem Dnjepr (Польша не в первый раз доказывает, что она понимает под «благодарностью»)*.

Анализ переводчиком третьего аспекта интенции высказывания, который затрагивает его формально-языковую составляющую, особенно важен, так как именно здесь из-за системно обусловленных различий исходного языка и языка перевода переводчик вправе использовать синонимичные преобразования на уровне грамматики и лексики для передачи предметно-логического и идейного смысла текста оригинала. Как подчеркивает Н. А. Каширина [5], переводчик не только интерпретирует смысл использования конкретных языковых структур оригинала с позиций филолога, но идет дальше, прогнозируя потенциальные возможности передачи установленного инварианта смысла средствами переводящего языка.

Так, в анализируемом переводе на немецкий язык при переводе русских деепричастных оборотов используется их замена обстоятельством образа действия, выраженным краткой формой прилагательного, например: ...*не вставая с постели* – *bettlägerig* или обстоятельством места, выраженным словосочетанием существительных с предлогами: *Подорвав силы султанской армии...* –

Nach dem Sieg über die Truppen des Sultans. Також отмечен вариант перевода деепричастного оборота предложением с личной формой соответствующего глагола в роли сказуемого: *Сагайдачний, презво оценивая ситуацію... – Sagajdatschnyj sah die Lage nüchtern.*

В переводном тексте могут появляться новые элементы. Такие трансформации называются добавлениями. Например, за счет добавления дополнительного прилагательного достигается выражение грамматического рода и падежа соответствующего немецкого существительного, например: *заплет походов – ein Verbot weiterer Feldzüge; гетманом стал... – neuer Hetman wurde...*

Известно, что для публицистических текстов характерно использование речевых клише, достаточно устойчивых в определенных тематических сферах употребления и привычных для носителя языка. Именно их узнаваемость облегчает для адресата понимание смысла высказывания. Однако такие стандартизированные выражения в каждом языке свои. Поэтому переводчик должен подобрать соответствующее клише в языке перевода. Так, русское словосочетание «проявить азарт» передается немецким *Eifer an den Tag legen*: *Впрочем особого азарта в борьбе с «белым», православным царем Михаилом Романовым они не проявили. – Trotzdem aber legten sie keinen besonderen Eifer im Kampf mit dem «weißen» orthodoxen Zaren Michail Romanow an den Tag, а клишированное выражение «оставаться в стороне от событий» переводится как *passiv bleiben*: *Гетман не мог оставаться в стороне от эпохальных для его родины событий. – Der Hetman konnte bei Ereignissen von epochaler Bedeutung für seine Heimat nicht einfach passiv bleiben. Речевому клише «воспользоваться плодами успехов» в русском языке соответствует *die Früchte seiner Erfolge ernten*: *К сожалению, в полной мере плодами своих успехов Петр Сагайдачный воспользоваться не мог. – Leider konnte Pjotr Sagajdatschnyj die Früchte seiner Erfolge nicht in vollem Umfang ernten.***

Отметим, что как раз эта проблема еще недостаточно исследована.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что анализ переводов публицистических текстов дает богатый материал для

изучения разнообразных трансформаций формы высказывания, предпринимаемых переводчиком для передачи инварианта смысла оригинала. Конечно, как отмечает В. А. Нуриев [8, с. 85], проявления системных различий между исходным и переводящим языками могут быть настолько специфичными, что всегда есть место для нового неожиданного варианта перевода. Все же систематизация полученных данных позволит выявить основные закономерности и предложить определенные образцы оптимальных переводческих действий.

На данном этапе можно сделать следующие *выводы*:

1. Перевод высказывания должен быть основан на интерпретации всех аспектов его смысла на основе установления интенциональной базы. Практическим инструментом выявления инварианта смысла высказывания становятся ключевые слова. Возможность связать воедино все элементы высказывания и мысленно представить соответствующую коммуникативную ситуацию является способом проверки правильности интерпретации смысла. В случае возникновения проблемной ситуации целесообразно предпринять поиск недостающих фоновых знаний.

2. Отбор оптимальных лексико-грамматических и стилистических средств передачи инварианта смысла высказывания должен осуществляться с опорой на третью составляющую интенциональной базы высказывания с помощью синонимических преобразований языковых структур. Критерием эквивалентности перевода выступает передача всей полноты смысла высказывания.

Перспективой исследований является дальнейшее изучение переводов публицистических текстов, выполненных переводчиками-носителями языка, и систематизация способов перевода различных лексических, грамматических и стилистических значений с целью выработки практических рекомендаций для начинающих переводчиков.

Список литературы

1. Адамьянц Т. З. Коммуникативные механизмы понимания: знак, значение, смысл. Интенция как смысловая доминанта коммуникативного акта (От знака и значения – к смыслу) / Т. З. Адамьянц // Мир психологии. – 2008. – № 2. – С. 71–80.

2. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. – М. : Междунар. отношения, 2008. – 184 с.
3. Бублик І. Ф. Інтенціональний аналіз непрямого висловлювання (на матеріалі німецькомовного політичного дискурсу) / І. Ф. Бублик // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2009. – № 866. – С. 60–64.
4. Гак В. Г. Типология преобразований в актантной структуре высказывания при переводе / В. Г. Гак // Вопр. филологии. – 2002. – № 1. – С. 42–48.
5. Каширина Н. А. Понимание и интерпретация в предпереводческом анализе текста / Н. А. Каширина // Известия ТРТУ. Спец. вып. Материалы научно-технич. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и сотрудников ТРТУ. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2004. – № 8 (43). – С. 271–274.
6. Мосунова Л. А. Чтение художественной литературы как процесс понимания смысла / Л. А. Мосунова // Вопр. психологии. – 2005. – № 5. – С. 66–74.
7. Новиков А. И. Текст, смысл и проблемная ситуация / А. И. Новиков // Вопр. филологии. – 1999. – № 3. – С. 43–48.
8. Нуриев В. А. Адекватность перевода как лингвистическая проблема / В. А. Нуриев // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 1. – 2003. – С. 80–87.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова. 1949–1992 [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/225042>

Список источников иллюстративного материала

1. Касян М. Щасливий вождь козацький [Електронний ресурс] / М. Касян // Зеркало недели. Украина. – 2011. – № 44. – Режим доступа: http://zn.ua/SOCIETY/schasliviy_vozhd_kozatskiy__petro_konashevich_getmaniv_na_slavu_yogo_litsarstvo_znayut_usyudi_po_pr-92899.html
2. Den Kosaken ein trefflicher Anführer. Übersetzer: Jakob Waloszczyk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ukraine-nachrichten.de/kosaken-trefflicher-anführer_3445_gesellschaft
3. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/printable/2004/10/08/karminer.html>
4. Frankfurter Buchmesse vom 15. bis 19. Oktober. Von Hajo Steinert und Sigried Wesener [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dradio.de/dkultur/sendungen/dasblauesofa/858040/>

УДК 811.161.1'42:004.89

А. В. Дыбина

АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СЛОВАМИ-УКАЗАТЕЛЯМИ НА ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ ИЗ ТЕКСТОВОЙ БАЗЫ В СИСТЕМЕ АВТОМАТИЧЕСКОГО РЕФЕРИРОВАНИЯ

Резюме

У статті наводяться результати дослідження речень зі словами-показниками на об'єкт дослідження з текстової бази в системі автоматичного реферування. Дається перелік слів-показників на об'єкт, їх семантико-синтаксичний аналіз та трансформація в реферативне речення для побудови автоматичного реферату. Всі положення ілюструються прикладами.

Summary

The article presents results of the analysis of sentences including words-indexes of the of research from the text database in the systems of automatic summarization. The list of words-indexes is given, their semantic and syntactic analysis and transformation in the summary sentence has been performed to construct an automatic summary. All statements are illustrated by examples.

Ключевые слова: автоматическое реферирование, текстовая база, семантико-синтаксический анализ, когнитология.

В 70-х годах прошлого века внимание ученых гуманитарных и социальных дисциплин было приковано к изучению связного текста, который в западной лингвистике получил название дискурса. Изначально исследователи дискурса разрабатывали методы его анализа, необходимые для полевых исследований бесписьменных языков, т. е. преобладал интерес к исследованию свободных предложений, изолированных от контекста. Вскоре в европейской и американской лингвистической науке обнаружилась тенденция в сторону контекстно-зависимого анализа текста, поскольку только контекст позволяет однозначно понять то или иное лексическое или грамматическое явление.

В социальных науках актуальным стало изучение использования языка в социальном контексте, социальной вариативности языкового употребления, речи в естественных условиях.

Результаты исследований дискурса в гуманитарных дисциплинах позволили ученым в области искусственного интеллекта обратиться к изучению проблем семантической памяти и к созданию когнитивных моделей понимания связного текста для разработки и внедрения программ автоматической обработки текстов (АОТ) в целом и систем автоматического реферирования (АР) в частности. Это позволяет говорить об *актуальности* проводимых нами исследований, поскольку системы АР, основанные на глубинном понимании смысла текста, остаются предметом дискуссий о возможности создания подобного рода систем и попыток их построения. Анализ систем АР, представленных в Интернете, свидетельствует о том, что современные системы основаны не на понимании текста, а на статистических методах, в основе которых лежит предположение о значимости слова, зависящей от частоты употребления в тексте: «значимыми предложениями считаются те, которые содержат «совокупность» значимых слов для данного документа» [1, с. 10].

В целом проблемы исследования текста охватывают широкий круг задач. Например, деятельность ученых Украинской Лингвистической Лаборатории, созданной в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко на основе кафедры математической информатики и отдела интеллектуализации информационных технологий, направлена на разработку теоретических вопросов по проблемам анализа текстов, создание систем автоматического понимания естественных языковых объектов и др. В Институте кибернетики им. В. М. Глушкова НАН Украины сфера научных исследований представлена достаточно широко: от разработки общей теории системного анализа и математического моделирования искусственного интеллекта до решения проблем информатизации общества. Научно-исследовательский институт НАН Украины Украинский языково-информационный фонд занимается исследованиями системного строения естественного языка, разработкой и созданием информационно-лингвистических систем и многими другими вопросами.

Исходной теоретической посылкой исследования можно считать концепцию понимания текста, предложенную голландским

лингвистом, одним из основателей теории текста и анализа дискурса, Адрианусом ван Дейком (Adrianus Van Dijk), и описанную в работе [2]. Согласно концепции понимания связного текста ван Дейка, рефератом или резюме научного текста является совокупность макроструктур, которые адресат строит в процессе понимания текста. Построение макроструктур происходит в процессе применения макроправил, что позволяет переходить от текста к реферату. В нашем исследовании текстовая база (ТБ) представляет собой основу макроструктуры текста, т. е. семантическое представление научного текста.

Анализ последних публикаций в области АОТ в целом и АР в частности показал недостаточную изученность вопросов моделирования понимания текста с целью построения интеллектуальной системы АР, основанной на процессах понимания.

Постановка задачи. Цель данного исследования состоит в обобщении результатов семантико-синтаксического анализа предложений из текстовой базы, содержащей предложения со словами-указателями на один из выделенных смысловых аспектов – объект.

Объект исследования – статьи научно-технического характера и научно-гуманитарная литература. *Предмет* исследования – текстовая база предложений со словами-указателями на смысловой аспект – объект.

Новизна исследования заключается в разработке алгоритма формирования текстовой базы на основе четырех смысловых компонентов – объекта, результата, метода и цели для формирования автоматического реферата в системе АР.

Исходя из идей, изложенных в публикациях [3; 4], была сформирована текстовая база из научно-технических и научно-гуманитарных статей, содержащая предложения непосредственно из текста со словами-указателями на смысловой аспект – объект. Установлено, что стиль изложения научно-технических текстов значительно отличается от стиля научно-гуманитарных статей четкостью, точностью изложения, логичностью, объективностью, тогда как статьи научно-гуманитарного характера носят более описательный характер, предложения нередко содержат оценочные суждения. Научно-технические статьи обнаруживают более четкую

структуру, тогда как в научно-гуманитарной литературе не прослеживается строгое членение текста на смысловые блоки: введение, основная часть, заключение.

В ходе семантико-синтаксического анализа предложений из текстовой базы были изучены предикаты, указывающие на объект исследования, и классифицированы на три группы в зависимости от значения глаголов.

К **первой** группе относятся слова-указатели, которые выражаются глаголом в 3-м лице единственного или множественного числа несовершенного вида с частицей -ся в настоящем времени, семантику которых можно определить как выражение идеи рассуждения, получения знания, или существительным с глаголом: *анализируется, описывается, изучается, могут изучать, рассматривается, обсуждаются, определяется (как), высказывается, упоминается, дается обзор, речь идет о, имеются в виду, трактуется как*. Особую разновидность такого типа предложений составляет схема, в которой предикат выражается причастием *рассматриваемый* или деепричастием *изученный*, что в реферате может быть заменено на глагол в 3-м лице: *рассматривается, изучается*. Семантическую схему такого типа предложений можно определить следующим образом: «отношение между субъектом и его предикативным признаком – состоянием как результатом действия» [5, § 1923, § 2367, § 2273]. В данной синтаксической структуре предложений наряду с предикатом присутствует грамматический субъект – компонент сигнификативного значения предложения, или другими словами, элемент структуры синтаксического содержания предложения. Грамматический субъект в предложениях такого типа представлен существительным в единственном или множественном числе. Однако в них отсутствует реальный субъект – денотат (референт), который находится за пределами структуры предложения. Реальным субъектом в предложениях, используемых в рефератах научных текстов, является исследователь (исследователи), ученый (ученые), теоретик (теоретики), практик (практики) и т. п. – человек или группа лиц, непосредственно проводившие исследования, описанные как в оригинальном тексте, так и в реферате. В любом случае реальный

субъект предложений в реферате – автор оригинального текста (статьи), значит, его можно не называть для краткости, что и происходит в рефератах.

После предикатов в данном случае всегда следует объект в именительном падеже, выраженный лексикой из предметной области. Объект может выражаться с помощью существительного, существительного с прилагательным, несколькими существительными. Прилагательное носит оценочный характер и является факультативным в актанте-объекте.

Употребление несовершенного вида глаголов обусловлено категориальным грамматическим значением данного вида – отсутствия указания на признак ограниченности действия пределом [6, § 1438, с. 605]. Именно потому, что действие не ограничено пределом, оно может быть представлено как протекающий процесс. Это значение несовершенного вида реализуется в конкретно-процессных типах ситуаций, в которых совершенный вид не может употребляться, поскольку не может обозначать развернутый, развивающийся процесс.

Конкретно-процессный тип употребления несовершенного вида глаголов в научном тексте также обусловлен планом настоящего времени. Предикаты в тексте имеют форму настоящего комментирующего [6, § 1504, с. 631] времени и обозначают действие, одновременное не с моментом речи, а со временем существования и восприятия той ситуации, которая описана в исходном тексте, в то время как в реферате вместо несовершенного вида предпочтение отдается употреблению глаголов совершенного вида, что обусловлено необходимостью подведения результатов исследования объекта, описанного в статье.

Морфологическая категория лица, тесно связанная с категорией времени и выражающая соотношенность или несоотношенность действия с участниками речевого акта, также имеет немалое значение для обобщения в процессе реферирования. Формы 3-го лица выражают отнесенность действия к неодушевленным предметам и соответственно несоотношенность к участникам речевого акта, выступают в неопределенно-личном употреблении, соотносящем

действие с субъектом – неопределенным количеством лиц или с одним лицом. Очевидно, что здесь употребление данной категории лица обусловлено синтаксической структурой предложений.

Категория рода в настоящем времени не отражается. Приведем примеры:

«Анализируются вероятностные, а не достоверные веса множества индивидуальных систем синхронных и асинхронных связей головного мозга».

«В этой статье описывается метод формирования грамматических категорий, в том числе словообразовательных».

«В статье изучаются экспериментально проверяемые условия, при выполнении которых произвольная динамическая система, обследуемая методом нуль-органа, может быть математически описана интегралом свертки».

«Рассматриваются работы по автоматическому анализу и синтезу письменного языка в США».

«Определяется идейный потенциал, в первую очередь, состоянием общественных наук, литературы и искусства, их идейным уровнем, их силой воздействия на умы и сердца людей».

«По коренным вопросам о сущности языка и задачах языкознания у нас высказываются весьма различные взгляды».

«В статье «Социолингвистика» упоминаются методы полевого исследования языка: анкетирование, интервьюирование, наблюдение (в частности, включенное)».

«Ниже предполагается лишь дать обзор господствующих в настоящее время теорий и показать, на каких принципах они основаны и каких результатов можно достичь с их помощью».

«Имеются в виду следующие вопросы: 1) стратификация семантики, соотношение понятий «план содержания текста» и «смысл текста»...».

«Текст, рассматриваемый с точки зрения его языкового содержания и языкового выражения, выступает как билатеральная система».

Предложения в тексте могут быть распространены причастным оборотом, вводимым причастием действительного или страдатель-

ного залога настоящего времени (*обследуемая*), или придаточным предложением, которое вводится местоименным прилагательным «*который*», выступающим в роли союзного слова (*при выполнении которых*), при этом связь, устанавливаемая при помощи союзного слова, имеет характер подчинения [6, § 1684, с. 719] и всегда отсылает к референту, уже упоминавшемуся в главном предложении, т. е. ситуация, представленная в главной части предложения, предшествует ситуации, представленной в придаточной части предложения [5, § 2970, с. 549].

Союзное слово располагается непосредственно в начале придаточного предложения, сразу за существительным, которое оно замещает [5, § 2881–2882, с. 514–515], или входит в качестве зависимого компонента в состав субстантивного словосочетания, и располагается после существительного [5, § 2881, с. 514]. Однако такой порядок слов, отодвигающий местоименное слово в конец или середину придаточного предложения, не имеет общенормативного характера и стилистически не соответствует нейтральному, неэкспрессивному стилю научного изложения [5, § 2881, с. 515].

Причастие, входящее в состав обособленного оборота, формально может зависеть от актанта-объекта или той части предложения, которая является объяснением объекта исследования и находится после предиката, а семантически причастие зависит от сказуемого, называя состояние субъекта, сопутствующего совершению действия, названного глаголом-сказуемым (*понимается совокупность семантических и структурных механизмов, содействующих целенаправленному изменению плана содержания лексической единицы; будем понимать две построенные морфологические функции, характеризующие зависимость текстов от смысла*).

Причастные обороты и придаточные предложения, вводимые причастиями и союзными словами, базируются на анафорическом (отсылочно-заместительном) употреблении [5, § 1685, с. 720]. В реферате они могут быть эквивалентны семантике самостоятельных простых предложений. В этом случае семантика таких простых предложений будет выражать результат действия.

Фактически, функция причастного оборота или придаточного

предложения сводится к расширению семантики объекта исследования и представлению его значительно шире.

В автоматическом реферате предложения первого типа имеют незначительные изменения:

«Анализируются / описываются / рассматриваются / изучаются вероятностные, а не достоверные веса множества индивидуальных систем синхронных и асинхронных связей головного мозга».

Во **вторую** группу входят слова-указатели, выраженные кратким страдательным причастием *посвящен, нацелен (на)* + отглагольное существительное, семантику которого можно определить как действие, направленное на достижение результата. Отглагольное существительное, образованное от слов-указателей первой группы, фактически является смысловым вариантом первой группы предикатов: *посвящен* (проблемам *описания*) *описанию / анализу / рассмотрению / обсуждению / определению*; *нацелен на* *описание / анализ / рассмотрение / обсуждение / определение*. Приведем примеры:

«Сообщение *посвящено описанию* транслятора с этого языка».

«Деятельность полевого лингвиста обычно бывает *нацелена на описание* языка, на непосредственное изучение языковых феноменов, в ходе которого могут решаться самые разнообразные конкретные исследовательские задачи».

В автореферате данные предложения также имеют незначительные изменения:

«Сообщение *посвящено описанию* деятельности полевого лингвиста».

Третью группу слов-указателей составили те, которые прямо не указывают на объект исследования, а связаны с его определением и являются дополнением к описанию объекта исследования: *называется, называем, называют, понимается (как), будем понимать, представлен, представляя*:

«Отображение M в двухэлементное множество *называется* конечным предикатом».

В статье «Экспериментальные методы» сказано: «Экспериментальная работа с информантами (нередко в сочетании с наблюдением)

непосредственно в среде носителей языка *называется* обычно полевой лингвистикой».

«Идейным потенциалом народа мы *называем* его относительную способность быть активной стороной в идейном обмене с другими народами».

«Коль скоро наш язык *называют* natural language, «естественным», попытаемся оценить правильность такого наименования с точки зрения латинской корреляции natura || cultura».

«Документирование языка *понимается* как «долговременная многоцелевая фиксация языковых данных».

«Под конечной алгеброй *будем понимать* алгебру с конечным числом элементов».

«Отсубстантивные имена существительные *представлены* наименованием лиц и предметов по предмету, как-то с ними связанному».

«Язык, фольклор, литература, искусство, *представляя* разные формы объективации общественного сознания, образуют единый гуманитарный мир».

В четвертую группу вошли слова-указатели, которые выражаются глаголом совершенного вида в настоящем времени в повелительном наклонении: *рассмотрим, сформулируем, докажем*, что в реферате может быть употреблено в форме *рассматривается, формулируется, доказывается*. Употребление совершенного вида глаголов в данном случае обусловлено их способностью передавать концентрированный, целостный факт, ограниченный пределом [6, § 1438, с. 603]:

«*Рассмотрим* основные понятия, существенные для анализа семантики высказывания и целостного текста».

«*Сформулируем и докажем* теорему об условиях существования сверточного семейства предикатов».

В автореферате предикаты в повелительном наклонении предлагается заменить на глаголы в прошедшем времени:

«*Рассмотрены / сформулированы / доказаны* основные понятия, существенные для анализа семантики высказывания и целостного текста».

Выводы. Проанализирована текстовая база предложений, в которых встречаются слова-указатели на смысловой аспект «объект», что позволило классифицировать данные слова-указатели на четыре группы на основе семантического анализа выделенных предложений.

Дальнейшие исследования направлены на анализ всех смысловых аспектов индикативного реферата – результата, цели и метода, что позволит улучшить качество рефератов, получаемых в системе автоматического реферирования.

Список литературы

1. Лазаренко О. В. Моделивання узагальнення в системі автоматичного реферування : [монографія] / О. В. Лазаренко, А. А. Яковенко. – Х. : Вид-во НУА, 2007. – 136 с.
2. Дейк ван Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 153–211.
3. Побудова текстової бази в системі реферування з опорою на знання / Анастасія Дибіна, Ольга Лазаренко // Людина. Комп'ютер. Комунікація : зб. наук. пр. / Нац. ун-т «Львів. політехн.», Ін-т комп'ют. наук та інформ. технологій, каф. приклад. лінгвістики. – Л., 2010. – С. 75–76.
4. Дибіна А. В. Побудова текстової бази в системі автоматичного реферування на основі структурно-семантичного аналізу тексту / Дибіна А. В., Лазаренко О. В. // Проблема семантики слова, речення та тексту / Київ. нац. лінгвіст. ун-т. – К., 2011. – Вип. 26. – С. 105–111.
5. Русская грамматика. – М. : Наука, 1980. – Т. II. – 710 с.
6. Русская грамматика. – М. : Наука, 1980. – Т. I. – 788 с.

УДК 811.111'42

*В. А. Куприна***КОНЦЕПТ *KNIGHT/РЫЦАРЬ* В АНГЛИЙСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА****Резюме**

У статті надається результат дослідження концепту *KNIGHT/ЛИЦАР* в англійській мовній картині світу, розглядається його внутрішня структура, зміст, що вкладають у даний концепт носії англійської лінгвокультури, визначаються найважливіші характеристики представників лицарського стану. Аналізуються передумови виникнення та історичні факти, пов'язані з розквітом лицарства.

Summary

The article sums up the results of studying the concept *KNIGHT* in the English language world view, analyses its inner structure, contents as viewed by native speakers, the main features of the concept, factors bringing about its origin and facilitating knighthood prime.

Ключевые слова: концепт, понятие, лингвокультурный концепт *KNIGHT/РЫЦАРЬ*, ценностная составляющая, рыцарская доблесть.

В современной лингвистике важнейшее место занимает антропоцентрическая парадигма, в рамках которой внимание исследователей направлено на изучение человека как языковой личности. В связи с этим считаем *актуальным* изучение концепта *KNIGHT/РЫЦАРЬ*, который аккумулирует в себе качества и характеристики, на протяжении веков приписываемые рыцарям.

Объектом исследования в данной статье является анализ концепта *KNIGHT/РЫЦАРЬ*, а *предметом* – понятийный, образный и ценностный компоненты его структуры. *Целью* статьи является определение структурных составляющих данного концепта, основанное на *методе* лексикографического анализа.

Концепт как единица мыслительной деятельности людей представляет собой совокупность понятий, ассоциаций, знаний в рамках ментальной деятельности представителей той или иной культуры [7, с. 41]. Концепт – это «термин, служащий объяснению единиц

ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица <...> всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6, с. 90], это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [4, с. 27].

В концептах отражается информация об опыте, переживаемом носителями языка, по поводу элементов внешнего мира [8, с. 17]. По мнению Н. А. Красавского, познание человеком мира непременно сопровождается возникающими в его сознании эмоциональными представлениями, ассоциациями и т. п. [5, с. 109]. Эти ассоциации и представления незамедлительно отражаются в языке, появляются лексемы, вербализующие концепты.

Следует различать концепт и понятие. «Понятие – это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки, а концепт – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» [3, с. 25]. Концепт – «основная единица национального менталитета как специфического индивидуального и группового способа мировосприятия» [1, с. 26]. «Понятия – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности» [2, с. 45]. Таким образом, понятие представляет собой некую формулировку, которая отражает признаки предмета, известные людям, а концепт вмещает в себя ценностную составляющую, которая приписывается ему носителями той или иной культуры. В отличие от понятия, воплощающего в себе научное знание, культурный концепт несет в себе духовный смысл и имеет ценностный характер. Именно ценностная составляющая и отличает концепт от понятия.

В сложную структуру концептов обычно включают три компонента. У Ю. С. Степанова это: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительные, пассивные признаки; 3) внутренняя форма, которая уже не осознается, но сохраняется во внешней, словесной форме [7, с. 44]. С. Г. Воркачев также выделяет три составляющие: 1) понятий-

ную (признаковая и дефиниционная структура концепта); 2) образную (когнитивные метафоры, сохраняющие концепт в языковом сознании); 3) значимостную (место, занимаемое концептом в системе языка; этимологические и ассоциативные характеристики имени концепта) [1, с. 7].

Выделяя в концепте перцептивно-образный и ценностный компоненты и знаковую форму [4, с. 32], В. И. Карасик, в отличие от других исследователей, подчеркивает особую важность ценностного компонента в структуре концепта, ибо «именно этот компонент является культурно-значимым» [4, с. 29].

Значимостная составляющая концепта KNIGHT/РЫЦАРЬ в системе английского языка включает этимологию лексемы *knight*, вербализующей концепт в английской языковой картине мира.

Knight происходит от германского *kneht* (= слуга), однако по смыслу более близким ему является слово *equites* (Lat. *equites* = *horsemen*), сословие всадников у древних римлян [12]. Слово *equite* происходит от *equus* (Lat. *equus* = *horse*), однако нам представляется возможным, что в концепте РЫЦАРЬ отразилась не столько его связь с конем, сколько социальная преемственность рыцарства как особого сословия, унаследованного у Древнеримской империи.

Около 900 г. древневерхнегерманское слово *kneht* проникает в древнеанглийский язык в форме *cneht* с тем же значением (ОЕ *cneht* = *boy, servant*). Именно так называли молодых людей, которые с 7 лет служили своим отцам в качестве пажей, а с 12 лет исполняли обязанности слуг и оруженосцев своего феодала, затем проходили военную подготовку и вступали в ряды рыцарства (*knighthood*). Первое значение лексемы *knighthood* – «период детства и юности в жизни молодого человека» (ср.: ОЕ *cnihtad* = *the period between childhood and manhood*). Позднее значение сужается до периода, когда юноша служит своему феодалу и проходит военную подготовку [9]:

Then came Griflet, and he was but young, of the age of the king Arthur, so he besought the king for all his service that he had done him to give the order of knighthood.

/T. Malory 'Le Mort d'Arthur'/

В среднеанглийский период рыцари становятся адептами своих феодалов (что закрепляется в значении концепта: ME *kniht* = *a military follower of a king or other vassal*), приобретают дорогое обмундирование, коня и отныне являются вооруженными воинами-всадниками. Считалось, что высокий социальный статус рыцарства определяется именно тем, что оно обладало дорогими атрибутами (земля, лошадь, обмундирование, оружие):

With this there came a knight riding all armed on a great horse.

/T. Malory 'Le Mort d'Arthur'/

Содержательный минимум концепта KNIGHT/РЫЦАРЬ включает в себя значения лексемы *knight*, выделенные из лексикографических источников [9–13]:

- слуга, оруженосец – *a military servant of a king or other feudal superior*;

- вооруженный всадник, воин – *a mounted man-at-arms*;

- высокоморальный, самоотверженный человек благородного происхождения – *a man of high birth who is pledged to chivalrous conduct*;

- человек, награжденный монархом рыцарским титулом за выдающиеся достижения – *a man who for some achievement is given honorary nonhereditary rank next below a baronet, entitling him to use Sir before his given name*;

- человек, обладающий рыцарским титулом, член ордена или братства – *a member of any order or society that officially calls its members knights*;

- галантный кавалер – *a lady's devoted champion or attendant*.

Рыцарь должен был строго следовать своду правил, который олицетворял рыцарскую доблесть и в основе которого лежит христианская добродетель. Среди основных качеств рыцаря:

– милосердие:

Ye should give mercy unto them that ask mercy, for a knight without mercy is without worship

/T. Malory 'Le Mort d'Arthur'/

– смирение, скромность:

I, your humble servant and your knight, / Were in your herte set so fermely / As ye in myn

/J. Chaucer 'Troilus and Criseyde'/

– честь:

He then that is not furnish'd in this sort / Doth but usurp the sacred name of knight, / Profaning this most honourable order

/W. Shakespeare 'King Henry VI'/

– готовность принести жертву:

God's pleasure and the King's be done," replied the knight patiently. "I neither contest the justice of the sentence, nor desire delay of the execution

/W. Scott 'The Talisman'/

– преданность:

Then swear allegiance to his majesty, / As thou art knight, never to disobey / Nor be rebellious to the crown of England

/W. Shakespeare 'King Richard II'/

– храбрость:

So faithful in love, and so dauntless in war, there never was knight like the young Lonchinvar

/W. Scott/

– обходительность и любезность по отношению к дамам:

And, all my powers, address your love and might / To honour Helen and to be her knight!

/W. Shakespeare 'A Midsummer Night's Dream'/

Кроме того, к рыцарским доблестям также относили:

– беспрекословное служение своему феодалу:

So do you hold my palfrey, like a duteous knight, until I send some more humble squire to relieve you of the charge

/W. Scott 'Rob Roy'/

– суровость по отношению к противникам, неблаговерным и преступникам:

'No, you cheating scoundrel! said the knight, unsheathing the sword which he had brought for the purposes of the exorcism

/W. Scott 'The Antiquary'/

– щедрость:

The good knight to whom he rendered himself, protected him from the immediate vengeance of the king, and dismissed him without ransom

/W. Scott 'Kenilworth'/

- любовь к правде, умение держать слово:

Against whom comest thou? and what's thy quarrel? / Speak like a true knight, so defend thee heaven!

/W. Shakespeare 'King Richard II'/

- умение вести себя в обществе, поддерживать светский разговор и т. д.:

As of a knight well-spoken, neat and fine; / But, were I you, he never should be mine

/W. Shakespeare 'The Two Gentlemen of Verona'/

Идеализация этих принципов позже привела к выделению еще одного значения – рыцарская честь (*dignity of a knight*) [16]:

Sir Arthur lost so much blood that it was marvel he stood on his feet, but he was so full of knighthood that knightly he endured the pain

/T. Malory 'Le Mort d' Arthur'/

Таким образом, лингвокультурный концепт KNIGHT/РЫЦАРЬ представляет собой сложное ментальное образование, где понятийный компонент – это вооруженный всадник-воин, как правило, благородного происхождения, состоящий на службе у монарха или феодала, который прошел военную подготовку и получил титул и землю за военные заслуги перед государством (позднее титулованный и за достижения в гражданских сферах), обладающий моральными качествами, составляющими рыцарский кодекс чести. Образный компонент – это церемония посвящения в рыцари; бесстрашная битва с противниками в защиту чести и убеждений; долгий путь, на котором рыцарю приходится преодолевать трудности и препятствия; прощание с родными и победоносное возвращение домой; помощь слабым и обиженным. Ценностный компонент исторически включает в себя долг перед Богом и монархом, боевыми товарищами и дамой сердца, положительную оценку их моральных качеств, основанных на рыцарском кодексе чести, уважение граждан по отношению к представителям этого привилегированного сословия ввиду их заслуг.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 237 с.

2. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В. З. Демьянков // *Вопр. филологии*. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
3. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
4. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 521 с.
5. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : моногр. / Н. А. Красавский. – 435 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // *Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова*. – М., 1997. – 247 с.
7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
8. Сусов А. А. Размышления о концептах / А. А. Сусов, И. П. Сусов // *Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна*. – 2006. – № 726. – С. 14–20.
9. *Britannica Encyclopedia* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britannica.com>.
10. *АВВУУ Lingvo 12 Multilingual* [Электронный словарь]. – 2006.
11. *Online Etymology Dictionary* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com>.
12. *Webster's Online Dictionary* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.websters-online-dictionary.org>.
13. *Your Dictionary* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yourdictionary.com>.

**Соціально-економічні
та правові проблеми
розвитку українського
соціуму**

Е. М. Воробьев

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Резюме

У статті розглянуто сутність поняття «модернізація», особливості модернізаційних процесів у пострадянських державах. Порівняно різні сценарії модернізації економіки зарубіжних країн. Розкрито особливості модернізаційного проекту України.

Summary

The article analyzes the essence of the «modernization», the peculiarities of modernization processes in past-Soviet states. Various scenarios of foreign countries economy modernization have been compared. Special features of the modernization project in Ukraine have been distinguished.

Ключевые слова: модернизация, экономическая модернизация, демократия, институционализм, трансформационная экономика.

В последние три-пять лет в постсоветских странах термин «модернизация» не сходит со страниц газет и экранов телевидения, о нем пишут ученые, говорят политики, обсуждают журналисты. Модернизации посвящают ежегодные Послания Президенты России и Украины. Что означает этот термин и почему в этих странах о модернизации заговорили в первые годы XXI столетия? Модернизация – это процесс непрерывного изменения, обновления, совершенствования, отвечающего современным формам экономического, политического, социального, культурного развития. Но для таких постсоветских стран, как Россия, Украина, Казахстан, Белоруссия, модернизация имеет более конкретное содержание. Ее связывают с понятиями «мобилизационный процесс», «опережающее развитие», «догоняющее развитие» и «новая индустриализация». Оптимисты чаще всего имеют в виду первые две характеристики, пессимисты – вторые. Но и те и другие единодушны – наши страны настолько отстали от передовых стран мира (стран ОЭСР, «золотого миллиарда», постиндустриальных), что существует реальная угроза окончательно

переместиться в депрессивную зону без малейших перспектив когда-либо выбраться из нее. Ученые заговорили языком публицистики, предрекая чуть ли не апокалипсис, если в ближайшие годы Россия и Украина не осуществят коренную перестройку всей системы общественных отношений. При этом одни имеют в виду модернизацию экономическую, связывая ее с обновлением технологическим, инструментальным, догоняющим развитием, новой индустриализацией. Другие – тоже модернизацию экономики, но считают возможным осуществить мобилизационный сценарий, т. е. опережающее развитие. Третьи при проведении экономической модернизации считают возможным сочетать новую индустриализацию с прорывными технологиями в сфере «умной экономики».

Но наряду с экономическим, т. е. технологическим, инструментальным подходом все большее распространение сегодня находит иной подход, который рассматривает понятие модернизации в широком смысле, как обновление всей совокупности общественных отношений. Кроме экономических, считают обществоведы, необходимо реформировать политические отношения, провести реформы в сфере законодательной и судебной ветвей власти, науки, образования, культуры. Более того, приоритетной эти ученые видят институциональную сферу. Без модернизации общекультурной, социальных институтов, осуществить прорыв в области инновационных технологий невозможно, считают они. Особенно острые дискуссии по этой проблеме ведутся в среде российских ученых. Рассмотрим более подробно институциональную составляющую модернизационного проекта, реализацию которого пытаются осуществить некоторые из стран СНГ.

Вспомним, институционализм как одно из направлений экономической мысли, одна из современных школ опирается на такое базовое понятие как институт.

Речь идет о социальных институтах, которые за длительный период человеческой истории утверждаются путем естественного отбора (Т. Веблен), видоизменяясь, приспособляясь к переменам, которые непрерывно происходят в человеческом обществе. Можно назвать общие социальные институты, в которых воплощены

общечеловеческие ценности, такие как свобода, демократия, справедливость, собственность и т. д. В процессе эволюции в разных странах формируются свои, специфические для них обычаи, нравы, традиции, пережитки, семейный уклад – т. е. то, что принято называть мировоззренческим фундаментом того или иного народа. Другие институты: государство, правительство, законодательная и судебная системы, правоохранительные органы, профсоюзы также характеризуются особенностями, вызванными историческим развитием той или иной страны, ее территорией, географическими условиями. Как видим, институт – категория многоплановая, многоуровневая, которая отражает как формальные, так и неформальные социальные связи и отношения, накладывающие отпечаток на всю общественную жизнь людей. Институты можно квалифицировать как формальные и неформальные «правила игры», которыми люди руководствуются в своей повседневной деятельности.

Есть «правила игры», которые признаны большинством стран мира, ими определяются международные связи и отношения. Это, в основном, формальные связи и отношения. А есть другие, неформальные «правила», которые определяют поведение людей в конкретных странах, а нередко влияют и на деятельность формальных институтов. Это особенно важно при проведении реформ в той или иной стране, коренных преобразований, в том числе модернизационного типа.

Н. М. Плискевич, обоснованно критикуя инструментальный подход в осуществлении модернизационного проекта в России, подчеркивает исключительно роль общекультурного подхода, но который, добавим, должен учитывать специфику страны. Цитируя известного экономиста Е. Ясина о том, что для России главным методом преодоления культурного барьера на пути к инновационной экономике является демократизация, правомерно отмечает, что «...демократизация должна рассматриваться лишь как часть гораздо более многогранной проблемы традиционализма» [1, с. 82].

Можно констатировать – диалектика формальных и неформальных институтов, которые не только отрицают один другого, но и взаимопологают, взаимопереходят, взаимопроникают друг в друга, остается

одним из наиболее сложных аспектов институциональной модернизации.

В странах СНГ продолжается формирование фундаментальных институтов рыночного капитализма, среди которых особое место занимает институт собственности. Вокруг ее раздела и непрекращающегося передела складываются наиболее острые противоречия, которые затрагивают не только экономику, но и политику. Особенно наглядно это видно на примере Украины, где со сменой одного правящего режима другим чередой уголовных процессов, связанных с переделом собственности, не уменьшается.

Между тем, ни о какой модернизации в обществе не может идти речь, если отношения собственности не обретут стабильность, ибо институт собственности не только является материальной основой производительных сил, но и в значительной степени определяет моральные нормы людей.

«Собственность – это сфера, где мы идентифицируем и оцениваем активы, комбинируем и связываем их с другими активами. Формализованная система имущественных прав – это гидроэлектростанция капитала. Именно здесь он рождается», – пишет Эрнандо де Сото, объясняя, почему «капитализм побеждает на Западе и нигде больше». [2, с. 50]. Капитализм, предпринимательство процветают на Западе потому, что законодательство объединяет всех в одной системе собственности [там же, с. 71].

В научном сообществе стран СНГ необходимость усиления институционального аспекта модернизации практически не оспаривается. Дискуссии ведутся в отношении очередности, приоритетности реформирования тех или иных институтов. Наибольшие споры вызывают мнения, отдающие приоритет правовым институтам перед экономическими.

Так, академик РАН В. Полтерович считает, что идея об очевидной на первый взгляд последовательности «... сначала институты, права собственности, а потом уже стимулирование роста...» – абсолютно неверна. Ученый доказал это на примере стран, которые уже прошли путь «догоняющего развития» и преуспели в этом, хотя на начальных этапах не имели ни хорошо защищенных прав собственности, ни

корпоративного управління западного типа. Добавим, что в Южной Корее, на Тайване догоняющее развитие осуществлялось при авторитарных методах госуправления, а в Китае – с элементами тоталитарного.

Представители либеральной интеллигенции в России подвергают острой критике сложившийся в последнее десятилетие в стране консенсус между основными политическими силами, настаивают на приоритете модернизации политической системы. Вновь, как и двадцать пять лет назад, Россию ставят перед выбором – политика или экономика.

Четверть века назад перед этим выбором оказались две крупнейшие страны мира – Советский Союз и Китай. Либералы-западники в СССР сумели навязать тогдашнему руководству страны приоритет политических реформ перед экономическими. Так называемая «перестройка», основанная на псевдодемократических преобразованиях, бездумном заимствовании институтов постиндустриального общества, не могла дать иного результата, чем тот, который был получен. Свобода без ответственности ведет к хаосу, что подтвердил распад великой страны. Иной путь модернизации избрал Китай. Жестко подавив выступление молодежи, увлеченной либеральными лозунгами, власти сосредоточили внимание на экономической модернизации, превратив страну за прошедшие 20 лет в первую вторую экономику мира. Экономический рост даже в годы мирового экономического кризиса 2008 года достигает 10–12% в год. Западные компании продолжают вкладывать многомиллиардные инвестиции в экономику Китая, игнорируя ритуальные протесты либералов о нарушении прав личности, демократических свобод и общечеловеческих ценностей в стране.

Между тем, сторонники либерального крыла российской интеллигенции, выразителями взглядов которых можно считать ученых из Института современного развития (Инсор) считают, что «модернизация сейчас в условиях несвободы в принципе нереализуема... Переход в сторону этатизма, культа власти в новом мире заведомо непродуктивен. Обновление *политической системы* (курсив наш) становится обязательной составляющей модернизации. Это пункт, на котором

мы настаиваем... От политики к экономике и наоборот» [там же, с. 47]. Нам представляется это мнение Е. Гонтмахера знаковым для сторонников современной либеральной идеи в России. Как будто сторонникам этой точки зрения совершенно неизвестна практика Южной Кореи, Тайваня, Китая, о чем уже шла речь. Аргументированную и всестороннюю критику этому мнению дает доктор экономических наук, профессор А. В. Кива, в частности, напомнив о том, что идеи демократии и либерализма, дискредитированные в 1990-е годы, отвергаются большинством россиян [3]. Кстати, дискредитированы они были именно ультралибералами, сгруппировавшимися вокруг Гайдара – Чубайса, которые осуществляли экономическую политику Б. Ельцина.

Поэтому нам ближе взгляды тех ученых, которые считают приоритет «экономики над политикой», необходимость активной роли государства по «принуждению» к модернизации на инновационной основе и новой индустриализации.

Что касается защиты прав собственности, реформирования политических институтов, демократических принципов и многих других ценностей современного общества – они бесспорно должны быть предметом не только постоянного внимания, но и практической деятельности властей.

Большая часть проблем, о которых шла речь выше, в значительной степени характерна и для Украины. И здесь приоритеты в осуществлении модернизационного проекта, по нашему мнению, аналогичны российским. Главное, чтобы модернизация не свелась к демократической риторике, а наполнилась практическими действиями, подобно тем, которые были рассмотрены нами выше на примере России. Специфика Украины, помимо прочего, заключается в политической нестабильности, которая, хотя и несколько снизилась в последний год, остается еще достаточно напряженной. В предстоящие годы выяснится, насколько готовы Россия и Украина использовать все еще представленный историей шанс возродить свои страны в качестве государств мирового сообщества.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующий момент. Модернизация в наших странах – технологическая или институцио-

нальная, в узком или широком смысле, на авторитарной или демократической основе, на укреплении вертикальных связей и идей этатизма или на базе гражданского общества и развития горизонтальных связей – не самоцель, а средство для коренного улучшения жизни населения, тех людей, без которых никакая модернизация не состоится, да и просто не нужна. Повышение благосостояния людей, ликвидация крайне неравномерного распределения доходов и унижающей людей и государство бедности, развитие системы здравоохранения, особенно защиты детства и материнства, рост продолжительности жизни, расцвет науки, образования, культуры, улучшение условий жизни и работы – вот цель модернизации общества.

Список литературы

1. Плискевич Н. М. Тупики инструментальной модернизации / Н. М. Плискевич // *Обществ. науки и современность*. – 2010. – № 2.
2. Ернандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм побеждает только на Западе и нигде больше / Е. де Сото. – К. : Ника-Центр, 2009.
3. Кива А. В. Многоликость российской модернизации / А. В. Кива // *Обществ. науки и современность*. – 2010. – № 1.

УДК 330.341.2(477)

Э. И. Цыбульская

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Резюме

У статті досліджуються погляди засновника історичної школи Ф. Ліста на економічну роль держави й інших соціальних інститутів у забезпеченні конкурентоспроможності національної системи, виконана систематизація інституціональних підходів до дослідження національної економіки, яка трансформується.

Summary

The author analyzes the views of F. Liszt, – the founder of the historical school as to the economic role of the state and other social institutions in ensuring the competitiveness of the national system. A systematization of institutional approaches to the study of the national economy in the state of transformation has been given.

Ключевые слова: институт, институциональные подходы, национальная экономика, государство, конкурентоспособность.

Поиск экономистами подхода, при помощи которого можно объяснить и обеспечить достижение непрерывного и стабильного экономического роста страны, высокий уровень ее конкурентоспособности, является характерным для современных экономических исследований.

В современной экономической науке используются два основных подхода к рассмотрению процессов развития экономики: классический (неоклассический) и институциональный (неоинституциональный) [1]. Опыт рыночных преобразований в Украине и других странах СНГ показал, что концентрация внимания на классическом (неоклассическом) подходе к этим процессам не дала стабильного роста экономики, а в некоторых случаях породила целый ряд негативных процессов и явлений. Насущность задач комплексной проработки методологических основ рыночной трансформации национальной экономики бесспорно подтверждает актуальность нового, институционального подхода в экономической теории. Особое значение этот

подход приобретает для определения стратегии перехода экономики к рыночной системе и в дальнейшем к постиндустриальному обществу – интеллектуальной экономике (экономике знаний). Именно институты выступают проводниками и глубинной субстанцией рыночных отношений в экономике. Такие определяющие элементы институциональной системы, как институт собственности, транзакционные расходы, контрактные отношения, теория фирмы, обычаи и традиции играют главную роль в процессе структуризации рыночной среды.

Институциональный подход в экономической науке использовали М. Вебер (протестантская деловая этика); Т. Веблен (синтез эволюционной методологии и анализа экономического развития); К. Менгер (анализ денежного обращения как социального явления); Й. Шумпетер (социальный характер контрактных отношений); А. Алчиан, С. Пейович, Е. Фуруботн (теории прав собственности); Г. Саймон (теория принятия решений); Д. Бромли, Дж. Коммонс (транзакции); Р. Койз, Д. Норт (транзакционные расходы); О. Вильямсон, Я. Джосков, Б. Клейн (теория контрактов); М. Аоки, Х. Демсетц (новая теория фирмы). Особый интерес приобретает исторический опыт институциональных подходов к вопросам создания рыночной экономики выдающихся украинских ученых – М. Бунге, Г. Симоненко, М. Туган-Барановского. Среди современных исследователей на постсоветском пространстве институциональный подход к рассмотрению трансформационных процессов в экономике стран СНГ используют А. А. Гриценко, А. Чухно, О. Л. Яременко, Д. С. Львов, В. Г. Гребенников, Ю. В. Овсиенко, В. Е. Дементьев, В. И. Маевский.

Цель исследования – обобщение теоретической базы институционализма с целью ее систематизации и дальнейшего развития для стран с трансформирующейся экономикой.

Задачи исследования:

1. Исследовать взгляды основателя исторической школы Ф. Листа на экономическую роль социальных институтов в обеспечении конкурентоспособности национальной системы.
2. Систематизировать институциональные подходы к исследованию национальных экономик, находящихся в состоянии трансформации.

«Корни» институционального подхода берут свое начало в немецкой исторической школе. Ее основатель Ф. Лист сделал решающий шаг на пути формирования школы институционального анализа, которая не просто учитывала феномен историзма хозяйственной жизни, а сделала его одним из основных элементов политэкономии. По мнению Ф. Листа, основой эволюции хозяйственной жизни является тот ее компонент, который был обозначен им как «национальные производительные силы», то есть уникальная, только данному народу присущая, исторически сложившаяся совокупность общественных условий, без которых не может быть «богатства нации» [2]. К этим общественным условиям относятся государственные учреждения, правовые формы, религиозные организации, народные обычаи, традиции, национальная система воспитания и образования, ментальность нации. Учение Листа получило название «экономического национализма», так как он является основателем теории «государственного протекционизма», им изучена экономическая роль государства и других социальных институтов в формировании национального богатства страны. Ф. Лист обосновывает необходимость активной экономической политики государства: «...нельзя понять народное хозяйство как органическое целое, если исключить из него государственное хозяйство. Народная экономия становится национальной экономией в том случае, если государство охватывает целую нацию» [2]. Ф. Лист доказывает, что рост общественного богатства достигается не через разрозненную, а через согласованную, социально упорядоченную совместную деятельность людей, которые должны сохранять и умножать произведенное усилиями предшествующих поколений. Процесс упорядочивания согласованной деятельности в национальной системе, как считает Р. Штаммлер, происходит посредством «рефлексивных норм» или «рефлексивных правил». Примененные на практике, они порождают отношение, фиксирующее взаимные позиции участников в смысле их взаимных ожиданий, в частности, прав и обязательств. Если иметь в виду всю совокупность рефлексивных норм, то их практическое применение порождает социальные, в том числе и экономические отношения [3]. Современные институционалисты «рефлексивную норму» называют

институтом [4]. Национальная система (в современной трактовке национальная экономика) – это социально-экономическая система. Упорядоченная и согласованная совместная деятельность людей на уровне национальной системы достигается за счет институтов. Государство же, по мнению институционалистов, относится к главнейшим институтам общества [4–6]. Рассматривая тезис Ф. Листа о том, что рост общественного богатства нации достигается не через разрозненную, а через согласованную, социально упорядоченную совместную деятельность людей, через призму рассуждений Р. Штаммлера можно сделать вывод о главенствующей экономической роли социальных институтов и прежде всего государства в обеспечении конкурентоспособности национальной системы хозяйства. Опираясь на современную терминологию, можно сказать, что Ф. Лист в своей работе заложил институциональные основы обеспечения национальной конкурентоспособности.

Исследование институциональных процессов в переходной экономике базируется на применении количественных и качественных инструментов. Рассмотрим основные институциональные концепции исследования национальной экономики в рамках анализа сущности и особенностей трансформации (табл. 1).

Как видно из таблицы, существует 5 институциональных подходов: институциональное направление, новая институциональная экономика, неоинституциональная экономика, эволюционная экономика, технологическая парадигма. Изучение содержания переходных процессов в рамках описанных выше направлений институциональной экономики расширяет рамки традиционного экономического анализа.

Таким образом, ценность исторической концепции «государственного протекционизма» Ф. Листа заключается в том, что современная Украина, экономика которой находится в стадии трансформации, вынуждена решать задачи и проблемы, близкие к тем, которые решала Германия в 30–40-е гг. XIX века по защите своей экономики от иностранной конкуренции и обеспечению национальной конкурентоспособности при соприкосновении с более развитыми в рыночном смысле странами. Проблема обеспечения государственного протекционизма для украинской экономики в связи со вступлением

**Классификация институциональных подходов
к исследованию национальных экономик,
находящихся в стадии трансформации**

Название	Предмет исследования	Характерные признаки	Применяемые методы
Институциональное направление	Привычки, обычаи, традиции, нормы и стереотипы поведения, институты	Взаимосвязь института и социальной структуры, экономических отношений и системы; причинная обусловленность, использование механизмов селекции, адаптации	Дисциплинарный подход, эволюционный метод
Новая институциональная экономика	Институциональная структура государства, реальные институты (учреждения), хозяйственные системы	Выделение формальных и неформальных правил	Эволюционно-социологические методы, интегрированный подход к анализу хозяйственных систем
Неоинституциональная экономика	Право собственности, организации, политические режимы	Методологический индивидуализм, рациональное поведение экономически обособленного субъекта; анализ имущественных прав	Микроэкономический анализ, контрактный подход, анализ транзакционных расходов
Эволюционная экономика	«Рутин», информация, вопросы, связанные с функционированием фирмы, технологический процесс	Оптимальная стратегия поведения фирмы, взаимосвязь технологических и социальных процессов	Природно-научные методы, синергетический подход
Технологическая парадигма	Технологические и эволюционные изменения	Взаимосвязь технологических и институциональных процессов	Эволюционный метод, функциональный метод

в ВТО является довольно сложной. Поэтому первостепенным направлением в обеспечении национальной конкурентоспособности должно стать создание эффективного институционального механизма формирования конкурентоспособности национальной экономики.

Результаты проведенного анализа позволили выделить 5 институциональных подходов к изучению национальной экономики, находящейся в стадии трансформации: институциональное направление, новая институциональная экономика, неинституциональная экономика, эволюционная экономика, технологическая парадигма. Исследование разных институциональных направлений свидетельствует о целесообразности использования комплексного подхода, учитывающего общие теоретические основы рассмотренных концепций при анализе проблем формирования институциональной системы трансформирующейся экономики.

Комплексный институциональный подход позволит более глубоко исследовать современные институциональные процессы в странах переходной экономики. Использование инструментария институциональной теории будет способствовать активизации институциональных преобразований в трансформирующейся экономике.

Список литературы

1. Яременко О. Л. Переходные процессы в экономике Украины: Институциональный аспект / О. Л. Яременко. – Харьков : Основа, 1997. – 182 с.
2. Национальная система политической экономии, международной торговли, торговая политика и немецкий таможенный союз. Сочинение д-ра Фридриха Листа ; пер. с нем. под ред. К. В. Трубникова, с его вступлением, примечаниями и биограф. очерком Фр. Листа. СПб., 1891. – 2-е сокр. изд. – М. : Европа, 2005. – 452 с.
3. Штаммлер Р. Хозяйство и право / Р. Штаммлер. – М., 1898.
4. Введение в институциональную экономику : учеб. пособие / под ред. Д. С. Львова. – М. : Изд-во «Экономика», 2005. – 639 с.
5. Тарушкин А. Б. Институциональная экономика : учеб. пособие / А. Б. Тарушкин. – СПб. : Питер, 2004. – 368 с.
6. Ткач А. А. Інституціональна економіка. Нова інституціональна економічна теорія : навч. посібник / А. А. Ткач. – К. : Центр навч. л-ри, 2007. – 304 с.

УДК 330.342:330.837]:339.9

Е. П. Миколенко

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА АДАПТАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Резюме

У статті зроблено спробу пошуку інституціональних механізмів адаптації економічних систем до процесів глобалізації. Виконана систематизація економічних інститутів, виділені економічні інститути глобального рівня. Зроблено висновок про інституціональне забезпечення процесу кластеризації національної економіки.

Summery

The author attempts to find the institutional mechanisms for the adaptation of economic systems to the processes of globalization. The systematization of economic institutions is suggested; the economic institutions on global level are outlined. The conclusion reached in this is that there is a necessity to ensure the process of clusterization of national economy.

Ключевые слова: экономические институты, систематизация, глобальные экономические институты, адаптация, институциональный механизм, кластеры.

Процессы глобализации побуждают современную экономическую теорию к поиску эффективных механизмов и инструментов, которые бы содействовали качественной адаптации национальных экономик к современным реалиям. Прежние механизмы, предложенные классической, постклассической и неоклассической теорией, не могут справиться с насущными вызовами современности как на национальном, так и на глобальном уровне. Доказательствами этого тезиса могут служить последствия мирового финансового кризиса, преддефолтное состояние в Греции, Италии и других странах Европейского союза, спрогнозированная Всемирным банком мировая экономическая рецессия, рост дефицита бюджета США до размеров госдолга [6, с. 100], ослабление традиционных национальных систем, усиление дифференциации мира на страны выигравшие и проигравшие,

увеличение трансграничной спекуляции. Таким инструментом может стать институциональная экономическая теория, которая изучает процессы институционализации в экономике: развитие институциональных систем, поведение хозяйствующих субъектов как на локальном, так и на глобальном уровне, функционирование рыночных и административных механизмов, управление деловыми транзакциями и другие. Представители институционального подхода достаточно подробно исследовали институциональные процессы, происходящие на уровне фирм и национальных систем. Здесь можно отметить работы Д. Норта, Д. С. Львова, В. М. Полтеровича, В. А. Тамбовцева, А. А. Ткача, О. Л. Яременко и др. Однако процессы институционализации глобальной среды пока изучены недостаточно и требуют дальнейшего своего развития.

Цель исследования – поиск институциональных механизмов адаптации экономической системы к процессам глобализации.

Задачи исследования:

1. Систематизировать экономические институты в эпоху глобализации в разрезе трех уровней мировой экономики.
2. Определить и исследовать экономические институты глобального уровня.

Еще представители классической политической экономии: Г. Шмоллер, Ф. Лист, Л. Пазинетти – отмечали, что экономика представляет из себя материальный базис и институциональную надстройку, и главное задание правительства – это построить такие институциональные основы, которые бы позволили обществу получать максимальную дополнительную стоимость при заданных объемах ресурсов на уровне базиса [1, с. 141]. В целом, институциональная система страны представляет сеть институтов, которые обеспечивают эффективное взаимодействие предпринимателей, компаний, государства, организаций различного уровня, минимизирует транзакционные и трансформационные (производственные) издержки, задает степень организации производства, применения и внедрения технологий. Поэтому глобальная мировая система представляет собой институциональный «каркас» интегрированных национальных экономических систем.

В рамках данной работы будут исследоваться экономические институты, которые находят свое проявление во всех сферах жизни, становятся информационным инструментом поведения индивидов, снижающим уровень неопределенности хозяйственной жизни [3, с. 60]. Под экономическими институтами будем понимать социальные формы функций субъектов, объектов, процессов и результатов экономической деятельности, обеспечивающих эволюцию системы общественного разделения труда [4, с. 56], а также типовые комплексы институций, выступающие функциональными генотипами организаций [4, с. 61]. Придерживаясь данного определения, к экономическим институтам можно отнести правила, нормы, инструкции, процедуру банкротства, предпринимательство, фирму, банк, биржу, МВФ, МБРР и другие организации.

Учитывая все многообразие форм проявления экономических институтов в различных условиях, существует необходимость их упорядочивания и систематизации. Классификацию экономических институтов мы будем осуществлять не только с учетом их институциональной природы, но и в разрезе трех уровней или срезов экономики, как показано на рис. 1. Каждый из них отличается масштабом происходящих изменений, но, тем не менее, следуя гипотезе фрактальности экономики, все они имеют весьма сходную структуру [11, с. 7].

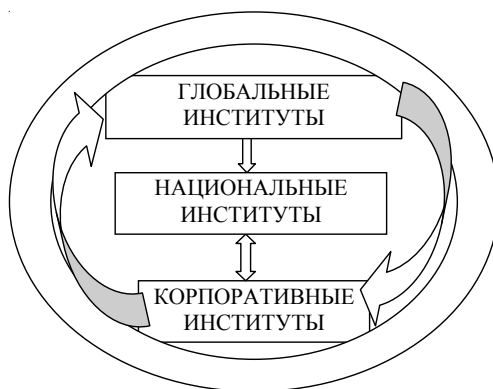

Рис. 1. Уровни иерархии экономических институтов

Систематизация всех экономических институтов, рассмотренных и представленных различными авторами, показана на рис. 2.

Рис. 2. Классификация экономических институтов

Критерием классификации институтов, предложенным в работе С. Кирдиной [4, с. 59], является их условная принадлежность к определенному типу экономики. Ведь в мировой практике все существующие экономические системы представляют собой смешанные типы, в которых функционируют институты как рыночной, так и плановой (редистрибутивной) экономики. Они находятся в противоречивом единстве (как рынок и государство), тем самым обеспечивая устойчивость экономической системы в целом. Поиск таких институциональных форм, а также комбинаций оптимального их соотношения осуществляется в каждом обществе на протяжении всей истории в конкурентной борьбе между собой, и особенно актуальным остается их поиск на глобальном уровне.

Непрерывная институциональная трансформация открытых экономических систем, вовлеченных в глобальные процессы, приводит к возникновению новых экономических институтов, которые функционируют не только в пределах корпоративного или национального уровней (институт интеллектуального капитала, налоговые гавани, офшоры, институт электронных денег, институты инновационных систем, производные денежные инструменты), но и в масштабе всего мирового рынка (ТНК, институт глобального капитала, виртуализация мировой экономики, международные альянсовые сети).

В таких условиях каждой стране необходимо найти механизм адаптации к глобальным институтам, органично встраивая свою институциональную систему в мировую глобализированную институциональную систему. Одним из институциональных механизмов адаптации национальной экономики к процессам глобализации на региональном уровне является кластеризация экономики. Создание кластеров является одним из основных методов обеспечения конкурентоспособности региона и национальной экономики в целом наряду с развитием инновационной деятельности и потенциальными факторами региона [11, с. 136], причем многие кластерные инициативы спускаются как «сверху-вниз» – от национальных правительств (программа «Виннвекст» в Швеции или «Poles de competitive» во Франции), так и «снизу-вверх», где фирмы, академические институты и общественный сектор объединяются на местном уровне.

Национальной институциональной системе страны в ходе адаптации к условиям глобализации приходится трансформироваться в области совершенствования нормативно-правовой базы, в области налогообложения, трудового законодательства и других аспектах хозяйственной жизни. То, что ранее оставалось незыблемым, теперь «добровольно-принудительно» привносится извне, заимствуется у более успешных стран. Например, Япония с целью обеспечения более высокой конкурентоспособности экономической системы использует различные институциональные рычаги давления на крупные компании с тем, чтобы обеспечить передачу технологических знаний средним и мелким фирмам и от ключевых фирм к субподрядчикам.

Таким образом, можно сделать вывод, что каждой стране нужны свои уникальные институциональные механизмы адаптации с учетом накопленного мирового опыта и собственной институциональной архитектуры хозяйственной системы. Страны «золотого миллиарда» и другие развитые страны начали поиск новой парадигмы постиндустриального развития, финансируя в больших объемах научно-образовательную и инновационную сферу. Трансформирующимся экономикам также необходимо обновление и усовершенствование инфраструктуры, формирование региональных образований для привлечения желаемого иностранного инвестора, для эффективного восприятия инноваций, для участия в международных проектах, получения функций аутсорсинга у крупных ТНК не только в сфере дистрибуции, но и производства.

Одним из эффективных институциональных механизмов адаптации национальной экономики к процессам глобализации, как доказал мировой опыт, является процесс кластеризации экономики. Украине необходимо обратить внимание на институциональное обеспечение кластеризации национальной экономики, что обеспечит ее конкурентоспособное экономическое развитие.

Список литературы

1. Бортіс Г. Інституції, поведінка та економічна теорія : внесок до класико-кейнсіанської політичної економії / Г. Бортіс ; пер. з англ. – К. : Вид-во Києво-Могилян. акад., 2007. – 557 с.

2. Гриценко Е. А. Качество институтов: методологические подходы к исследованию / Е. А. Гриценко // Проблемы современной экономики и институциональная теория / под ред. В. В. Дементьева, Р. М. Нуреева. – Донецк : ДонНТУ, 2009. – 500 с.
3. Иншаков О. В. Институтация – ключ к пониманию экономических институтов / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов // Экономическая теория. – 2011. – № 1. – С. 52–62.
4. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ / С. Г. Кирдина. – М. : Наука, 2004. – 256 с.
5. Липов В. В. Институциональная комплементарность: деньги как институт и качественная категория хозяйствования / В. В. Липов // Проблемы современной экономики и институциональная теория / под ред. В. В. Дементьева, Р. М. Нуреева. – Донецк : ДонНТУ, 2009. – 500 с.
6. Мясникова Л. От глобального кризиса к катастрофе миросистемы / Л. Мясникова // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 100–109.
7. Попов Е. В. Теория эволюции миниэкономических институтов [Электронный ресурс] / Е. В. Попов // Montenegrin journal of economics. – 2006. – № 3. – С. 57–73. – Режим доступа: <http://www.mnje.com/III/03%20Popov.pdf>
8. Радева М. М. Институціональні трансформації в корпоративному секторі економіки / М. М. Радева // Институціональна парадигма цивілізаційного розвитку : у 4 кн. / за заг. ред. А. Ткача. – Запоріжжя : КПУ, 2008. – Кн. 2: Институціоналізація економічного розвитку / А. Ткач, О. Покатаєва, М. Радева та ін. – С. 54–77.
9. Розмаинский И. В. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский поход / И. В. Розмаинский // Вопр. экономики. – 2009. – № 6. – С. 48–58.
10. Слипенчук М. В. Формирование финансово-промышленных кластеров: региональный фактор глобализации / М. В. Слипенчук. – М. : Изд-во «Экономика», 2009. – 263 с.
11. Цибульська Е. І. Кластер як ринковий інструмент розвитку економіки регіонів в епоху глобалізації / Е. І. Цибульська // Соціально-економічний розвиток регіонів: теорія, методика, проблеми, перспективи : колективна монографія ; під заг. ред. К. Ф. Ковальчука. – Дніпропетровськ : ІМА-прес, 2011. – 280 с.

УДК 658.018

Г. В. Строкович

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ІНСТИТУТУ УПРАВЛІННЯ ЯКІСТЮ

Резюме

В статті определены особенности функционирования института управления качеством. Представлены этапы его формирования.

Summary

The peculiarities of functioning of the quality management institution are determined. The stages of its formation are presented.

Ключові слова: інститут управління якістю, процес формування, функції.

В умовах збільшення рівня задоволення попиту, зростання конкуренції як на міждержавному, так і на внутрішньодержавному рівнях стає все більш актуальною проблема покращення функціонування інституту управління якістю, який сприятиме вдосконаленню існуючих формальних та неформальних регламентів взаємодії між юридичними та фізичними особами, а також у межах однієї юридичної особи.

Метою цієї статті є визначення особливостей функціонування інституту управління якістю. Методикою дослідження є системний аналіз та узагальнення, порівняння.

Проблеми визначення особливостей функціонування інститутів досліджувались безліччю закордонних і вітчизняних вчених [1–5].

Представники нової економічної теорії Д. Норт та Р. Коуз обґрунтували практичне значення інститутів щодо досягнення суттєвих позитивних змін в економічній та соціальній сферах [1; 3]. Тобто відсутність відповідних змін можлива у разі неефективного функціонування деяких інститутів, яке не враховує соціально-економічних особливостей країни.

Процес формування інститутів, тобто інституціалізація, передбачає поступову заміну інтуїтивної поведінки на більш регульовану, передбачувану як формальними, так і неформальними регламентами.

Все більшого значення набуває процес формування інституту управління якістю. Головними етапами цього процесу є:

- виникнення потреб у якісному здійсненні бізнес-процесів та виготовленні якісної продукції або наданні якісних послуг, задоволення яких вимагає спільних організованих дій як з боку держави, так і бізнес-середовища та соціуму в цілому;
- поступова поява в ході неупорядкованої соціальної взаємодії деяких норм і правил, що сприяють підвищенню якості;
- прийняття відповідних законодавчих актів, націлених на покращення управління якістю та застосування цих норм, встановлення санкцій щодо їх неналежного виконання;
- створення системи ієрархій, що охоплюють усіх членів інституту та регулюють взаємозв'язки між ними.

Процес функціонування економічних інститутів передбачає виконання ними деяких функцій. На думку Я. В. Кузьминова, К. А. Бендукідзе, М. М. Юдкевич, головними функціями інститутів є координація, кооперація, розподіл витрат і вигод [2]. З цим твердженням важко не погодитися. Найбільш важливою функцією, що виконує інститут управління якістю, є координація, яка здійснюється на національному рівні (макрорівень) за рахунок формування нормативно-правового забезпечення та державного регулювання, на галузевому та регіональному рівні (мезорівень) на засадах створення галузевого нормативно-правового забезпечення та регулювання, на рівні відокремлених господарських суб'єктів (мікрорівень) на основі розробки стандартів підприємств. Таким чином, у рамках реалізації цієї функції створюється відповідна інформаційно-комунікаційна структура, яка покликана координувати усіх потенційних учасників інституту управління якістю.

Не менш важливою функцією інституту управління якістю є кооперація, що передбачає співробітництво на макрорівні за рахунок постійного вдосконалення нормативно-правового забезпечення з урахуванням змін у відповідних міжнародних стандартах, на мезорівні на засадах удосконалення галузевого нормативно-правового забезпечення та регулювання у відповідності з техніко-технологічним

розвитком, на мікрорівні на основі узгодження стандартів підприємств потенційних контрагентів.

Наступною функцією інституту управління якістю є розподіл витрат і вигод. Інститут, забезпечивши прийняття конкретного рішення щодо управління якістю, тим самим закріплює нерівність або рівність між різними його учасниками. Наприклад, при внесенні змін до існуючих державних або галузевих стандартів підприємства з різним рівнем техніко-технологічного потенціалу витратять зовсім різні кошти на приведення продукції до відповідності цим стандартам.

Немаловажне значення має й питання того, в якому середовищі функціонує інститут управління якістю. Слід погодитися з думкою О. М. Ястремської, що «важливо створити атмосферу інституціональної прозорості, в якій «новонароджені» інститути змогли б функціонувати згідно з міжнародними нормами та національною специфікою, взаємодоповнюючи один одного, бути регуляторами і координаторами поведінки суб'єктів економічних та соціальних відносин» [5, с. 29]. Все це сприятиме збільшенню ефективності функціонування відповідних інститутів, але останнім часом збільшується рівень складності взаємодії між окремими господарськими суб'єктами та органами державної влади за рахунок здійснення деяких змін у законодавстві, особливо суттєво вплинуло прийняття нового Податкового кодексу, що сприятиме поширенню тінізації економіки. Крім того, цілі, які ставляться перед інститутом управління якістю, не повинні суперечити цілям інших інститутів та повинні трансформуватися у зв'язку зі змінами в оточуючому середовищі.

На процес функціонування інституту якості впливає безліч факторів. Головними з них є:

- трудові ресурси, які характеризуються результативністю праці, вмінням та навичками виконання певних функцій і використання інформаційних технологій, мотивованістю щодо впровадження інновацій та виконання функцій згідно з ієрархією, кваліфікаційною структурою зайнятого та незайнятого населення, рухом персоналу і т. ін.;
- виробничі ресурси, які характеризують рівень зносу основних засобів та ступінь їх оновлення, активність техніко-технологічної

інноваційної діяльності, особливо впровадження маловідходних, ресурсозберігаючих технологій і т. ін.;

- потенційні обсяги інвестування, які безпосередньо сприяють впровадженню нових технологій управління підприємствами, виробництва та просування продукції, підвищенню кваліфікації персоналу;

- фінансові ресурси, які характеризують співвідношення заощадження та споживання, рівень інфляції, рівень використання сучасних схем електронних платежів, активність здійснення угод на товарній та фондовій біржах, швидкість обігу фінансових ресурсів і т. ін.;

- природні ресурси, які є вичерпними та практично не відновлювальними, тому слід мінімізувати діяльність підприємств, які мають викиди від стаціонарних джерел забруднення, неефективно використовують водні ресурси, відводять зворотні води у поверхневі водні об'єкти й т. ін.;

- законодавчі ресурси, які сприяють збільшенню прозорості функціонування як органів влади, так і безпосередньо підприємств, забезпечують зниження рівня корупції та швидкість прийняття необхідних управлінських рішень, проходження узгоджень;

- інформаційні ресурси, які забезпечують захист авторського права, поширення подання звітності в електронній формі, збільшення електронних комунікацій, поступове зростання рівня глобалізації;

- інфраструктурні ресурси, що безпосередньо впливають на швидкість транспортування сировини, матеріалів, готової продукції, персоналу; якість паливно-енергетичних, водних ресурсів та ін.

Таким чином, функціонування інституту управління якістю передбачає координацію діяльності, кооперацію, розподіл витрат і вигод на макро-, мезо- та мікрорівнях. Головними факторами, які безпосередньо впливають на ефективність функціонування інституту якості, є трудовий, виробничий, інвестиційний, фінансовий, природний, законодавчий, інформаційний та інфраструктурний.

У подальших дослідженнях планується дослідити вплив зазначених факторів на ефективність функціонування інституту управління якістю.

Список літератури

1. Коуз Р. Природа фирмы / Р. Коуз ; пер. с англ. Б. Пинскера // Теория фирмы / сост. В. М. Гальперин. – СПб. : Экон. шк., 1995. – С. 11–32.
2. Кузьминов Я. В. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты / Я. В. Кузьминов, К. А. Бендукидзе, М. М. Юдкевич. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 444 с.
3. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. – М. : ГУ ВШЭ, 2010. – 256 с. – (Экон. теория).
4. Строкович Г. В. Стратегічне управління якістю функціонування підприємств в системі координат розвитку регіону / Г. В. Строкович // Соціально-економічний розвиток регіонів: теорія, методика, практика, перспективи : кол. моногр. / під заг. ред. К. Ф. Ковальчука. – Дніпропетровськ : ІМА-прес, 2011. – С. 217–228.
5. Ястремська О. М. Інвестиційна діяльність промислових підприємств: методологічні та методичні засади : моногр. / О. М. Ястремська. – 2-ге вид. – Х. : ВД «ІНЖЕК», 2004. – 488 с.

УДК 001.895:338.23(477)

Г. Б. Тимохова

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СТРУКТУР: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Резюме

У статті досліджуються методологічні підходи до створення механізму інституціонального проектування інноваційної діяльності, розкривається його економічна сутність, методи й інструменти, що дозволяють створювати ефективні економічні інститути, які сприяють активізації інноваційної діяльності в Україні.

Summary

In article the author investigates methodological approaches to mechanism creation of institutional designing of innovative activity, its economic essence, methods and the tools reveals, allowing to create the effective economic institutes promoting activization of innovative activity in Ukraine.

Ключевые слова: доверие, норма доверия, институт доверия, экономические институты, трансформационная экономика, институциональные изменения.

Согласно современной научной парадигме, инновационный характер экономического развития предполагает качественные изменения в экономике, появление новых правил и принципов деятельности. Изменение роли человека, возрастание значения информационно-коммуникационных технологий, интенсификация интеграционных процессов, – все это создает специфические условия, в которых коренным образом меняются закономерности функционирования современной экономики и рычаги воздействия на нее.

В развитие теории инновационной экономики большой вклад внесли Дж. Белл и Г. Канн, развивавшие концепцию постиндустриального общества. Различные аспекты современной стадии развития общества и экономики рассматривали также Дж. Гэлбрейт, У. Э. Деминг, Р. Йенсен, Р. Кроуфорд. М. Кастельс, Т. Сакайя и Дж. Стиглер являются основоположниками концепции «информационной

экономики», которая строится на признании особой ценности информации как фактора производства и необходимости совершенствования средств ее переработки и распределения. Ф. Махлуп рассматривал «экономику, основанную на знаниях», как один из секторов экономики в целом [1–6]. Концепция глобального сетевого общества была создана Д. Тапскоттом, О. Тоффлером. Она рассматривает процесс возникновения сетевых экономических форм, основанных на информационных технологиях. За рубежом данной проблемой занимались Дж. Волперт, П. Друкер, М. Краумер, Э. Пирсон, С. Скочмэ. Различные методы генерации инноваций на фирме изучены К. Кристенсенем, Р. Такером.

Большинство работ, рассматривающих институциональные аспекты инновационного развития, характеризуются общим характером и концентрируются на инновационном развитии стран, а не фирм. Инновационное развитие фирмы является наименее разработанной областью исследования и находится в стадии разработки. Единого мнения о путях создания наиболее благоприятных условий инновационного развития фирмы в научном сообществе пока не сформировано, что затрудняет теоретическое обоснование принимаемых в настоящее время в Украине мер стимулирования инновационного развития фирм. Решению данного вопроса и посвящена представленная статья, целью которой является освещение результатов исследований по данной проблеме.

В связи с этим возникает необходимость выявления направлений совершенствования институциональных условий, а также инструментов создания институциональной среды, способствующей разработке и внедрению инноваций. Определение ключевых институциональных факторов (внешних и внутренних) инновационного развития фирмы позволит наметить меры, способные стимулировать инновационное развитие, а также найти оптимальные механизмы воздействия на инновационные процессы.

Анализ инновационных фирм с позиции институциональных подходов позволяет выявить основные направления совершенствования управления ими в условиях неопределенности и динамичности внешней среды, а также дать комплексную оценку сущности

и перспективам развития экономических систем на современном этапе [7; 10; 11].

В связи с этим правомерно заключить, что методология институционализма может лечь в основу теории инновационной фирмы, находящейся еще в зачаточной стадии. Более того, основанием для использования институциональной парадигмы является высокая степень зависимости эффективного осуществления инновационной деятельности от институциональных сред всех уровней, стимулирующих ход инновационного процесса, и то влияние, которое оказывают институты – способность как содействовать ходу инновационного процесса, так и препятствовать ему.

Используя институциональную парадигму, проанализируем процесс проектирования инновационных структур. Сознательное формирование нового института согласно концепции В. Тамбовцева – разновидность планируемой культурной инновации [10]. Чтобы распространение культурной инновации было успешным, необходимо, чтобы она соответствовала элементам культурного пространства, в которое она погружается. Если такое соответствие для культурной инновации достигнуто, на первый план выступает фактор сравнительной эффективности выполнения той или иной функции вводимым феноменом по отношению к уже существующим субститутам. Если же требования соответствия среде, «сцепления» со средой не учитываются, будут необъяснимы ситуации, когда действенный «сам по себе» экономический институт оказывается неэффективным в неадекватной ему среде.

В каждый момент времени фирма стремится создать такие институты, которые бы оптимизировали ее целевую функцию. Следовательно, для достижения своих целей фирмы, осуществляющие инновационную деятельность, должны производить постоянный поиск и реализовывать такие институциональные траектории, которые бы обеспечивали переход к более эффективным институтам, вели к увеличению благосостояния и ускорению роста. Иными словами, создание и развитие инновационной системы фирмы должно сопровождаться постоянным внедрением и развитием таких наноэкономических и микроэкономических институтов, которые бы

наилучшим образом обеспечивали осуществление инновационной деятельности.

Существует две основные стратегии формирования институциональной основы инновационной системы фирмы – трансплантация и конструирование институтов. Первая подразумевает заимствование институтов (импорт или имитацию), в то время как смысл второй заключается в выращивании институтов на собственной основе, то есть создании и поддержке их естественной эволюции.

Так, заимствование институтов целесообразно на ранних стадиях становления фирмы, когда трансплантируемые институты не будут встречать на своем пути сопротивления, поскольку элементы экономической системы – импортера институтов еще достаточно гибки, чтобы принять новшество. Прямое заимствование (импорт) из другой общественной системы – это один из путей целенаправленного создания общественного института, ранее не существовавшего в данной стране [7, с. 21]. При переносе из одной общественной системы в другую институты могут органично приживаться, отторгаться либо мутировать (изменяться).

Поэтому необходимо выбирать для заимствования только те институты, которые фирма может освоить в данный конкретный момент и с помощью которых она может пойти вперед. Причем такое заимствование обязательно должно сопровождаться адаптацией импортируемых институтов в инновационной системе, в которую осуществляется трансплантация.

По мере «взросления» фирмы и ее обрращения «институциональной оболочкой», заимствование институтов становится все более затруднительным.

Во-первых, импортируемые институты могут противоречить существующим в системе на момент трансплантации институтам или конфликтовать с ними. Судьба импортного института зависит не только и не столько от его объективных достоинств и полезности для экономики, сколько от того, как складывается баланс реальных интересов заинтересованных сторон. Во-вторых, акторы, которым впоследствии придется иметь дело с данными институтами, противостоят им, поскольку вводимые нормы требуют от них

переобучения, переквалификации и иных действий, сопровождающих трансплантацию. В-третьих, фирма-импортер институтов может столкнуться с тем, что вводимый институт хоть и эффективен в системе, откуда он привнесен, но совершенно неэффективен в той среде, куда он импортируется. В итоге он оказывается бесполезным, а в некоторых случаях и деструктивным.

Следовательно, после длительной фазы заимствования институтов фирма достигает стадии, на которой она может и должна конструировать собственные институты.

Конструирование же институтов подразумевает сначала определение круга функций, которые призваны выполнять данные институты, а затем и формирование самих институтов. При этом оба этих этапа связаны со значительными как временными, так и иными транзакционными издержками.

Рассмотрение институтов как факторов, детерминирующих экономическое развитие, предполагает, что функционирование любой экономической системы обуславливается определенным набором институциональных ограничений. В связи с этим, использование методологии институциональной экономики способствует выявлению и исследованию не только факторов содействия инновационному процессу, но и ограничений действий экономических агентов, его осуществляющих. Эти ограничения могут быть описаны как поведенческие рамки, организующие взаимоотношения между участниками инновационного процесса и упорядочивающие стимулы их деятельности.

Очевидно влияние, которое оказывает институционально-инновационная среда на динамику и стимулы создания инноваций. Она может как способствовать инновациям, так и возводить на их пути барьеры, представляющие собой препятствия на пути инноваций и выражающиеся в нарушении хода инновационного процесса и трудностях вывода инновационного продукта на рынок, а также рассматривающиеся как институциональные ограничения. Они могут носить объективный (нестратегический) и субъективный (стратегический) характер. Первые характеризуют фундаментальные условия, в большей степени независимые от деятельности фирмы и слабо

поддаючися ее воздействию. Вторые выражают политику данного актора и создаются его стратегией и действиями. В то же время они могут носить внутренний и внешний, по отношению к фирме, характер.

В системе инновационных барьеров, препятствующих всему спектру инноваций, можно выделить категорию «инновационного фильтра», смысл которого заключается в том, что инновации при их осуществлении проходят своеобразный отбор экономическими системами – фильтрование: удовлетворяющие критериям фильтра инновации его проходят, а невоспринимаемые – нет. Он представляет собой систему институциональных ограничений, организационных и экономических инструментов и рычагов, с помощью которых осуществляется отсев сначала идей, а потом и новшеств. Например, в венчурных фондах процесс отбора и преобразования идей в конечный продукт (инновационный процесс) можно проиллюстрировать моделью типа «воронка», разработанной Стивеном Уилрайтом (S. C. Wheelwright) и Кимом Кларком (K. B. Clark) (модель стратегических сетей развития инновационного процесса). Изучая процесс разработки новой продукции, они сфокусировали свое внимание на процессе отбора (скрининга) инновационных идей. Модель описывает процесс движения от большого количества незрелых идей к ограниченному числу многообещающих вариантов продукции. Данная модель характерна для больших технологически интенсивных фирм, в которых различные идеи, обычно разработанные проектными подразделениями, конкурируют за ресурсы внутри организации. «Воронка» представляет собой набор фундаментальных действий, характерных для успешного инновационного процесса, природа которого определяется тем, как организация идентифицирует, отбирает и рассматривает каждый проект, создавая определенный инновационный фильтр [9].

Внешние барьеры представлены институциональным, рыночным и информационным фильтрами. Институциональный фильтр (как внутренний, так и внешний) характеризует совместимость внедряемой инновации с культурными, ментальными, политическими, социальными и иными особенностями внутреннего и внешнего окружения фирмы. Рыночный фильтр отражает потребности и ожидания

общества при внедрении инноваций, т. е. положительный эффект, который они могут принести. И наконец, информационный фильтр может быть описан с точки зрения доступности информации о внедряемом новшестве, поскольку наличие у экономических агентов сведений о его положительных свойствах приводит к повышенной заинтересованности во внедрении данного новшества.

Таким образом, каждое новшество, проходя через данные фильтры, подвергается проверке на совместимость с теми требованиями, которые они «предъявляют», и при положительном результате внедряется быстро, а при отрицательном – медленно или совсем не внедряется.

В итоге можно говорить о наличии двух экономических категорий, отражающих трудности на пути вывода инноваций на рынок – инновационные барьеры и фильтры. Причем необходимо отметить, что в экономической литературе отсутствует сколько-нибудь обобщенное понимание их сути, поскольку они не носят субстанциональный характер, т. е. не существуют сами по себе, а зависят от определенных факторов окружающей действительности. Например, внутренний институциональный фильтр инноваций фирмы, пропускающий определенные новшества в период роста производства, будет препятствовать им в период спада, поскольку данные новшества связаны с издержками, которые фирма себе не может позволить в данный промежуток времени. А внешними фильтрами изменения экономического института могут выступать следующие условия:

- 1) низкое качество института, которое отрицательно влияет на конкурентоспособность субъекта хозяйствования;
- 2) несоответствие формального экономического института изменившимся неформальным институтам в самом государстве;
- 3) неудовлетворение экономическим институтом тенденции (появившейся вследствие глобализации) к увеличению скорости институциональных изменений;
- 4) несоответствие экономического института изменившимся внешним условиям.

Список литературы

1. Белл Дж. Новая технократическая волна на Западе / Дж. Белл, Г. Канн. – М. : Прогресс, 1986. – 205 с.
2. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М. : АСТ, 2004; Деминг У. Эдвард. Новая экономика / Эдвард У. Деминг. – М. : Эксмо, 2006. – 180 с.
3. Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества / П. Друкер. – М. : Вильямс, 2007. – 200 с.
4. Йенсен Р. Общество мечты / Р. Йенсен. – СПб. : Изд-во Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 180 с.
5. Кроуфорд. Электронно-цифровое общество / Кроуфорд. – М. : Релфбук, 1999. – 234 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 240 с.
7. Кузьминов Я. И. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений / Я. И. Кузьминов, В. В. Радаев, А. А. Яковлев, Е. Г. Ясин // Модернизация экономики и выращивание институтов / отв. ред. Е. Г. Ясин. – Кн. 1. – М. : ГУ ВШЭ, 2005. – С. 7–64.
8. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / Т. Сакайя ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 124 с.
9. Стиглер Дж. Экономическая теория информации / Дж. Стиглер // Теория фирмы. Вехи экономической мысли. – В. 2. – СПб. : Экон. шк., 1995.
10. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество / Д. Тапскотт. – М. : Релфбук, 1999; Тоффлер О. Будущее труда / О. Тоффлер // Новая технократическая волна на Западе. – М. : Прогресс. – С. 59–71.
11. Тамбовцев В. Л. Основы институционального проектирования : учеб. пособие / В. Л. Тамбовцев. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 144 с.
12. Шовкун І. А. Передумови інноваційного розвитку економіки з позицій інституціонального підходу / І. А. Шовкун // Екон. теорія. – 2004. – № 4. – С. 22–38.

УДК 330.3:336.77:338.124

О. Е. Сомова

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОЧНИКАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНЕ

Резюме

У роботі представлені результати аналізу динаміки і структури джерел фінансування інноваційної діяльності в Україні. Розглянуто структурні зрушення в таких джерелах у зв'язку із кризою 2008 р. і подальшою рецесією.

Summary

The results of analysis of the dynamics and structure of financial sources of innovative activity in Ukraine have been presented in the article. The structural changes in such sources brought about by the crisis of 2008 and the following recession have been considered.

Ключевые слова: инновационная деятельность, финансирование, инвестиции, кредит, собственные средства, структура.

Задача активизации инновационной деятельности актуальна для любого государства, а для Украины, стремящейся быть полноправным членом европейского и мирового сообщества, но при этом отстающей от ведущих стран по многим показателям, в том числе по инновационному развитию [1], – эта задача особенно актуальна. Ключевой проблемой реализации инновационных проектов является их финансирование, особенно с учетом кризиса 2008 г. и последующей рецессии.

Проблематика финансирования инновационной деятельности рассматривается многими исследователями. Среди последних прикладных исследований особый интерес представляют работы [2] и [4], в которых представлен анализ динамики расходов на инновационную деятельность, указывается на очень низкий абсолютный и относительный уровень бюджетного финансирования, сделана попытка выявить факторы, влияющие на объем собственных средств, которые предприятия направляют на инновационное развитие. Однако недостаточно исследованным остается вопрос структурных

изменений в источниках финансирования инновационной деятельности, произошедших за последние несколько лет.

Исходя из этого, целью статьи является анализ структурных сдвигов в источниках финансирования отечественной инновационной деятельности и определение возможных тенденций.

За последние 10 лет объем средств, направленных на инновационное развитие экономики Украины в абсолютном выражении, вырос в 4 раза – с 1971 млн грн в 2001 г. до 8046 млн грн в 2010 г., однако этот рост объясняется больше инфляцией, чем действительным повышением финансирования новшеств, т. к. удельный вес инновационных расходов в ВВП Украины за этот период снизился [2]. Следует отметить, что доля государственных вложений в этих расходах была и остается очень низкой: 2,8% и 1,1% в соответствующих годах. Укрупненная структура источников финансирования инновационной деятельности в Украине за период 1998–2009 гг. представлена в табл. 1.

Таблиця 1

Структура источников финансирования инновационной деятельности в Украине в 1998–2009 гг., % [1]

Источник финансирования	Доля источника финансирования по годам, %											
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Собственные средства	75,52	69,36	79,64	83,90	71,07	70,21	77,22	87,72	84,60	73,65	60,56	65,02
Государственный и местные бюджеты	1,68	10,09	0,54	2,96	1,59	3,14	1,43	0,75	2,08	1,41	2,94	1,69
Внебюджетные фонды	4,72	3,20	1,90	1,19	0,21	0,02	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02
Банковские кредиты	3,27	6,13	6,26	6,03	12,61	18,01	17,78	7,12	8,48	18,49	33,72	11,84
Национальные заказчики	0,45	0,57	2,81	1,77	1,95	3,66	0,23	1,38	0,43	0,24	1,41	0,39
Иностранные заказчики	12,32	7,57	7,57	2,97	8,76	4,25	2,48	2,75	2,86	2,97	0,96	19,03
Прочие источники	2,04	3,10	1,28	1,17	3,81	0,71	0,84	0,27	1,54	3,24	0,40	2,00

Анализируя данные табл. 1, следует обратить внимание на соотношение основных источников финансирования инноваций: собственных средств и банковских кредитов. Рис. 1 подтверждает взаимосвязь этих источников: при снижении доли собственных средств возрастает доля банковских кредитов и наоборот. Важно отметить, что изменение объемов кредитного финансирования, зависящее от процентных ставок по кредитам, несколько отстает от изменений таких процентных ставок. Примером может быть ситуация кризиса, начавшегося в 2008 г., когда, несмотря на существенное повышение ставки по кредитам в течение этого года (с 14,4% до 21,6%), доля банковских кредитов поднялась до своего исторического максимума и достигла одной трети всех ресурсов, направляемых на инновационную деятельность [3].

Далее, несмотря на некоторое снижение ставки по кредитам в 2009 г., доля кредитного финансирования сократилась почти в 3 раза и составила всего 11,84%.

Рис. 1. Изменение доли собственных средств и банковских кредитов в сумме расходов на инновационную деятельность, динамика средней ставки по кредитам в 1998–2009 гг.

Представленная статистика свидетельствует, что основными источниками финансирования отечественных инноваций являются собственные средства предприятий, однако в последние годы большую роль стали играть банковские кредиты и иностранные инвестиции. Рассмотрим те структурные сдвиги, которые произошли в этих источниках в период кризиса 2007–2009 гг. (рис. 2). В предкризисный 2007 год структура финансирования инноваций в Украине характеризуется достаточно высокой долей собственного капитала и низкими иностранными инвестициями. В кризисном 2008 году иностранные инвестиции практически отсутствуют (менее 1%), но стремительно возрастает значимость банковских кредитов за счет сокращения использования собственных средств. В 2009 г., наоборот, резко возрастает доля иностранных инвестиций (до 19%) за счет не менее резкого сокращения использования банковских кредитов, а значимость собственных средств остается без существенных изменений.

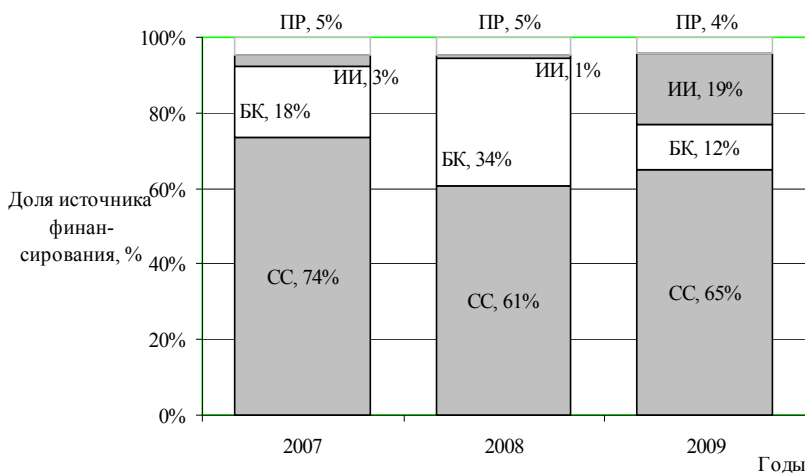

Рис. 2. Основные источники финансирования инновационной деятельности в Украине: структурные сдвиги в период кризиса 2007–2009 гг.: ПР – прочие источники; ИИ – иностранные инвестиции; БК – банковские кредиты; СС – собственные средства

Интересен тот факт, что в 2008 г. доля иностранных инвестиций достигла исторического минимума (меньше 1%), в 2010 г. – исторического максимума (30%). Существенными причинами таких изменений можно считать как мировой кризис, принесший снижение притока иностранных инвестиций в 2008 г., так и девальвацию гривны в течение того же года, за которой последовали вливания иностранного капитала в инновационные проекты, ставшие более выгодными в связи с изменениями курса.

Анализируя представленные статистические данные, следует отметить, что кризис 2008 г. существенно повлиял на структуру источников финансирования инноваций в Украине, наиболее резко изменилось значение иностранных инвестиций – с менее чем 1% в 2008 г. до 30% в 2010 г. В 2011 г. эта доля, возможно, несколько сократится в связи с частичным возобновлением банковского кредитования.

Список літератури

1. Булкін І. Аналіз державної інноваційної політики в Україні щодо фінансування інноваційних проектів / І. Булкін // Витримки з аналітичної роботи Проекту «Ключові особливості інноваційної політики як основи для розробки заходів з посилення інновацій, що сприятимуть наближенню України до конкурентної економіки знань – порівняння ЄС та України». – К. : Фенікс, 2011. – 101 с.

2. Кобушко І. М. Шляхи покращення фінансування інноваційного розвитку в Україні / І. М. Кобушко, Е. І. Гусейнова // Маркетинг і менеджмент інновацій. – 2011. – № 2. – С. 124–130.

3. Основні тенденції грошово-кредитного ринку; Основні тенденції валютного ринку [Електронний ресурс] // Сайт Національного банку України. – Режим доступу: <http://www.bank.gov.ua/Publication/econom.htm> – Загол. з екрану.

4. Товт Т. Й. Фактори впливу на обсяг фінансування інноваційної діяльності промислових підприємств в Україні / Т. Й. Товт // Наук. вісн. НЛТУ України. – 2009. – Вип. 19.12. – С. 270–277.

С. И. Столетняя

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Резюме

У статті розглянута концептуальна основа кластеризації економіки, визначено поняття кластера, висвітлені типи кластерів, проаналізовані вигоди, які отримує економіка від наявності кластерів, і фактори, що впливають на ефективність кластерів. Автором проведено емпіричне дослідження на визначення впливу рівня кластеризації економіки на рівень розвитку країни.

Summary

In the article the conceptual basis of clustering is described, the concept of cluster is defined, types of clusters is covered, the benefits received by the economics of the presence of clusters and factors that influence the effectiveness of clusters is analyzed. Also the empirical study on the influence of the level of clustering at the level of economic development is conducted by author.

Ключевые слова: кластер, глобализация, конкурентоспособность, ВВП.

На фоне активизации процессов глобализации и интеграции формируется новая парадигма развития, которая базируется на развитии экономики знаний и эффективном использовании инновационных технологий. Это обуславливает формирование организационных структур, способных обеспечить эффективность функционирования и развития экономики на макро-, мезо- и микроуровнях. Одним из прогрессивных подходов является кооперация отдельных предприятий в кластеры. Ориентация на кластер как фактор процветания и роста экономики страны получила широкое распространение в развитых странах, набирает обороты в экономиках развивающихся стран и характеризует новую волну в развитии капитализма.

Несмотря на глубокие корни концепции кластеров, отношение к данной теории со стороны ученых и практиков неоднозначно в силу недостаточной изученности вопроса, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения темы и анализа взаимосвязей.

Таким образом, целесообразным будет рассмотрение в данной статье двух основных аспектов:

- концептуальная основа кластерного подхода, где будет раскрыто определение кластера, типы кластеров, выгоды, которые получает экономика от наличия кластеров, и факторы, которые влияют на эффективность кластеров;
- эмпирическое исследование наличия взаимосвязи между уровнем развития страны (по показателю ВВП) и уровнем кластеризации экономики.

Интеллектуальные предпосылки теории кластеров происходят от научного труда А. Маршала «Принципы экономической теории», который был издан в 1890 г. Затем на протяжении ста лет данный вопрос с разных сторон изучался многими учеными. Особого внимания заслуживают работы Дж. Хертога, М. Стейнера, В. Прайса, Э. Бергмана, которые рассматривали кластеры в разрезе экономической географии, новой теории роста или работы промышленных регионов. Значительный вклад в развитие концепции внесла книга М. Портера «Конкуренция» (1990), в которой наиболее комплексно проработана теория кластеров, что и стало базой для нового этапа изучения концепции – эмпирического тестирования и поиска влияний и взаимосвязей.

Среди отечественных ученых интересными представляются разработки Ю. Подольчака и А. Антонюка относительно теории кластеров как новой формы организации производства, работы Ю. Бажала, Г. Дзися, С. Соколенко, В. Щелкунова, в которых изучаются вопросы формирования кластеров и регионализации.

Целью статьи является обобщение теоретических разработок концепции кластеров и изучение взаимосвязей между уровнем ВВП страны и уровнем кластеризации экономики.

Согласно трактовке М. Портера, кластер представляет собой «сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений) в определенных конкурирующих

областях, но при этом ведущих совместную работу» [10]. Графически это можно представить следующим образом (рис. 1) [2].

В зависимости от структуры отраслей кластеры могут быть абсолютно разными по широте охвата, уровню развития, наличию связей с университетами и пр. Разные ученые предлагают свои подходы к классификации кластеров. Так, ученые группы Розенфельда выделяют три вида кластеров: работающие, скрытые и начинающие. Ученый Гарвардского института стратегии и конкурентоспособности К. Кетелс предлагает классифицировать кластеры по следующим типам: по типу производимого товара или услуги (финансовый, керамический, туристический и т. д.), по типу месторасположения (локальные, ориентированные на сырье, «торгующие» или разбросанные в географическом отношении) и по уровню развития. Основаниями

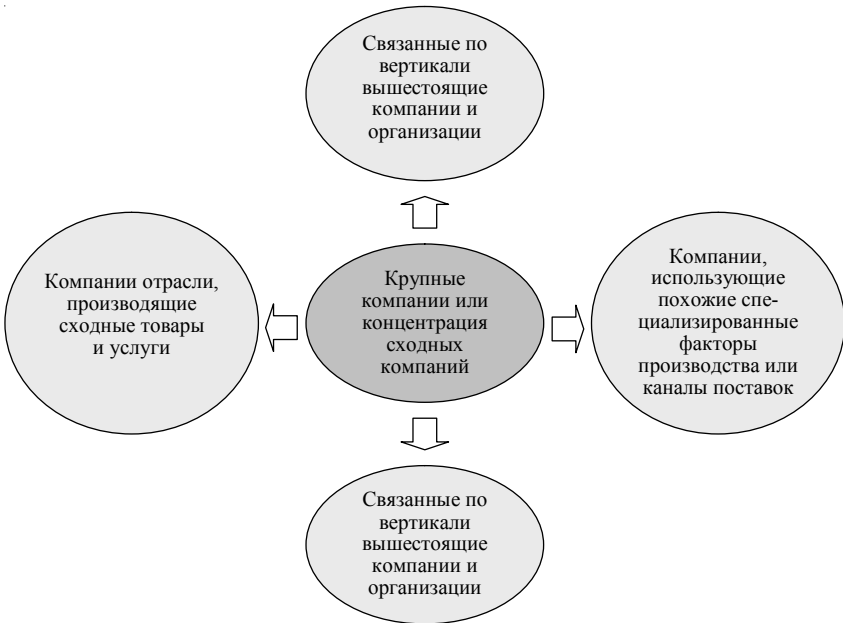

Рис. 1. Составные части кластера

для различия кластеров по уровню развития является длительность процесса возникновения кластера или его создания заинтересованными субъектами. Исследования показывают, что эволюция кластеров может занимать много лет или даже десятилетий.

Исследователи концепции кластеров, как с точки зрения теории, так и с точки зрения практики признают, что кластеры развиваются и становятся важными, потому что создают экономические выгоды участникам кластера и экономике страны или региона в целом.

Компания – участник кластера получает дополнительную ценность, что выражается в повышении производительности компании за счет доступа к специализированным поставщикам и снижения времени реагирования на потребности компании по сравнению с ее изолированным функционированием, в повышении способности к инновациям за счет снижения стоимости эксперимента и привлечения новых участников кластера.

В свою очередь, выигрывает и экономика страны за счет роста возможностей по привлечению прямых финансовых инвестиций и стабильного процветания экономики, что обеспечивается синергетическим эффектом объединения различных видов бизнеса (малые, средние и крупные предприятия) в кластеры. Также это влечет рост уровня инноваций и конкурентоспособности экономики региона или страны. М. Афанасьев и Л. Мясникова отметили выгоду от кластеризации, присущую развивающимся экономикам стран СНГ – «кластеризация экономики может послужить повышению культуры бизнеса с переходом от персонализированных отношений «бизнес – власть», преследующих клановые интересы, к институциональным, имеющим четкие общенациональные цели» [3].

Следует учитывать, что выгоды, получаемые от кластеризации, тем выше, чем эффективнее функционирование самого кластера. Эффективность функционирования кластера, в свою очередь, зависит от экономической обстановки (бизнес-среды), в которой организуется кластер. «Бизнес-среда» – понятие, включающее широкий спектр элементов, начиная от качества школьного образования до конкурентоспособности локальных поставщиков.

М. Портер в книге «Конкуренция» предложил организовать всю

комплексность экономической обстановки при помощи аналитического инструмента оценки бизнес-среды – модели конкурентного ромба. «Ромб» включает следующие элементы: факторы производства, контекст стратегии фирмы и соперничества, условия местного спроса, родственные и поддерживающие отрасли (рис. 2). Необходимо учитывать, что влияние различных аспектов на бизнес-среду зависит от позиции, которой кластер желает достичь в этой среде.

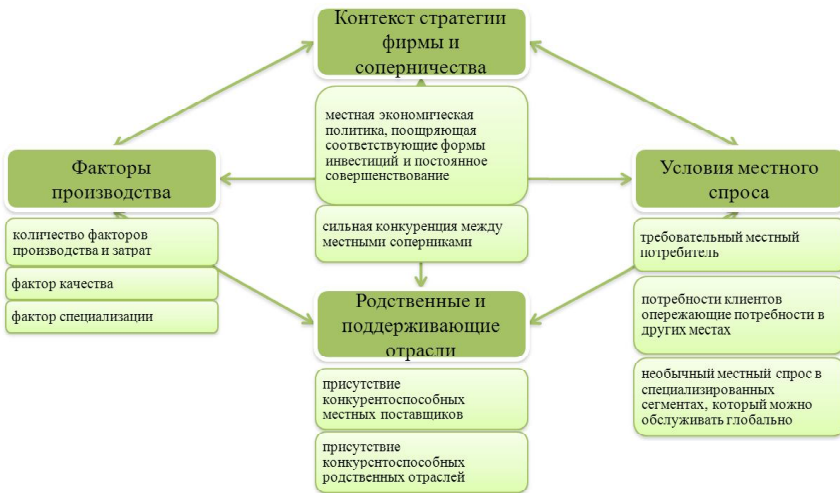

Рис. 2. Источники локальных конкурентных преимуществ по М. Портеру [9]

Также модель конкурентоспособного ромба используется для оценки качества бизнес-среды на национальном и региональном уровнях. Факторы конкурентоспособности, выделенные М. Портером, сегодня положены в основу Отчета глобальной конкурентоспособности, который представляет собой результат обширного ежегодного исследования, проводимого Всемирным экономическим форумом совместно с сетью партнерских организаций – ведущих исследовательских институтов и компаний – в странах, анализируемых в Отчёте.

Помимо предложенных М. Портером факторов, используются также макроэкономические факторы. Таким образом, в 2009 году Отчет включает 133 страны, которые были проанализированы по следующим слагаемым: «Качество институтов», «Инфраструктура», «Макроэкономическая стабильность», «Здоровье и начальное образование», «Высшее образование и профессиональная подготовка», «Эффективность рынка товаров и услуг», «Эффективность рынка труда», «Развитость финансового рынка», «Технологический уровень», «Размер рынка», «Конкурентоспособность компаний» и «Инновационный потенциал».

Изучение взаимосвязи уровня ВВП страны на душу населения и уровня кластеризации в статье будет базироваться на данных Отчета глобальной конкурентоспособности 2009–2010 гг., анкета которого охватывает широкий круг факторов, влияющих на бизнес-климат.

Страны, представленные в отчете, разбиты по уровню ВВП на душу населения на пять групп: факторно ориентированные, эффективно ориентированные, инновационно ориентированные и переходные состояния от факторно ориентированных к эффективно ориентированным и от эффективно ориентированных к инновационно ориентированным (табл. 1). Разбивка в Отчете была проведена на основе двух параметров: уровень ВВП на душу населения (табл. 1) и уровень экспорта минеральных ресурсов. Это связано с тем, что некоторые страны достигают высокого уровня ВВП на душу населения за счет экспорта минеральных ресурсов, что дает основания определять их в группы более низкого уровня.

После разделения стран на группы была взята оценка из Отчета по параметру «уровень развития кластеров». Оценка составлялась по среднему значению ответов респондентов на вопрос «Насколько распространены в экономике вашей страны хорошо развитые и глубокие кластеры?» по семибалльной шкале (1 – не существуют; 7 – широко распространены во многих сферах).

Проведя анализ на базе матрицы распределения, можно определить, что между уровнем ВВП страны на душу населения и уровнем кластеризации экономики существует прямая зависимость, то есть

Таблиця 1

Условия разнесения стран по уровню ВВП страны на душу населения*

Уровень развития	ВВП на душу населения, долл.
Уровень 1. Факторный	< 2,000
Переходный между 1-м и 2-м уровнями	2,000–3,000
Уровень 2. Эффективный	3,000–9,000
Переходный между 2-м и 3-м уровнями	9,000–17,000
Уровень 3. Инновационный	> 17,000

* по материалам Отчета глобальной конкурентоспособности 2010 [8]

чем выше уровень кластеризации, тем выше уровень ВВП на душу населения (рис. 3).

Однако заметим, что кластеризация экономики – не единственный способ достижения высокого уровня ВВП на душу населения, но

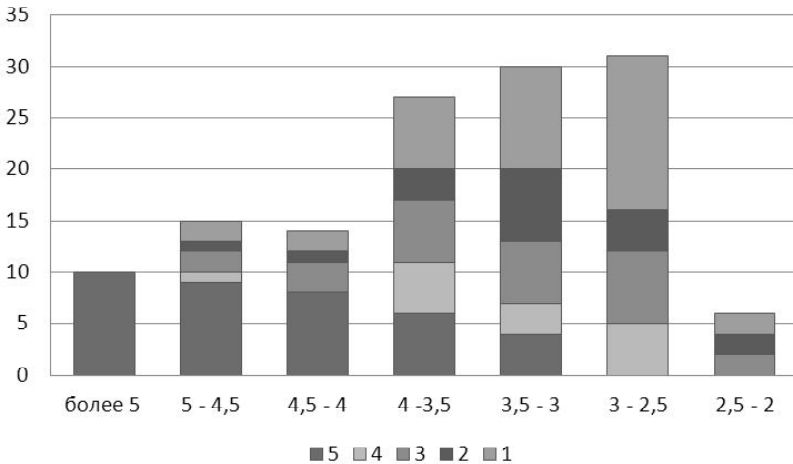

Рис. 3. Распределение ответов в 1,5 интервалах по группам стран

предпочтительный, что основывается на следующем факте: страны пятой группы имеют максимальный средний показатель оценки уровня кластеризации как в 2008, так и в 2009 годах по сравнению с остальными группами стран (табл. 2).

Таблица 2

**Показатели среднего уровня ВВП на душу населения
и уровня кластеризации по группам стран**

Группы стран	Средний уровень ВВП на душу населения, долл.	Средний уровень кластеризации, балл
1. Факторно ориентированная	906,56	3,14
2. Переходная между 1-й и 3-й группами	15 146,72	3,23
3. Эффективно ориентированная	5 304, 56	3,39
4. Переходная между 3-й и 5-й группами	13 975,34	3,35
5. Инновационно ориентированная	41 848,93	4,44

Для проверки наличия силы связи данные Отчета глобальной конкурентоспособности (уровень ВВП на душу населения и оценка по уровню кластеризации для каждой из 133 стран) были представлены совокупностью точек в плоскости, на основании чего было сделано предположение о приблизительно линейной корреляции. С помощью программы «Статистика+» для данной выборки было найдено значение коэффициента корреляции Пирсона (0,6102) и отклонена гипотеза о нулевой связи, что говорит о наличии линейной связи между переменными. При помощи регрессионного анализа было выведено линейное уравнение вида $y = 0,0135x + 3,2059$, однако значение коэффициента детерминации (0,3724) говорит о том, что степень связанности уровня ВВП на душу населения и уровня кластеризации страны ниже среднего.

Проведен анализ изменения динамики уровня ВВП страны на душу

населения и уровня кластеризации. Несмотря на то, что база данных для анализа представлена двумя годами, было выявлено, что чем выше уровень кластеризации, тем ниже уровень прироста ВВП на душу населения. Например, в странах, получивших оценку по уровню кластеризации 5 и выше, уровень прироста ВВП на душу населения преимущественно находится в диапазоне 0–10% относительно показателей 2008 года, а тот же показатель для стран с оценкой 4 – 10–20%, для стран с оценкой 3 и ниже – более 20% (рис. 4).

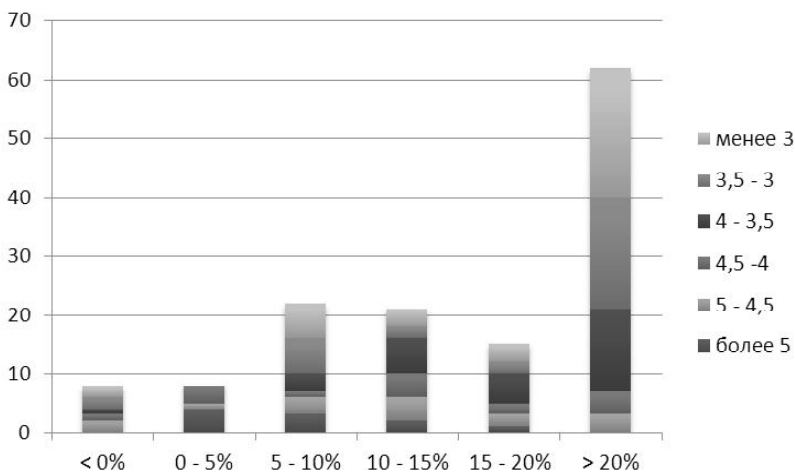

Рис. 4. Взаимосвязь прироста ВВП на душу населения и уровня кластеризации экономики

Это подтверждает следующие факты: высокая интенсивность процесса кластеризации наблюдается в экономиках именно развитых стран, где инвестируются значительные средства в инновационные разработки, в том числе и инновационные формы организации производства; значительный прирост ВВП на душу населения за счет отличных от кластеризации процессов происходит в странах преимущественно первой группы (факторно ориентированных).

Таким образом, понятие «кластер» прошло существенную эволюцию в современной экономической науке. Его использование позволяет установить содержательную взаимосвязь уровня кластеризации экономики и уровня ВВП на душу населения. Полученные в статье уравнения корреляции дают основания утверждать: кластер является необходимым элементом развития конкурентоспособной национальной экономики. Перспективными для дальнейшей разработки являются следующие недостаточно проясненные аспекты кластерной модели национальной конкурентоспособности:

- исследование институциональной, транзакционной и макроэкономической трактовки кластера;
- анализ противоречий и тенденций развития кластеров в условиях усиления роли глобальных факторов;
- выявление влияния уровня кластеризации на стабильность национальных экономик и поиск математической взаимосвязи изучаемых категорий.

Список литературы

1. Ketels C. The development of the cluster concept – present experience and further developments / C. Ketels // *Harvard Business Review*. – 2003. – Sep–Oct. – P. 45–63.
2. Porter M. E. Cluster and new economics of competition / M. E. Porter // *Harvard Business Review*. – 1998. – Nov–Dec. – P. 77–90.
3. Афанасьев М. Мировая конкуренция и кластеризация экономики / М. Афанасьев, Л. Мясникова // *Вопр. экономики*. – 2005. – № 4. – С. 75–86.
4. Горицкая Н. Формирование кластеров / Н. Горицкая // *Финансовый директор*. – 2004. – № 11/12. – С. 85–91.
5. Гуменюк О. І. Кластери як організаційна структура інноваційно-інвестиційної моделі розвитку промисловості / О. І. Гуменюк // *Актуальні проблеми економіки*. – 2007. – № 2. – С. 9–19.
6. Козир З. Кластери як основна форма організації виробництва і виробничих відносин регіонального рівня / З. Козир // *Економіка*. – 2004. – № 7. – С. 146–149.
7. Ковальова Ю. М. Механізм регулювання соціально-економічного розвитку регіону на основі формування кластерів / Ю. М. Ковальова // *Актуальні проблеми економіки*. – 2008. – № 4 (82). – С. 10–12.

8. Отчет Глобальной конкурентоспособности 2009–2010: ежегодный отчет [Электронный ресурс] // Междунар. экон. форум-2009. – Режим доступа: <http://www.weforum.org/pdf/GCR09/GCR20092010fullreport.pdf> – Загл. с экрана.

9. Письмак В. Новые формы организации инновационного процесса / В. Письмак // Вопр. управления. – 2007. – № 4. – С. 5–9.

10. Портер М. Э. Конкуренция / М. Э. Портер. – М. : Вильямс, 2002. – 496 с.

УДК 332.156

О. А. Иванова

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Резюме

Проаналізовано підходи до проблеми визначення конкурентоспроможності підприємства з урахуванням потреб ринку та конкурентоспроможності регіонів. Встановлено зв'язок між конкурентоспроможністю виробничих та територіальних систем. Визначені складові конкурентоспроможності регіонів на підставі теорій конкуренції. Проведено аналіз генезису теорій конкуренції.

Обґрунтована необхідність комплексного дослідження шляхів управління конкурентоспроможністю підприємств та регіонів на підставі системного підходу.

Summary

Different approaches to the problem of determining enterprises competitiveness with regard to the market needs and regions competitiveness are analyzed. Interrelations between competitiveness of manufacturing and territorial systems have been stated. Components of regions competitiveness on the basis of competition theories have been determined. The genesis of the competition theories has been analyzed.

The necessity of a complex research of ways of enterprises and regions competitiveness management based on a systemic approach has been grounded.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, потенциал предприятия, методы оценки конкурентоспособности предприятия, факторы, показатели, регион, система.

Конкурентоспособность является одной из основных экономических категорий в рыночных отношениях, которая формируется на уровнях продукции, предприятия, отрасли, региона, страны и в общем виде выражает способность выдерживать соперничество с другими аналогами. В условиях усиления взаимозависимости и взаимосвязи экономических процессов в иерархии конкурентоспособности особое место занимает конкурентоспособность региона. Это объясняется тем, что регионы являются самостоятельными субъектами рыночных

отношений, где непосредственно реализуются поставленные цели и задачи удовлетворения социально-экономических потребностей населения, в достижении которых существенное значение имеет их конкурентоспособность.

Несмотря на большое количество факторов, влияющих на конкурентоспособность региона, не последнее место среди них занимает конкурентоспособность предприятий данного региона и его способность производить конкурентоспособную продукцию для успешного продвижения на рынок. В ситуации, когда регионы (предприятия) оказываются неконкурентоспособными, происходит ухудшение благосостояния населения. В связи с недостаточным осмыслением проблем конкурентоспособности регионов в настоящее время актуальной является задача исследования связи между конкурентоспособностью предприятий и региона. Цель исследования – выявление зависимости конкурентоспособности региона от конкурентоспособности предприятий. Для этого поставлены следующие задачи: раскрыть сущность конкурентоспособности региона и конкурентоспособности предприятия; проанализировать зависимость конкурентоспособности региона от конкурентоспособности предприятий; охарактеризовать совокупность факторов, влияющих на конкурентоспособность региона.

Проблемы конкуренции и конкурентоспособности прошли длинный эволюционный путь от их первоначальной постановки и разработки в трудах основателей классической политической экономии до сегодняшнего дня, когда существует много методик оценки конкурентоспособности предприятия, применяемых в основном в практике ведения бизнеса как отечественных, так и зарубежных предприятий. Многообразие публикаций отражает объективную сложность предмета научного исследования. Подобная ситуация неоднозначности трактовки понятия и решения поставленной задачи сохраняется и по отношению к определению уровня конкурентоспособности регионов. Нарастание тенденций регионализации (региональной интеграции) в мировой экономике приводит к возрастанию необходимости четкого определения понятия «конкурентоспособность региона».

Несмотря на большое количество экономической литературы по региональной экономике, в настоящее время «конкурентоспособность региона» является наименее изученным понятием, что, с одной стороны, приводит к отсутствию единой методики оценки комплекса показателей и критериев оценки уровня конкурентоспособности; с другой стороны – к отсутствию единых подходов в разработке типовых управленческих решений и мер повышения текущего уровня конкурентоспособности и потенциального роста. Существуют различные трактовки понятия «конкурентоспособность региона». Отсутствие единого подхода к формированию определения затрудняет понимание объективной сущности этого понятия.

Анализируя составляющие конкурентоспособности региона, нужно отметить особое значение конкурентоспособности предприятия и ее связь с конкуренцией.

Обобщение результатов исследования научной экономической литературы по вопросам конкуренции позволило выделить основные подходы относительно развития теорий конкуренции.

В основе первого подхода лежит ценовая конкуренция, которую раскрывали такие теории, как теория меркантилизма, теория абсолютных и сравнительных преимуществ, теория взаимного спроса, факторная теория, теория выравнивания цен на факторы производства и теория межотраслевого анализа. В основу этих теорий конкуренции была положена ценовая конкуренция, которая отображала разный уровень цен на факторы производства и продукцию, их сравнение между странами.

Новое направление исследований в развитии теорий конкуренции на основе конкурентного рынка образовалось с выходом научных работ А. Курной, Е. Чемберлина, Дж. Робинсон, И. Шумпетера, М. Портера, М. Познера и др. Все это дало возможность переосмыслить действие рыночного механизма с учетом значения таких факторов, как ограниченное количество продавцов, дифференциация продукции, затраты на сбыт, учет взаимодействия продавцов на рынке, неценовых форм конкуренции и тому подобное [1, с. 13].

Наиболее существенным фактором, подтверждающим взаимосвязь конкурентоспособности предприятия и региона, является теория

М. Портера [2, с. 155]. В основу конкурентного переваги он заложил продуктивність використання ресурсів. Також он розглянув ромб національної конкурентоспроможності, який складається з таких детермінант:

- параметри факторів виробництва;
- параметри попиту на товари і послуги;
- стратегія фірм, їх структура і суперництво;
- галузева належність.

Наряду з цим, велике увагу в своїх дослідженнях он віддає побудові кластерів конкурентоспроможних галузей, які є особливо актуальними в сучасних ринкових умовах ведення господарства, де кожне з держав і його регіонів прагне забезпечити належний рівень конкурентоспроможності.

Наступний підхід до дослідження генезису теорій конкуренції передбачає конкуренцію на основі інновацій, тобто коли підвищити конкурентоспроможність можна за рахунок нарощування конкурентних переваг в інноваціях. Безумовно, визначальним конкурентним перевагою регіонів держави є інновації, оскільки ефективне використання інноваційних ресурсів дозволяє випускати і реалізовувати конкурентоспроможну продукцію і виходити на міжнародний ринок наукоємких виробств. Дане твердження показує чітку взаємозв'язок між конкурентоспроможністю продукції, фірми і, звичайно ж, підприємства і регіонів.

Важливим напрямком забезпечення належного рівня конкурентоспроможності регіону також виступає його інвестиційна політика, яка повинна бути направлена на:

- розвиток інвестиційної інфраструктури;
- створення сприятливої нормативно-правової бази для залучення іноземних інвестицій в економіку;
- стимулювання інвестиційної активності шляхом встановлення пільгового оподаткування для суб'єктів підприємницької діяльності, які інвестуються з внутрішніх джерел;
- складання планів, розробку регіональних програм залучення інвестицій.

Вместе с тем, очевидным является вывод о том, что инвестиционная политика предприятия во многом определяет конкурентные преимущества предприятия на рынке, доказывая взаимосвязь производственных и территориальных экономических систем.

Обобщая данные теории конкуренции, можно выделить ее этапы развития:

- конкуренция на основе факторов производства;
- конкуренция на основе инвестиций;
- конкуренция на основе нововведений;
- конкуренция на основе богатства.

Данные этапы обуславливают конкурентные преимущества регионов.

Синтезируя вышерассмотренные подходы, можно отметить, что конкурентными преимуществами региона являются:

- природные ресурсы и охрана окружающей среды;
- инновационные ресурсы;
- человеческие ресурсы;
- финансовые ресурсы;
- геополитическое расположение;
- инфраструктура региона.

Обеспечение и повышение конкурентоспособности регионов государства должно стать результатом реализации имеющихся и вновь созданных конкурентных преимуществ.

Следует заметить, что конкурентные преимущества в каждом регионе формировались неодинаково под воздействием многолетней политики регионального развития. В итоге они не адекватны требованиям рыночной экономики и каждой позиции присущ разный уровень зрелости и активности. При этом изменяется удельный вес каждого конкурентного преимущества, его влияние на формирование условий для развития конкурентной среды и повышения конкурентоспособности регионов государства.

На сегодня роль государства относительно повышения конкурентоспособности регионов заключается в том, чтобы эффективнее использовать потенциал регионов [3, с. 148].

Важно отметить, что конкурентоспособность региона является

не только свойством экономической системы, но и сама выступает системой свойств, позволяющих региону эффективно вести конкуренцию для достижения поставленных целей.

Обычно система определяется как совокупность элементов (объектов), объединённых некоторой формой регулярного взаимодействия или взаимозависимости для выполнения заданной функции. При этом конкурентоспособность региона как система обладает всеми её признаками, к которым следует отнести:

- множество элементов, обеспечивающих конкурентоспособность региона;
- взаимосвязь между элементами, входящими в систему конкурентоспособности региона;
- целостность и единство элементов, их структуру и иерархичность;
- чётко выраженное управление конкурентоспособностью региона;
- наличие и единство главной цели, достигаемой системой конкурентоспособности региона;
- взаимодействие с внешней средой.

Следовательно, конкурентоспособность является системой, при исследовании которой может использоваться методология системного анализа. Необходимо отметить, что конкурентоспособность региона как система является подсистемой, которая входит составной частью в систему более высокого уровня, а именно социально-экономическую систему региона. Для системного анализа характерно наличие соответствующих элементов системы, сочетание которых в определённой последовательности, диктуемой структурой проблемы и причинно-следственными связями, и приводят её к системному решению при соблюдении следующей логической цепочки: цели – средства достижения цели – потребные ресурсы. Применимо к системе конкурентоспособности региона главная цель – обеспечение высокого уровня и качества жизни населения региона; средства достижения цели – способность регионов к реализации инновационного подхода к социально-экономическому развитию; потребные ресурсы – формируются в региональной социально-экономической системе

в виде экономического ресурсного потенциала. Составными же элементами конкурентоспособности регионов можно считать конкурентоспособность предприятий.

Анализ литературы по проблеме конкурентоспособности показывает, что между критериями конкурентоспособности регионов и производителя существует взаимосвязь и взаимозависимость. Регион и государство не могут быть конкурентоспособными, если товаропроизводители, которые отнесены к этим объектам, не обладают такими свойствами. Поэтому именно производственная система предопределяет надежные конкурентные позиции региона. В этой связи большое значение в настоящее время уделяется конкурентоспособности продукции, фирмы и связи с конкурентоспособностью региона.

В зависимости от того, о какой разновидности конкуренции и конкурентоспособности идет речь, существуют разные составляющие, критерии и оценка конкурентоспособности. Так, с ценовой конкуренцией принято связывать экономическую составляющую конкурентоспособности, а с неценовой конкуренцией – маркетинговую и коммерческую.

Ввиду рассмотренного выше можно отметить, что конкурентные преимущества региона представляют собой совокупность ценностей (ресурсов и благ), наличие и реализация которых предоставляет региону преимущества по сравнению с другими.

Все это логично доказывает, что реализация организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности региона требует исследования существующих теорий конкуренции и теорий регионального развития, и на основе генезиса их развития – разработки парадигмы межрегиональной конкуренции.

Интеграция регионов в экономическом, политическом, социальном, информационном пространстве государства требует наличия добросовестной конкуренции между регионами страны, рассмотрения этой проблемы сквозь призму системного подхода.

Список литературы

1. Антонюк Л. Л. Міжнародна конкурентоспроможність країн: теорія та механізми реалізації / Л. Л. Антонюк. – К. : КНЕУ, 2004. – 275 с.
2. Портер М. Международная конкуренция / М. Портер; пер. с англ. под ред. В. Д. Щетинина. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 896 с.
3. Фатхутдинов Р. А. Управление конкурентоспособностью организации / Р. А. Фатхутдинов. – М. : Эксмо, 2004. – 544 с.
4. Шнипко О. С. Національна конкурентоспроможність: сутність, проблеми, механізми реалізації / О. С. Шнипко. – К. : Наук. думка, 2003. – 334 с.

УДК 65.018.02

*Н. І. Данько, О. І. Решетняк***НАПРЯМКИ ПІДВИЩЕННЯ ЯКОСТІ ГОТЕЛЬНИХ ПІДПРИЄМСТВ В УКРАЇНІ****Резюме**

В статті пропонується створення системи управління якістю готельних підприємств, заснованої на принципах Всеобщого Менеджмента Качества (ВМК). Авторами адаптовані принципи управління якістю діяльності готельних підприємств і розроблені конкретні рекомендації по впровадженню систем управління якістю на підприємствах готельної індустрії в Україні.

Summary

The paper suggests the establishing quality management systems of hotel companies, based on the principles of a total quality management (TQM). The authors have adapted the principles of quality management for the hospitality industry activity and have worked out specific recommendations as to the implementation of quality management systems in enterprises of the hotel industry in Ukraine.

Ключові слова: готельне господарство, готельні послуги, якість обслуговування туристів, система управління якістю, система Total Quality Management.

Основною складовою туристської індустрії є готельне господарство. Витрати на готельні послуги становлять приблизно від 30% до 50% витрат у кошторисі туристів. Тому ця сфера є дуже важливим елементом туристичної галузі. Важливим чинником розвитку туризму є якість обслуговування туристів у готелях. Дослідження показують, що за опитуваннями важливість такого показника, як «якість обслуговування», туристи оцінюють у 4 рази вище, ніж «адекватність та поміркованість ціни», і в 1,2 рази вище, ніж якість самого туристичного продукту. Таким чином, визначення напрямків удосконалення системи управління якістю є актуальним.

Мета статті – визначення основних напрямків удосконалення системи управління якістю на підприємствах, що надають послуги гостинності, за рахунок впровадження системи Total Quality Management на підприємствах цієї галузі.

Сфера готельного бізнесу в Україні у цей час розвивається досить швидкими темпами. За період з 2005 по 2010 роки кількість підприємств готельного типу в Україні зросла з 1396 до 1684 готелів, або на 20% [ukrstat.gov.ua]. Але переважна кількість українських готелів не відповідає міжнародним стандартам щодо якості обслуговування. За інформацією Держтуризму, приймати іноземних туристів у 2008 році могли тільки 300 готелів. Зараз ситуація дещо змінилася, з 01.10.1999 року введено обов'язкову сертифікацію готельних послуг та послуг харчування, які надають суб'єкти туристської діяльності. Наприклад, у Харкові послуги розміщення надають 33 готелі, сертифіковано з них – 28. Сильно вплинула на розвиток готельного бізнесу в Україні підготовка до проведення футбольного чемпіонату Євро-2012. Лише у Харкові 52 готелі (всього 3111 номерів) підписали угоди з туроператором УЄФА (компанією «Tui Travel»), причому частка номерів категорії «чотири зірки» становила 18% їхньої загальної кількості. Відповідно до вимог УЄФА готельний фонд Харкова до 2012 р. має становити 2765 номерів (1240 номерів – категорії «п'ять зірок», 1315 – «чотири зірки» і 210 – «три зірки») для розміщення «сім'ї» УЄФА.

Але існуюча інфраструктура туризму ще не відповідає вимогам міжнародних стандартів. Це і рівень якості обслуговування у більшості готелів, якість питної води у системі водопостачання, яка не відповідає міжнародним санітарним вимогам, що примушує готелі мати спеціальні установки для питної води та льодогенератори. Також у більшості готелів відсутні сучасні засоби зв'язку та комунікацій, конференц-зали з відповідною аудіовізуальною технікою, технічними засобами для синхронного перекладу та ін. Подальший розвиток готельного господарства неможливий без сучасного обладнання, новітніх технологій, інноваційних методів управління. Це стосується насамперед інформаційних технологій, надійних систем захисту, ефективних систем управління якістю.

Управління якістю у сфері готельного бізнесу завжди було однією з найбільш складних проблем, тому що результат проявляється через певний проміжок часу та є нематеріальним. Готельні послуги мають ряд особливостей, що дозволяє маневрувати їх якістю, знижуючи або

підвищуючи рівень послуг для різних категорій споживачів з огляду на їхні потреби і купівельну спроможність. Якість послуг неможливо перевірити заздалегідь, оскільки їх надання і споживання відбуваються одночасно; послуги не можна зберігати, вони характеризуються мінливістю, невідчутністю, невіддільністю об'єкта і суб'єкта (клієнт бере участь у процесі надання послуги).

Характеристики готельних послуг відбиваються на процесі проектування ефективної системи управління якістю і впливі даної системи на основні елементи готельних послуг (нематеріальні і матеріальні). Нематеріальний елемент готельних послуг – це атмосфера, привабливість оточення, естетика, комфорт, теплота обслуговування, приязність, спокій і висока культура міжособистісного спілкування. Матеріальним елементом можна вважати номерний фонд, товарно-матеріальні ресурси та технологію надання послуг. Фізичні характеристики створюють контактну зону, у якій у процесі обслуговування взаємодіють той, хто надає, і той, хто споживає послуги.

Сьогодні одним із найважливіших напрямків у діяльності українських готелів є створення ефективної системи управління якістю, що дозволить надавати конкурентоспроможні готельні послуги. Система якості важлива також і при проведенні переговорів із закордонними туроператорами та іншими корпоративними партнерами, що, як правило, вважають за обов'язкову умову перевірити перед підписанням контракту існуючу систему якості і наявність сертифіката на цю систему, виданого авторитетним органом.

Існує ряд моделей управління якістю, які можна рекомендувати для використання в готельному бізнесі з урахуванням особливостей конкретного готелю, прийнятої технології обслуговування, специфіки готельних послуг. Серед них варто виділити модель «п'ять М», розроблену відомим ученим Ф. Котлером, «Петлю якості» Е. Демінга, прийняту за основу в міжнародних стандартах ISO 9000-9004, документи Всесвітньої Туристичної Організації (ВТО). Національні законодавчі акти, нормативна документація і стандарти безпосередньо регулюють управління процесами надання готельних послуг та узаконують чіткі вимоги до систем забезпечення якості.

Найважливішою складовою всієї системи якості готелю є якість

послуг. У сучасній літературі та практиці існують різні трактування поняття якості. Міжнародна організація зі стандартизації визначає якість (стандарт ІСО-8402) як сукупність властивостей і характеристик послуг, що надають їм здатність задовольняти обумовлені або передбачувані потреби. Цей стандарт увів такі поняття, як «забезпечення якості», «управління якістю», «спіраль якості». Вимоги до якості на міжнародному рівні визначаються стандартами ІСО серії 9000. Перша редакція міжнародних стандартів ІСО серії 9000 вийшла наприкінці 1980-х років і ознаменувала вихід міжнародної стандартизації на якісно новий рівень.

Міжнародна організація стандартизації (ІСО) узагальнила весь накопичений позитивний досвід робіт у сфері підвищення якості продукції і розробила на цій основі стандарти серії 9000 і 10000, що лягли в основу принципів Total Quality Management (TQM).

Головна ідея TQM полягає в тому, що компанія повинна працювати не лише над якістю продукції чи послуги, але й над якістю організації в цілому, включаючи роботу персоналу. Постійне одночасне удосконалення цих трьох складових – продукції (послуги), організації, персоналу – дозволяє досягти найбільш швидкого і ефективного розвитку бізнесу. Якість визначається досягненням задоволеності клієнтів, покращенням фінансових результатів і зростанням задоволеності службовців своєю роботою в компанії.

Основні принципи, на яких повинні будуватися системи менеджменту якості (СМЯ) готельних підприємств, відповідають базовим принципам менеджменту якості, що вказані у стандарті ІСО 9000-2001 «Системи менеджменту якості»: орієнтація на споживача; лідерство керівництва; залучення співробітників; процесно-орієнтований підхід; системний підхід до менеджменту; безперервні покращення; прийняття рішень, що базується на фактах та даних; взаємовигідні відносини з партнерами.

На принципах ІСО побудована найбільш популярна зараз система загального менеджменту якості – Total Quality Management (TQM).

Якщо переформулювати основні положення цієї системи відносно підприємства, що надає послуги гостинності, то вони будуть виглядати таким чином.

1. Лідерська роль керівництва. Керівництво повинно інтегрувати систему управління якістю у загальну модель управління готельним підприємством. Керуючі дії повинні бути не стільки у вигляді організаційно-розпорядчої документації, скільки у вигляді конкретних слів та вчинків, що однозначно передають позицію керівництва. Вони мають створювати та підтримувати внутрішнє середовище, в якому можливе повне залучення працівників до діяльності, спрямованої на досягнення цілей готельного підприємства. Керівництво повинно виступати ініціатором інноваційних змін та підтримувати їх на всіх рівнях.

2. Орієнтація на клієнта. Готелі залежать від своїх клієнтів і тому повинні розуміти їхні поточні та майбутні потреби, виконувати їхні вимоги і прагнути до перевищення їхніх очікувань. Це повинно стати не лозунгом, а повсякденною роботою. Необхідно виявити характеристики клієнтів різних груп, для чого проводиться анкетування клієнтів, дослідження ринку послуг гостинності, аналіз конкурентних переваг.

3. Залучення усіх співробітників. У системі TQM передбачається делегування відповідальності на нижні рівні управління. За умови збільшення відповідальності рядових співробітників зростає роль зворотного зв'язку та самоконтролю. Працівники на всіх рівнях становлять основу готельного підприємства, і їх повне залучення дає змогу використовувати їх здібності на користь готелю.

4. Підготовка та підвищення кваліфікації персоналу.

5. Нагороди та визнання. Конкретні результати роботи працівників та підрозділів повинні відбиватися у матеріальному заохоченні, преміях та інших заохочувальних заходах.

6. Управління процесом. Базовим принципом TQM є концентрація зусиль на вдосконаленні конкретних процесів, що безпосередньо впливають на якість послуг гостинності. Ключовим принципом є процесний підхід, що вперше був запропонований представниками класичної школи менеджменту, які сформулювали основні функції управління, вважаючи їх необхідними для будь-якої організації. Бажаного результату досягають ефективніше, коли діяльністю та пов'язаними з нею ресурсами управляють як процесом.

7. Інформаційна система. Для нормального функціонування систе-

ми TQM необхідно розробити та впровадити інформаційну систему, що дозволяє збирати, накопичувати, зберігати та використовувати дані, інформацію та знання. Для ефективної роботи будь-якої організації необхідно здійснювати оперативний обмін управлінською інформацією, її обробку, надійне зберігання та підтримку в актуальному стані.

8. Аналізувати та переймати кращій досвід. Одним з дійових інструментів підвищення якості та покращення системи управління готелем є визначення та використання кращого досвіду інших вітчизняних та закордонних підприємств готельної індустрії (бенчмейкінг).

Таким чином, формування якості послуги гостинності повинно здійснюватися на основі багаторічного формування політики та системи управління якістю готельного підприємства. Ця система має базуватися на стандартах і принципах Total Quality Management та враховувати: лідерську роль керівництва в усіх інноваційних процесах; орієнтацію на потреби та вимоги клієнта; залучення персоналу до вирішення задач підвищення якості послуги гостинності; стимулювання, розвиток та підвищення кваліфікації персоналу; впровадження процесного підходу до управління; широке впровадження інформаційних технологій в управлінську діяльність та інші сфери функціонування готельних підприємств; поширення спілкування з клієнтами за допомогою Internet; кращій досвід вітчизняних та іноземних підприємств готельної індустрії.

Список літератури

1. Довбенко О. М. Податкове стимулювання інвестицій в туристичний комплекс України / О. М. Довбенко // Формування ринкової економіки : наук. зб. КНЕУ. – 2007. – № 6. – С. 80–85.
2. Решетняк Е. Современные методы управления предприятием сферы услуг / Е. Решетняк. – Харьков : Фактор, 2008. – 544 с.
3. Туризм и гостиничное хозяйство : учебник / под ред. А. Д. Чудновского. – М. : Ассоц. авторов и издателей «Тандем», 2000.
4. Хаксевер К. Управление и организация в сфере услуг / К. Хаксевер ; пер. с англ. под ред. В. В. Кулибановой. – СПб. : Питер, 2002. – 752 с.
5. Шматько Л. П. Туризм и гостиничное хозяйство : учеб. пособие / Л. П. Шматько. – 2-е изд. – М. : ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д : ИЦ «МарТ», 2005. – 352 с.

УДК 314.83:33

*Л. І. Комір***СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ НАСЛІДКИ
ДЕМОГРАФІЧНОЇ КРИЗИ****Резюме**

В статье рассмотрены современные особенности развития взаимосвязи экономических и демографических факторов; проанализированы количественные характеристики демографических процессов, влияющих на развитие экономической системы; предложены меры по устранению социально-экономических последствий демографического кризиса.

Summary

The article deals with the problem of modern peculiarities of the development of economic and demographic factors interrelations; quantitative characteristics of demographic processes influencing on the economic system development are analysed; stabilization efforts to eliminate socio-economic consequences of demographic crisis are proposed.

Ключові слова: соціально-економічний розвиток, макроекономічні показники, статистична інформація, демографічні фактори, депопуляція.

Вивчення проблем взаємозв'язку економічних та демографічних факторів має давню історію: від докапіталістичної епохи, коли демографічна динаміка пояснювалася природною та біологічною зумовленістю, до сучасності, коли практично загально визнаним є те, що майбутнє світової цивілізації визначається насамперед «людським фактором». Тому необхідно враховувати вплив цього фактора на всі сфери життя суспільства.

Визначенню оцінки співвідношення чисельності населення та розвитку населення присвячено роботи філософів – від Конфуція до С. Фортрея, класиків політичної економії А. Смита та Д. Рікардо. Висновки, які роблять автори досліджень, дуже суперечливі. Одні вважають, що основу могутності та багатства держави становить саме велика кількість населення, в тому числі працездатного населення. Прихильники іншої точки зору у швидкому збільшенні кількості населення вбачають загрозу, пов'язану з «демографічним тиском на

засоби існування». Сучасні реалії демографічної ситуації України вимагають розв'язання цього протиріччя.

Процеси соціально-економічного розвитку у взаємозв'язку з демографічними факторами є предметом досліджень вітчизняних учених: Е. Лібанової, І. Прибуткової, В. Стешенко та ін.

Метою статті є визначення особливостей прояву демографічної кризи в Україні та напрямків їх подолання в сучасних умовах.

Демографічна ситуація, як відомо, описується значеннями показників чисельності населення та його динаміки, коефіцієнтами природного та механічного приросту населення, рівнем очікуваної тривалості життя та ін. [1].

Проведений нами аналіз офіційних даних національної статистики [4] свідчить про більш загрозливі рівні демографічних показників в Україні у порівнянні з європейськими країнами, де мають місце схожі тенденції розвитку населення.

Систематичне зменшення абсолютної чисельності населення певної території має назву депопуляція. Особливістю цього процесу в Україні є, з одного боку, низький (порівняно з розвиненими країнами) рівень народжуваності, з другого – катастрофічно високий (притаманний слаборозвиненим країнам) рівень смертності. Коефіцієнт депопуляції, що визначається співвідношенням чисельності померлих та народжених, за роки незалежності збільшився у два рази.

Депопуляція змінює не тільки чисельність населення, але й пропорції між різними елементами демографічної структури.

Однією з важливих змін у демографічній структурі населення світу є зростання частки людей похилого віку (понад 80 років). У 1955 р. цей показник становив 0,6%, у 1990 р. – 1% населення світу. У промислово розвинених країнах Заходу частка людей похилого віку вже перевищує 2,5% населення. Це означає, що медичні витрати цієї групи країн будуть зростати. Зміни у віковій структурі населення знаходять відображення в коефіцієнті демографічного навантаження. Він визначається як відношення сумарної чисельності людей молодшого та пенсійного віку до чисельності працездатного населення. Загальною тенденцією другої половини ХХ ст. було підвищення, а з 1975 р. – зниження зазначеного показника: від 75,2% у 1975 р. до

62,4% у 1995 р., тобто на кожні 100 чоловік працездатного віку доводилося 63 людини непрацездатного віку. У 2001 р. в Україні аналогічний показник свідчив про те, що 90 працюючих повинні забезпечити 100 пенсіонерів. Досягнення успіхів у зниженні смертності і продовженні тривалості життя буде супроводжуватись прискоренням процесу старіння населення. За прогнозами спеціалістів, у 2050 р. кожен працюючий повинен буде утримувати 5–6 непрацездатних.

Зростання частки осіб пенсійного віку формує специфічні потреби у товарах і послугах, житлі, медичному та соціальному обслуговуванні та призводить до збільшення споживання суспільних ресурсів на соціальне забезпечення в старості. За умов обмеженості таких ресурсів поширюється бідність та поглиблюється соціальна нерівність за віком. Бідність населення похилого віку обумовлює посилення тиску осіб пенсійного віку на ринок праці та додаткові матеріальні обов'язки працездатних контингентів. Держава залишиться перед вибором: або підвищити податки, або скоротити пільги, або і те, і інше. Саме це надзвичайно ускладнює забезпечення достатнього рівня пенсійних виплат.

За словами експерта Центру перспективних досліджень Олександра Жолудя, необхідність проведення пенсійної реформи на сьогодні очевидна: «Насправді всі розуміють, що пенсійну реформу потрібно було проводити навіть не вчора, а позавчора. Адже проблеми у сфері пенсійного забезпечення України – це питання недалекого майбутнього. Це питання нинішніх реалій. На сьогоднішній день витрати Пенсійного фонду більші, ніж його доходи. Дефіцит покривається за рахунок держбюджету. Але очевидно, що з кожним роком ситуація буде погіршуватися» [2].

Враховуючи вищезазначені тенденції розвитку вікової структури населення, з часом Пенсійний фонд потребуватиме все більше бюджетних коштів. У найближчі десятиліття, за оцінками спеціалістів, видатки промислово розвинених країн на пенсійне забезпечення та соціальні пільги зростуть у 2–3 рази. В Україні це призведе до погіршення фінансування освіти, науки та інших сфер.

З соціальної точки зору, зміни у співвідношенні поколінь впливають на міжпоколінні відносини у суспільстві, зокрема, загострюють

антагонізм між молоддю та літніми особами, платниками податків та пенсіонерами.

Не менш загрозливою демографічною проблемою сучасної України є суттєве відставання від розвинених європейських країн за показником очікуваної тривалості життя. За даними ВООЗ, у 2002 році за цим показником наша країна відставала від країн Центральної та Східної Європи (ЦСЕ) на 5,5, а від країн Євросоюзу – на 10,9 року. Надлишкова передчасна смертність (до 65 років) обумовлює втрату майже 11 років загальної тривалості життя, що на 3 роки більше, ніж у країнах ЦСЕ, і на 6 років більше, ніж у країнах ЄС. Різниця у тривалості життя чоловіків і жінок в Україні перевищує 11 років, тоді як в економічно розвинених країнах цей показник становить 5–6 років.

Крім природного руху населення, на масштаби депопуляції впливають міграційні процеси. У зв'язку з неможливістю швидкого зростання народжуваності у державах, які відчувають наслідки депопуляції, влада вимушена компенсувати скорочення чисельності свого населення прибуттям населення зовні.

З 2005 р. до теперішнього часу [4] кількість прибулих до України перевищує кількість вибулих. Слід згадати, що майже всі демографічні проблеми найбільше виявляються серед населення великих міст. Так само у містах негативно позначаються наслідки імміграції. Проблема загострюється, бо міське населення в Україні становить близько 70% загальної кількості населення.

Серед фахівців існує багато протилежних думок щодо наслідків міграційних процесів. Наприклад, Рабл Блер [5] пропонує термін «капітал різноманітності», який означає здатність міста залучати до своєї життєдіяльності нових іммігрантів. Як і економічний капітал, цю здатність можна накопичувати, а можна і втратити.

Позитивним прикладом імміграційних процесів є Німеччина, яка залучає мігрантів задля розв'язання проблеми забезпечення економіки робочою силою.

На нашу думку, імміграція створює реальні та потенційні загрози фактично будь-якому аспекту національної безпеки України. Вона спотворює соціальну, демографічну, територіальну структуру, загострює конкуренцію на місцевих ринках праці та житла, створює цілі

сектори зайнятості, які не мають законодавчого регулювання, викликає соціальну напругу.

Для подолання демографічної кризи та усунення її соціально-економічних наслідків необхідно створити умови для відтворення населення, темпи якого будуть наближені до динаміки демографічних показників у розвинених країнах: народжуваність, яка забезпечує простий режим відтворення; низька смертність; зростаюча тривалість життя. Крім цього, необхідно забезпечити: підвищення рівня зайнятості населення на основі створення сприятливих умов для розвитку підприємництва; податкові пільги родинам з двома та більше дітьми; моніторинг трудової міграції та мобільності робочої сили; виховні заходи, спрямовані на збереження інституту родини та на формування потреби в дітях.

Список літератури

1. Дорошенко Л. С. Демографія : навч посіб. для студ. вищ. навч. закл. / Л. С. Дорошенко. – К. : МАУП, 2005. – 112 с.
2. Жолудь А. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://fakty.ua/134586>
3. Терець В. Природний рух населення й депопуляція в Україні на тлі європейської демографічної ситуації / В. Терець // Україна: аспекти праці. – 2010. – № 4. – С. 19–23.
4. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/>
5. Rouble Blair A. Creating Diversity Capital : Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv / Blair A. Rouble. – Washington, D. C. : Woodrow Wilson Center Press ; Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2005. – 267 p.

Е. В. Жуковская

ФАКТОР ДОВЕРИЯ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Резюме

У статті досліджено механізм впливу фактора довіри на розвиток ринкових інститутів. Розкрито специфіку зміни неформальних норм поведінки в контексті трансформації економічної системи. Проаналізовано способи реалізації та значення довіри в організації і координації економічних відносин.

Summary

The article sets out to analyze the mechanism of the trust factor influence upon the market institutions development. Specific features of the informal behavioral norms changes within the context of the economic system transformation have been revealed. The ways of realizing and the significance of trust in the organization and coordination of economic relationships have been analyzed.

Ключевые слова: доверие, норма доверия, институт доверия, экономические институты, трансформационная экономика, институциональные изменения.

Проблематика становления рыночных институтов в условиях трансформации хозяйственной системы моделируется достаточно трудно. Инверсионный характер институциональных изменений в Украине обусловил значительное расхождение процессов формальной и реальной институционализации. При этом речь идет не об интенсивности данных процессов, а о различии их внутреннего содержания, механизмов осуществления и значимых факторов. Под формальной институционализацией, в первую очередь, понимается создание правового поля, регулирующих институтов и сети организаций, представляющих реализацию конкретного рыночного института. Реальная же институционализация показывает, как созданная формальная структура позволяет институту выполнять свои естественные функции в хозяйственной системе, насколько она соответствует неформальным институтам данного общества. Неформальные нормы поведения являются критическими факторами качественной

составляющей институциональных трансформаций, и именно они наименее подконтрольны государству. Как отмечает Д. Норт: «Хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к пониманию пути исторического развития» [3, с. 21].

Для формирования гармоничных социально-экономических отношений, соответствующих хозяйственной системе рыночного типа, необходима корреляция формальных и неформальных институтов. Одним из основополагающих неформальных институтов, отражающих специфику организации отношений внутри различных хозяйственных систем и требующих детального изучения, является институт доверия.

Целью данной статьи является выявление и анализ механизмов влияния фактора доверия на становление и развитие рыночных институтов в условиях трансформации экономической системы.

Исторически, в силу своей специфики, феномен доверия исследуется широким спектром гуманитарных наук (социология, психология, политология, философия, экономика), а также на их стыках. Методологический материал изучения доверия, разработанный в рамках комплекса гуманитарных наук, является основой для понимания сущности проявления данного феномена в сфере экономических отношений, его функции и места в хозяйственной системе.

Современные концепции доверия представлены в работах Б. Мисштал, А. Селигмена, П. Штомпки, Крамера, Тайлера, Ф. Фукуямы, К. Оффе, Г. Моллерина, Л. Зуккер, Колемана, Патнэма и др. С позиции политической экономии и теории общественного развития, доверие – ключевой атрибут гражданского общества, фактор легитимности правительства и политических институтов и индикатор социального единства (Патнэм, Ф. Фукуяма и др.). В пределах экономики, экономической социологии и теории организации доверие отражает стратегии, используемые в межфирменных и организационных отношениях.

Для анализа механизмов становления институтов рыночной системы хозяйствования особенно актуальна сформулированная П. Штомпкой концепция «культурной травмы» посткоммунистического общества. Вопреки распространенному мнению об уникальности перехода от коммунизма к капитализму и отсутствию прецедентов для теории трансформации, автор считает, что, несмотря на уникальность процесса, он протекает по универсальным законам. Атрофия моральной связи сопутствует периодам быстрых изменений. В частности, внезапному расширению подвергается сфера неуверенности, риска и угрозы, увеличивается непрозрачность структур и организаций, проявляется нормативная аномия, хаотичность и несогласованность старых и новых законов. Это порождает кризис доверия, как горизонтального – к другим, так и вертикального – к общественным институтам, ведя к культуре цинизма.

Анализируя симптомы и возможные пути преодоления культурной травмы, П. Штомпка отмечает, что, хотя организационный каркас и институты демократического капитализма созданы достаточно быстро, для устойчивого развития посткоммунистического общества должны преуспеть в культурной трансформации. Их базовая проблема связана с тем, что сфера культуры инертна, меняется гораздо медленнее и сопротивляется переменам гораздо сильнее, чем любая другая область [6, с. 4].

В экономических терминах доверие представляется частью социально-экономического генотипа как информационного механизма, обеспечивающего воспроизведение структуры и принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и передачи положительного опыта) в данной общественно-экономической системе [7, с. 59]. Фундаментальная способность общества к проявлению доверия обусловлена исторически и является предпосылкой восприятия институциональных нововведений, их органического включения в институциональную структуру общества и трансформации всей системы хозяйствования. Так, в работах Р. Дора и Ф. Фукуямы доверие признается необходимым элементом жизнеспособности и стабильности экономических систем, существенным фактором экономического роста и способности к институ-

циональным инновациям [4; 5]. Данный подход перекликается с трактовкой доверия как проявления коллективной памяти общества [1].

Являясь исторически детерминированным и носящим отпечатки специфики пройденного пути развития конкретного общества, в экономике доверие реализуется в процессе совершения трансакций. Поэтому различные аспекты влияния доверия на существенные параметры трансакций занимают особое место при исследовании феномена доверия в рамках экономической науки. Прежде всего, доверие рассматривается как элемент обоснования целесообразности осуществления трансакции. Не вступая в противоречие с принципом целеполагания экономической деятельности, доверие значительно расширяет спектр доступных альтернатив и дополняет возможности рационального расчета.

С позиции институциональной экономики в системе экономических отношений доверие проявляется как неформальная норма поведения. Исследуем специфику реализации доверия в системе экономических отношений в зависимости от степени институционализации данной нормы. Если данная норма получает широкое распространение и подкрепляется внешними механизмами принуждения к исполнению, то доверие становится неформальным институтом, оказывающим значительное влияние на способ организации хозяйственной системы (табл. 1).

Как инструмент упорядочивания социально-экономических отношений норма доверия частично снимает неопределенность в поведении экономических агентов, предлагая стереотипы поведения в определенных ситуациях, на межличностном уровне взаимодействия, при взаимодействии с хозяйствующими субъектами (формирование деловой репутации и лояльности) и институтами (в том числе с государством).

Когда норма доверия находит внешнее подкрепление к исполнению, она закрепляется в системе социально-экономических отношений и становится общеобязательным механизмом организации хозяйственной системы. Механизм принуждения может носить как явный характер (прямое действие вспомогательных институтов), так и быть следствием невозможности другого поведения в данной ситуации

Таблиця 1

**Реализация и роль доверия
в системе экономических отношений**

Параметр сравнения	Норма (правило)	Институт
Базовое (принимаемое) содержание понятия	Модели или образцы поведения, говорящие о том, как следует себя вести в той или иной ситуации	Совокупность, состоящая из правила и внешнего механизма принуждения индивидов к исполнению этого правила
Специфика реализации доверия	Проявление доверия становится общепринятым и ожидаемым поведением в определенной ситуации, имеет внутренний механизм принуждения (со стороны самих субъектов)	Обязательность проявления доверия в соответствующих ситуациях подкрепляется механизмом внешнего принуждения к исполнению в виде возможности применения санкций со стороны третьих лиц
Роль доверия в координации действий экономических агентов и организации экономической системы	Норма доверия выступает как инструмент упорядочивания социально-экономических отношений, вырабатывается эволюционным путем и глубоко специфична относительно объекта доверия	Институционализированный вид доверия становится преобладающим механизмом координации и организации социально-экономических отношений, предопределяя тип хозяйственной системы

(обусловленной деятельностью других рыночных агентов). Таким образом, утверждение определенного типа хозяйственной системы обусловлено институционализацией соответствующего типа доверия.

В условиях трансформации хозяйственной системы наблюдаются одинаково низкие уровни как обобщенного, так и институционального доверия. Для стран с переходной экономикой альтернативой, позволяющей выйти из кризиса недоверия и создать эффективные рыночные институты, может стать построение доверия по схеме

«персонифицированное – институциональное – обобщенное». Основываясь на персонифицированных связях в процессе осуществления экономических взаимодействий, субъекты хозяйствования постепенно адаптируются к новым институциональным условиям, вырабатывают новые нормы поведения, корреспондирующие с рыночными институтами. Обеспечив первый контакт с хозяйствующим субъектом – представителем института, неформальные связи в качестве основания доверия уступают место эффективной работе самой организации, с дальнейшим переносом доверия на институт.

Признавая ключевую роль организаций в процессе институциональных изменений, следует отметить, что в условиях кардинальной трансформации хозяйственной системы влияние деятельности организаций на становление рыночных институтов имеет иной характер. Критическим фактором развития рыночных институтов в переходной экономике является доверие. Процесс формирования институционального доверия напрямую зависит от качества деятельности организаций как представителей соответствующих институтов. И только неоднократно получив положительный опыт взаимодействия с организациями, субъект будет способен расширить объект своего доверия до абстрактных рамок института. Можно говорить о реальной институционализации рыночной системы хозяйствования только тогда, когда доверие таким ее неотъемлемым элементам, как институты денежно-кредитного, страхового, фондового рынка, перестанет быть объектом ежедневного выбора, а войдет в рутину, т. е. будет подкреплено неформальными нормами поведения.

Однако в трансформационных условиях данная задача осложняется еще и дефицитом субъектности хозяйственной системы. Проблема рассогласованности интересов предприятий и интересов их собственников и работников описана М. Р. Нуревым понятием «экономика физических лиц». Экономическая деятельность хозяйствующих субъектов предопределяется не системой формальных процедур, рациональных расчетов и применением рыночных механизмов, а ставится в зависимость от конкретных лиц, представляющих данную организацию (как руководящего звена, ответственного за принятие управленческих решений, так и персонала в «точках доступа»),

исполнителей, выполняющих репрезентативную функцию и значительно влияющих на деловые отношения организации). В условиях небольшого опыта и еще не выработанных навыков координации в рамках рыночной системы хозяйствования актуализируется фактор доверия. Сети доверия определяют направления и характер экономических взаимодействий, векторы финансовых потоков и тенденции развития различных сфер хозяйствования.

Таким образом, проявление доверия неразрывно связано с институциональной структурой общества. Как пишет Н. В. Василенко: «Степень доверия населения к действующим в обществе формальным институтам может рассматриваться как обобщенная, интегральная характеристика эффективности и качества институциональной среды. На макроуровне степень доверия характеризуется такими показателями, как «теневи́зация», «долларизация» экономики, криминализация общества, низкий уровень инвестиций, отток из страны интеллектуального капитала и выражается в таком понятии, как социально-экономическая стабильность» [2, с. 21]. Мы предлагаем рассматривать институт доверия не просто как внешний индикатор, а как внутренний фактор становления и развития институтов рыночной системы хозяйствования. Трансформация персонифицированного доверия и доверия к отдельным субъектам хозяйствования в институциональное описывает процесс реальной институционализации рыночных институтов.

Список литературы

1. Rothstein В. Trust, social dilemmas, and the strategic construction of collective memories [Электронный ресурс] / В. Rothstein. – Режим доступа: <http://www.russellsage.org/publications/workingpapers>
2. Василенко Н. В. Доверие как интегральный показатель качества институциональной среды / Н. В. Василенко // Наукові праці ДонНТУ. – 2009. – Вип. 37–2. – С. 20–24.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997. – 180 с.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ.]. – М. : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 730 с.

5. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Дж. Ходжсон ; пер. с англ. – М. : Дело, 2003. – 464 с.

6. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социол. исслед. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

7. Яременко О. Л. Переходные процессы в экономике Украины: институциональный аспект / О. Л. Яременко. – Харьков : Основа, 1997. – 182 с.

Е. Ф. Пелихов

КРЕДИТОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА И ОЦЕНКА ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Резюме

Запропоновано методи оцінки впливу кредиту на показники економічної ефективності інвестиційного проекту.

Summary

Methods of assessing the credit impact on an investment project performance have been suggested.

Ключевые слова: инвестиции, экономический эффект, показатели, обоснование, кредит, влияние, денежный поток, выбор.

Известно, что использование займов является вынужденной мерой и всегда приводит к уменьшению результативности инвестирования. В специальной литературе влияние займов на экономическую эффективность проектов рассмотрено недостаточно. Особенно это касается методов оценки влияния условий кредитования на специфику методов расчета таких важнейших показателей эффективности проектов, как чистый денежный поток, индекс доходности, внутренняя норма доходности.

Теоретические аспекты кредитования бизнеса достаточно полно изложены в специальной литературе. В то же время, как правило, экономические обоснования целесообразности кредитования бизнеса выполняются на основе бухгалтерских данных и не всегда связаны с финансовыми оценками экономической эффективности бизнеса в целом и отдельных направлений его совершенствования. Как известно, в инвестиционных расчетах могут быть использованы и реально применяются два вида оценок: статическая, основанная на использовании бухгалтерской информации и не учитывающая фактор времени, и динамическая, в которой этот недостаток устранен. Соответственно, применяются и разные оценочные показатели экономической эффективности инвестиций или их составляющей – капиталовложений [1].

Оценки экономической эффективности, выполненные традиционным методом с использованием данных бухгалтерского учета, и финансовые расчеты эффекта с учетом фактора времени не только могут давать разные результаты, но и зачастую приводят к противоположным выводам. В то же время в экономической литературе по оценке эффективности инвестиций и в публикациях по инвестиционному анализу в недостаточной мере рассмотрены вопросы оценки влияния займов и порядка их погашения на результативность инвестиционных проектов и решений.

Как и для любого вида бизнеса, экономическая эффективность финансирования, а в случае недостатка капитала и кредитования инвестиционных проектов, зависит от ряда факторов, в том числе:

1) структуры инвестиций, измеряемой долей заемного капитала в общей их сумме;

2) ссудного процента, если заем берется из одного источника, или цены капитала, если используются разные источники финансирования;

3) периода кредитования, связанного с видом кредита – кратко-, средне-, долгосрочный;

4) размеров генерируемых проектом годовых денежных потоков $ДП_t$ и их распределения по годам расчетного периода: чем больше значение этих потоков по годам реализации проекта и чем раньше притоки денежных средств получены, тем выше финансовые показатели эффективности реализуемых инвестиционных решений [2].

Кредитование с целью инвестирования проекта представляет собой отсрочку вложения денежных средств на период возврата кредита T_f . В течение этого времени погашается сумма займа (тело кредита) и уплачиваются проценты за кредит $П_{кр}$. Платежами за предоставление услуг банка далее пренебрегаем ввиду их малости. Они, как и проценты за кредит, уменьшают сумму экономического эффекта, измеряемого чистым денежным потоком $ЧДП$. Значение процентов за кредит $П_{кр}_t$ в t -м году расчетного периода T , несмотря на то, что оно входит в денежный поток t -го года со знаком минус, подлежит обложению налогом. Это определяется двумя обстоятельствами: первое – в денежный поток t -го года $ДП_t$ (или его прирост

$\Delta\Pi_t$) включается чистая прибыль (или ее прирост ΔPr_q), а не текущие издержки или их изменение, которыми являются платежи за кредит; второе – все изменения текущих издержек включаются в прирост чистой прибыли и подлежат налогообложению.

Отметим, что определение сравнительного экономического эффекта на основе так называемого приростного подхода к расчету экономических показателей означает, что использование кредита приведет к изменению такого эффекта (рост, со знаком плюс, и уменьшение, со знаком минус). Следовательно, «цена» отсрочки инвестирования – это рост текущих затрат, к которым, по действующим нормативным документам, относятся проценты за кредит, приводящие к росту себестоимости ΔC и определенному уменьшению чистой прибыли $\Delta Pr_q = \Delta C \cdot h$, где h – коэффициент, учитывающий налог на прибыль. При ставке налога на прибыль $C_{нал} = 23\%$ коэффициент налогообложения равен $h = 1 - 23/100 = 0,77$. При росте любых текущих затрат, на сумму ΔPr_q уменьшается денежный поток соответствующего года.

На рис. 1 приведены графики движения денежных потоков инвестиционного проекта для двух возможных случаев погашения кредита и соответствующие им формулы расчета экономического эффекта от проекта.

На рис. 1 приняты следующие обозначения:

I_0 – разовые инвестиции, потребные для реализации проекта;

Kp – кредит, равен недостающей сумме инвестиций;

$B_{крт}$ – размер погашения тела кредита в t -м году;

$\Delta\Pi$ – денежный поток года (для простоты принимается постоянным);

Pkr_t – выплата процентов за кредит в t -м году;

T_1 – период погашения тела кредита; на рисунке $T_1 = 3$;

E – ставка дисконтирования.

Значение абсолютного показателя экономического эффекта, измеряемого чистым денежным потоком $\Delta\Pi$, составит:

1) при разовом погашении кредита для примера принят период возврата займа $T_1 = 3$ года, при этом денежные потоки и проценты за

		$-P_{кр} \cdot h$	$-P_{кр} \cdot h$	$-P_{кр} \cdot h$		
	$-(I_0 - K_p)$	ДП	ДП	$-K_p$ ДП	...	ДП
а)	0 (E, %)	1	2	3	...	T

		$-P_{кр1} \cdot h$	$-P_{кр2} \cdot h$	$-P_{кр3} \cdot h$		
	$-(I_0 - K_p)$	$-B_{кр}$ ДП	$-B_{кр}$ ДП	$-B_{кр}$ ДП	...	ДП
б)	0 (E, %)	1	2	3	...	T

Рис. 1. График движения денежных потоков:

а) при разовом погашении кредита; б) при погашении кредита равными частями

кредит представляют собой аннуитеты. Экономический эффект равен сумме слагаемых:

$$ЧДП = ДП_{тканT} - \sum_1^{T_1} P_{крt} h_{канT_1} - B_{кр} k_{\partial T_1} - (I_0 - K_p);$$

2) при погашении тела кредита частями (условно принятыми равными). При этом период кредитования тот же, а проценты за кредит уменьшаются по годам. Экономический эффект составит:

$$ЧДП = ДП_{тканT} - \sum_1^{T_1} P_{крt} h_{k_{\partial t}} - \sum_1^{T_1} B_{кр} k_{\partial T_1} - (I_0 - K_p).$$

Особый интерес представляют методы расчета относительного показателя экономической эффективности инвестиций – индекса доходности. Для бездолговых денежных потоков он определяется по формуле: $ИД = 1 + ЧДП/I_0$. При взятии кредита разовые инвестиции следует заменить на суммарные дисконтированные, так как использование заемных средств приводит к рассредоточению

інвестицій, в залежності від умов кредитування, по роках розрахункового періода – в інтервалі $t = 0, 1, 2, \dots, T_1$. При цьому сумарні дисконтовані інвестиції I_δ будуть менше, ніж їх первісна сума, в зв'язі з тим, що сумми повертів кредиту підлягають дисконтуванню. З урахуванням викладеного, пропонуємо такий метод розрахування індексу доходності: $ИД = 1 + ЧДП / И_\delta$. При разовому поверті кредиту в кінці періода кредитування сумарні дисконтовані інвестиції рівні сумі: $I_\delta = I_0 + Kp \cdot k\delta_{T_1}$. При розподілі виплат тіла кредиту по роках періоди кредитування сумми повертів можуть бути як рівними по величині (аннуїтетами), так і змінними. В першому випадку такі інвестиції складуться $I_\delta = I_0 + Bkp \cdot k_{ан}$, де $k_{ан}$ – коефіцієнт дисконтування аннуїтета

для розрахункового періода T_1 . Во другому – $I_\delta = I_0 + \sum_1^{T_1} Bkpt \cdot k\delta_t$.

Викладене вище приводить до наступних висновків:

1) в розрахунках будь-яких показателів економічної ефективності інвестиційних проєктів необхідно зменшувати сумму разових інвестицій на сумму разового кредиту;

2) замість разових інвестицій в розрахунках таких показателів слід в якості інвестицій застосовувати їх сумарне дисконтоване значення, яке залежить від умов погашення кредиту;

3) відсотки за кредит зменшують грошові потоки років, в яких вони виплачувались; ці відсотки повинні в фінансових розрахунках об'єктуватися податком на прибуток, так як включаються не в чисту прибуток (складовою грошового потоку), а в податкооб'єктовану;

4) використання позиченого капіталу при значущій «ціні» цього джерела фінансування також може зменшувати ефективність проєкту, так як ставка дисконтування при цьому може зрости.

Список літератури

1. Пелихов Е. Ф. Економічна ефективність інновацій / Е. Ф. Пелихов ; Нар. укр. акад. – Харків : Изд-во НУА, 2004. – 144 с.
2. Сумець А. М. Купити або виготовити самостійно / А. М. Сумець, Е. Ф. Пелихов // Логістика. Проблеми і рішення. – 2007. – № 2. – С. 32–46.

УДК 349.2 (477)

О. М. Олійник

РЕФОРМА У СФЕРІ ОПЛАТИ ПРАЦІ НА ПОЧАТКУ 1930-х рр. В УКРАЇНІ

Резюме

В статті проаналізована діяльність державних органів і профсоюзів в сфері оплати праці в першій половині 1930-х гг. в Україні. Акцентовано увагу на тому, що основна мета реформи в оплаті праці в початку 30-х гг. ХХ ст. – забезпечення зростання продуктивності праці за рахунок зменшення реального розміру зарплати.

Summary

Analyzed activity of public organs and trade unions in the sphere of payment of labor in the first half 1930-th in Ukraine. The accented attention is on that a primary purpose of reform of payment of labour at the beginning of 30-th XX century was in providing of considerable increase of the labour productivity due to diminishing of rates of increase of real payment of labour.

Ключові слова: оплата праці, профспілки, органи праці, комісаріат праці, продуктивність.

Практично всі роки радянського періоду йшов пошук найбільш прийнятних способів оплати праці. І хоч офіційно декларувався принцип «неухильного підвищення добробуту трудящих», на практиці це могло бути зовсім по-іншому. Все залежало від конкретної економічної ситуації й тих завдань, які вирішувало в цей момент керівництво країни.

Наприкінці 1920-х рр. «соціалістична індустріалізація» перейшла із площини теоретичних дискусій у практичне втілення. Разом з перебудовою промисловості йшла своєрідна реформа заробітної платні. Фактично вона мала на меті – зекономити на оплаті праці, що було однією з умов індустріалізації.

Розвиток інституту «оплата праці» в 30-ті роки належить до достатньо малодосліджених наукових проблем. Це пояснюється тим, що починаючи з другої половини 1930-х років об'єктивне висвітлення цього періоду було під забороною, і більш-менш повні наукові дослідження починають з'являтися тільки з 1991 року, тобто після розпаду СРСР. Серед робіт, які з'явилися в цей час і були присвячені вивченню

деяких аспектів обраної теми, можна виділити наукові праці Божко В. М. [1], Журавльова С. В. та Мухіна М. Ю. [4], Іванова С. А. [5], Ільюхова О. А. [6], Кісільова І. Я. [7], Копайгора І. І. [9] та ін. У цих та інших працях зібраний та узагальнений певний фактичний матеріал, який дає можливість автору оцінити та критично проаналізувати наукові роботи попередників та виявити питання, які поки що залишаються не вирішеними.

Мета статті визначається актуальністю обраної теми та ступенем її наукової розробки. Головним завданням є аналіз реформи оплати праці на початку 30-х років та участь у ній державних органів, перш за все народного комісаріату праці, його місцевих органів і профспілок.

У радянські часи найбільш важливу роль мала стимулююча функція заробітної плати, особливо в 1920–30-ті рр. В цей час вона прямо була пов'язана із продуктивністю праці, а в роки перших п'ятирічок взагалі встановлюється тенденція переважного зростання продуктивності праці над збільшенням оплати праці [6, с. 8].

Характерною рисою інституту оплати праці 30-х років були численні постійні зміни в її організації. Це пояснюється як змінами в економічній ситуації, так і пошуком таких способів оплати праці, які б відповідали принципу соціальної справедливості і в той же час не дозволяли швидко їй зростати.

Одним із найбільш характерних, але невдалих заходів з пошуку оптимального способу оплати праці була саме реформа у сфері оплати праці початку 1930-х рр.

Реформа заробітної плати повинна була ліквідувати диспропорції в системі оплати праці, коли робітники однакової професії та кваліфікації отримували різну оплату праці на різних підприємствах. Відповідно де платили більше, туди й шли робітники. Внаслідок цього на одних підприємствах був гострий дефіцит робочої сили, а на інших – черга на роботу.

Дієвим засобом боротьби з такими трудовими міграціями став державний примус. Так, у разі самовільного невиходу на роботу чи переходу працівника з одного підприємства на інше відповідно до Постанови ЦВК та РНК СРСР від 15 грудня 1930 р. було встановлено

кримінальну відповідальність у вигляді позбавлення волі на строк від двох до чотирьох місяців [12]. Крім того, Постановою ЦВК СРСР від 10 січня 1931 р. у доповіді НКП СРСР були поставлені нові завдання перед державними органами у сфері праці, а саме: органи праці від механічної реєстрації робітників та відправлення на роботу повинні були перейти до активного виявлення й систематичного обліку нових ресурсів робочої сили, насамперед з числа членів родин робітників та службовців у містах [13].

Чергові ознаки зміни політики у сфері оплати праці можна простежити у виступі Й. В. Сталіна перед керівниками найбільших підприємств країни 23 червня 1931 року. Сталін закликав до «здійснення більш організованого набору працівників, ліквідації плінності кадрів та зрівнялівки в оплаті праці, упровадження у виробництво госпрозрахункових принципів, щоб забезпечити ефективність діючої економіки, змінити політику заробітної плати» [16, с. 51].

Основні тези цього виступу відомі в літературі як «шість умов товариша Сталіна» для побудови соціалізму в СРСР, вони знайшли своє відображення в безлічі тогочасних нормативних актів. Остання, шоста умова передбачала перебудову системи оплати праці. Тому в 1932–1934 рр. була проведена нова тарифна реформа, в результаті якої встановлювалася чітка та значна різниця між вищими та нижчими розрядами, вводилася преміально-прогресивна система та необмежена відрядна система [6, с. 217]. Було підвищено заробітну плату висококваліфікованим працівникам та запроваджено окремі тарифні сітки для відрядних і почасових працівників (перша була приблизно на 15% вищою за другу). Цей розрив був значно вищий у деяких галузях, наприклад, робітники «ведучих виробництв» у машинобудуванні отримували в середньому на 37% більше, ніж робітники допоміжних цехів, і на 80% порівняно з працюючими на погодинних роботах [17].

Окремі підприємства й об'єднання після виходу цієї постанови почали також переглядати встановлені тарифи й підтягувати рівень заробітної плати робітникам інших галузей народного господарства (Москва, Ленінград, Закавказзя, Україна й ін.). У результаті мала місце перевитрата фондів заробітної плати [2, оп. 1, спр. 359, арк. 312–324]. Тому Постановою РНК СРСР «Про неправильне збільшення фондів

заробітної плати на місцях» від 17 листопада 1931 р. керівникам господарських органів було заборонено при реформуванні винагороди за працю перевищувати встановлені фонди заробітної плати [14].

Завдяки цим заходам вже у першому кварталі 1932 р. більшість підприємств зуміли виконати промфінплан. Робітники взагалі підтримували перехід на відрядну систему оплати праці. Питома вага такої системи зросла в 1933 році у промисловості до 67,3% [1, с. 231]. Це зумовило відповідне зростання й середньої заробітної плати.

Вказані заходи, хоча й були економічно обумовлені, спричинили нісенітницю в оплаті праці саме на «ведучих виробництвах». Наприклад, виявилось таке відхилення в оплаті праці, як «фіктивна відрядність». Зокрема, комісія Наркомату праці України й ВЦРПС у листопаді 1932 р. обстежила шахту № 1 «Щегловка» Червоногвардійського рудоуправління і встановила, що тут відрядністю охоплено 65,9% робітників, хоча за колдоговором повинно бути не менше 72,3%. Але головним недоліком було те, що комісія знайшла ці дані дуже перебільшеними через «низький якісний рівень відрядності й наявність масових актів фіктивної відрядності» (що особливо характеризується масовим застосуванням різних доплат, питома вага яких у відрядників досягає 22% від заробітної плати).

Аналіз заробітної плати відрядників свідчить про невідповідність збільшення заробітної плати окремих кваліфікацій їх виробничій значимості, внаслідок чого створюється неправильне співвідношення в зарплаті різних професій [3, оп. 18, спр. 10, арк. 92].

Комісія «рішуче засудила» наявність у заробітній платі «масових штучних доплат, переважна більшість робітників систематично понад свій відрядний заробіток по основній роботі одержує ті або інші доплати за виконання сторонніх робіт» [3, оп. 18, спр. 10, арк. 93]. Висновки та спостереження комісії увійшли в основу спеціальної Постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про роботу вугільної промисловості Донбасу» від 8 квітня 1933 р. У ній відзначалося, що вугільні трести Донбасу, керівництво Народного комісаріату важкої промисловості й Донецький обком ВКП(б) досі не працюють по-новому: «треба змінити повністю організацію зарплати – щоб більш високу зарплату одержали не трестівські канцеляристи, а працівники в шахті» [8, с. 39–44].

Методи боротьби зі зрівнялівкою й взагалі визначення систем оплати праці встановлювала також спільна Постанова РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 21 травня 1933 р. «Про заробітну плату робітників і інженерно-технічних кіл вугільної промисловості Донбасу» [15]. Було очевидно, що заходи, запропоновані в цих постановах, були адресовані не тільки шахтарям Донбасу, а всій промисловості країни.

Тенденція до збільшення оплати праці робітників «ведучих професій» за інерцією породила прямо протилежну проблему – занадто швидке й велике за масштабами зростання зарплати окремих категорій робітників на деяких підприємствах, особливо в тих же провідних галузях. Зокрема, якщо в середньому зарплата вугільного робітника в жовтні 1931 р. становила 137 руб., то по окремих рудоуправліннях були випадки, коли забійники, кріпильники й працівники інших провідних професій заробляли по 400–600 руб. на місяць. Зауважимо для порівняння, що заробітна плата професора з 1930 р. становила 300 руб.

Таке ж становище було і в чорній металургії, де заробіток у IV кварталі 1931 р. порівняно з III кварталом виріс на 25,5% на Донбасі. Ці явища називали «перекрученнями в оплаті праці» і ліквідували, тобто зменшували зарплату на виробництвах, що вирвалися вперед.

Взагалі, створюється таке враження, що вугільна промисловість Донбасу була своєрідним випробним полігоном, соціальною «лабораторією» для визначення становища з виплатою зарплати й знаходженням способів підвищення її стимулюючої ролі в підвищенні продуктивності праці. Зокрема, 31 березня 1940 р. ухвалюється чергова Постанова РНК і ЦК ВКП(б) «Про роботу вугільної промисловості Донбасу» [11]. Причиною появи цього документа автори називають те, що керівники шахт і вугільної промисловості забули постанови 1933 р. «Більше того, всупереч зазначеним рішенням, у Донбасі допущені в організації заробітної плати, в забезпеченні інженерно-технічними кадрами підземних робіт і в керівництві роботою шахт ті ж викривлення, які були розкриті й засуджені рішеннями РНК і ЦК ВКП(б)».

Те, що навіть після 5–6-ти років керівники шахт і галузі в цілому «забули Постанови 1933 р.», свідчить, що система оплати праці, яка була запропонована ще в 1933 р., не зовсім відповідала специфіці

шахтарської праці. Але критика на адресу господарських керівників була в цілому справедливою – дійсно в період з 1934 по 1939 р. роль основної ставки в заробітній платі неухильно падала. Це на конкретних прикладах достатньо переконливо показав тогочасний голова ВЦРПС М. М. Шверник, виступаючи на II з'їзді профспілки робітників важкого машинобудування 17 жовтня 1939 р.: «Вирішальне значення в заробітку робітників зараз має прогресивка, тому що застосування її відбувається не за перевиконання норм виробітку, відповідних до державного плану, а за перевиконання норм, які не забезпечують виконання державного плану вуглевидобутку. ... А ми не повинні миритися з таким становищем, коли питома вага основної заробітної плати в загальному заробітку робітника – 30–40%, а 60–70% становить прогресивка й інші доплати. Прогресивка при цих умовах втратила своє значення, як стимул для підняття продуктивності праці» [10, с. 25–26].

Приписки при оплаті праці, про які говорив М. М. Шверник, звичайно, були порушенням існуючих норм і правил, але звертає на себе увагу їх перманентність – вони ніколи й ніде не зникають, а тільки зменшуються на окремих підприємствах або галузях. Можна констатувати, що господарники використовували приписки при оплаті праці окремим категоріям робітників для стимулювання їх праці. Інакше як пояснити їх масовість і те, що до них «так звикли». Вони були нормою й невід'ємною частиною системи оплати праці. Фактично це витрати політики економії на заробітній платі, політики стримування її збільшення й ув'язування її зі зростанням продуктивності праці.

Можна зробити висновок, що в результаті реформи заробітної плати початку 30-х рр. було введено її централізоване регулювання. Держплан встановлював ліміт зростання заробітної плати для різних галузей. У свою чергу, господарські наркомати розподіляли виділені ліміти між підвідомчими галузями, які вже, у свою чергу, розпоряджались ними на власний розсуд. Об'єднання не займалися міжрайонним плануванням зарплати, що й було головним недоліком цієї системи. Протягом 30-х років так і не було створено методологію визначення заробітної плати. Це пов'язане з тим, що сама оплата праці залежала не від економічних категорій, а від політичної волі або конкретних цілей керівництва країни в даний проміжок часу.

Тому проблема відповідності результатів праці і її матеріальної оцінки стає перманентною. Вирішити її протягом усього радянського періоду так і не вдалося.

Список літератури

1. Божко В. М. Генеза правового регулювання оплати праці / В. М. Божко. – Полтава : Полт. нац. техн. ун-т ім. Юрія Кондратюка, 2010. – 400 с.
2. Державний архів Російської Федерації (далі ДАРФ). Ф. 5451. – Всесоюзна Центральна Рада професійних спілок СРСР.
3. ДАРФ – Ф. 5515. – Народний Комісаріат праці СРСР.
4. Журавлев С. В. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии. 1928–1938 гг. / С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 115–137.
5. Иванов С. А. Российское трудовое право: история и современность / С. А. Иванов // Государство и право. – 1999. – № 5. – С. 36–45.
6. Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. / А. А. Ильюхов. – М., 2010. – 415 с.
7. Кисилев И. Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (Из истории права XX века) / И. Я. Кисилев. – М. : ИНИОН РАН, 2003. – 84 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций пленумов ЦК : в 14 т. (1898–1986) / [под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова]. – Изд. 9. – М. : Изд-во полит. лит., 1985. – Т. 6: 1933–1937. – 1984. – 431 с.
9. Копайгора І. І. Законодавство про оплату праці в Україні другої половини XIX–XX ст. (історико-правове дослідження) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / І. І. Копайгора. – Х., 2006. – 22 с.
10. Профсоюзы СССР. – 1939. – № 10–11.
11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. – М. : Политиздат, 1967. – Т. 2: 1929–1940 гг. – С. 732–737.
12. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства СССР (далі СЗ СССР) – 1930. – № 60. – Ст. 641.
13. СЗ СССР. – 1931. – № 5. – Ст. 63.
14. СЗ СССР. – 1931. – № 67. – Ст. 447.
15. СЗ СССР – 1933. – № 31. – Ст. 182.
16. Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственные строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сочинения / И. В. Сталин. – М. : Гос. изд-во полит. лит. – Т. 17. – 1946. – 428 с.
17. Постановление ВЦСПС и ВСНХ СССР от 21 сентября 1931 г. «О перестройке системы зарплаты в металлургии и угольной промышленности» // Труд. – 1931. – 23 сент.

Студентська трибуна

УДК 821.111'373.21'255.4

Ю. А. Олейник

ПЕРЕДАЧА ГОДОНИМОВ (на матеріалі книг Дж. Роулінг «Гаррі Поттер»)

Резюме

Стаття присвячена проблемам перекладу власних назв на прикладі передачі російською та українською мовами англійських годонімів (вид топоніма, що позначає назву вулиці) в літературному творі «Гаррі Поттер». Проаналізовано сім прикладів, при розгляді яких виявлено основні перекладацькі стратегії, використані в українських та російських варіантах тексту: транслітерація, напівкалька, буквальный переклад, генералізація.

Summary

This article deals with the problems of proper names translation (English street names – hodonyms, one of the toponyms types) into Russian and Ukrainian languages based on the literary work «Harry Potter». Seven cases have been analyzed. The main translation strategies used in Ukrainian and Russian versions of the text have been identified, namely transliteration, half-calque, literal translation, generalization.

Ключевые слова: годоним, транслітерація, полукалька, генералізація, неадекватный перевод, буквальный перевод.

Объектом исследования является проблема передачи английских годонимов на украинский и русский языки. *Предметом исследования* является передача английских годонимов при переводе текстов жанра фэнтези. *Цель исследования* – определить особенности передачи годонимов с английского на русский и украинский языки, а также выявить используемые переводческие приемы. *Актуальность исследования* объясняется широкой популярностью жанра фэнтези (достаточно привести пример, нашумевшую сагу о вампирах – «Сумерки» – американской писательницы Стефани Майер, или знаменитые «Дозоры» россиянина Сергея Лукьяненко и др.) и спросом на качественные переводы на данную тему. Новизна статьи, на наш взгляд, заключается в комплексном анализе стратегий передачи годонимов. *Методы исследования* – переводческий анализ.

Материалом исследования служат оригиналы книги серии «Harry Potter» на английском языке, а также их русский и украинский переводы.

Первый вариант годонима, рассматриваемый в нашей статье – *Magnolia Crescent*, который встречается на страницах книги «Harry Potter and the Order of the Phoenix» [18]. Русский вариант перевода – *улица Магнолий*, а украинский – *алея Магнолій*. Согласно словарю С. Ожегова, «Улица – это пространство между двумя параллельными рядами домов в населенных пунктах для прохода и проезда // Два параллельных ряда домов с проходом, проездом между ними»; «Аллея – это дорога (в саду, парке) с рядами деревьев, посаженных по обеим ее сторонам» [13]. *Crescent* – понятие, присущее почти исключительно английской культуре (кривая, дугообразная, изогнутая улица с рядом домов) [14, с. 362]. Поэтому русские переводчики решили совсем не передавать ту самую «изогнутость и дугообразность», предложив нейтральный вариант: «улица». Украинские переводчики дали *Magnolia Crescent* как *аллею*, что вносит дополнительные значения в текст. Можно предположить, что наверняка переводчики предпочли не эксплицировать понятие *crescent* по причине трудности такой экспликации, при этом русские использовали прием генерализации значения, а украинцы – прием замены. И те, и другие пожертвовали национальным колоритом.

Не менее интересен случай с *Magnolia Road*, которая находится рядом с *Magnolia Crescent*. На наш взгляд, украинский вариант передачи – *дорога Магнолій* – далек от адекватности, ведь таких названий улиц в украинской топонимике нет. Здесь мы наблюдаем пример буквального перевода (который, как мы увидим далее, оказался вообще свойственным украинскому варианту произведения): лексема «*road*» означает «дорога», «путь», «шоссе» или «улица», «мостовая, проезжая часть». А вот русское *шоссе Магнолий* можно считать вполне адекватной передачей годонима: в русской культуре встречаются улицы с названием «шоссе», – примером может послужить известное «шоссе Энтузиастов» в Москве. Определение «шоссе» по словарю: «всякая дорога с твердым покрытием» [13].

Следующее название улицы – *Privet Drive* – звучит как *Тусовая*

улиця у И. В. Оранского и М. Д. Литвиновой, и как *Оградный проезд* – у Ю. Мачкасова. Вообще, *privet* – это многолетний кустарник, бирючина, высаживается по периметру земельного участка и при правильном уходе образует густые «живые изгороди», так что двор с улицы совершенно не видно [1]. Перевод Ю. Мачкасова в данном случае достаточно точно передает смысл понятия. Подобная изгородь и есть то, что приходит в голову англоязычному человеку, когда он видит или слышит слово *privet* [1]. А что же приходит на ум русскоязычному читателю? «Тисовая улица» не вызывает каких-то особых ассоциаций, лишь намекает на то, что на ней, возможно, растут тисы. Да и *drive* – это, скорее, не «улица», а «проезд». Поэтому русский перевод больше соответствует полукальке. А украинскому читателю вариант с использованием транскрибирования – *Прівім драйв* – уж точно ни о чем не скажет, за исключением тех, кто знает английский язык и сразу поймет, что *драйв* – это транскрипция от *drive*, а *Прівім* – название самого заезда, проезда и т. д.

Название *Knockturn Alley* [16] в русском переводе представлено как *Лютный переулоч*, а в украинском – как *алея Ноктерн*. Русскоязычный вариант, скорее всего, останется непонятным детям, и лишь взрослые могут задуматься, что название чем-то перекликается со словом «лютня». Возникает вопрос: какое отношение музыкальный инструмент имеет к одной из опаснейших улиц волшебного мира? Можно предположить, что переводчики перепутали название с его омонимом, словом *nocturne*. В данном случае, на наш взгляд, предложенный вариант неадекватен оригиналу. Украинцы используют транскрипцию, но тем самым не отображают всей сути переулоча, который изначально был заявлен в книге («Гиблое место! Опасное!» [9], «Таке кляте місце...» [10]). Кроме того, *alley* по словарю: 1) узкая улица или переулоч и 3) аллея [2, с. 32]. Зачем было превращать Ноктерн в аллею, если можно было взять первое слово по словарю – «переулоч», несущее более отрицательную коннотацию, нежели «аллея», которая для широкого круга читателей ассоциируется с чем-то более светлым и добрым? Украинские переводчики по какой-то причине не посчитали нужным передать присутствующее в первоисточнике «коварство» переулоча.

А в случае с *Diagon Alley* мы бы рекомендовали передать название именно лексемой «аллея», как это сделали украинские переводчики (*алея Діагон*). Ведь эта улица большая, светлая, с большим количеством волшебных магазинов, главная улица, где можно купить любые принадлежности. Она олицетворяет уют волшебного мира. В русском же переводе «переулок» выглядит как маленькая улочка, ничего особенного в ней нет. Главной задачей переводчика является передача той самой особенности, изюминки, которую заложил автор в название. Название переулка *Diagon Alley* (при быстром произнесении получается *diagonally – from angle to angle* или *diagonal ley –* как указано в словаре «*The Concise Oxford Dictionary*»), это «*a line connecting ancient sites of Britain and was thought to have magical powers*» [20], переводчики И. В. Оранский и М. Д. Литвинова передали как *Косой переулок* [1]. Аллею сделали «переулком» лишь российские переводчики, хотя в этом не было абсолютно никакой необходимости. Судя по всему, был предложен именно такой вариант, чтобы слово «косой» сочеталось со вторым словом: «Косая аллея» выглядела бы достаточно неуклюже.

Встречающийся на страницах шестой книги «*Harry Potter and Half-Blood Prince*» [17] *Spinner's End* был передан следующим образом: *Паучий Тупик* (русск.) [8] – *Прядильний кінець* (укр.) [12]. Анализируя русский перевод, следует заметить, что его авторы наверняка перепутали слово «*spinner*» и «*spider*», что и отобразилось в окончательном варианте: *end* (русск. «конец») превратили в *тупик*, а *прядильщик* стал *пауком*. Вряд ли такой перевод можно назвать адекватным. В украинском тексте был использован прием кальки, или буквальный перевод отдельных частей названия.

Нельзя не упомянуть интересный случай из пятой книги «*Harry Potter and Order of the Phoenix*» [18]: *Wisteria Walk – улица Глициний* [6] – *провулок Гліциній* [7]. Значение слова «*walk*»: «тропа», «аллея», «место для прогулки» [4]; «тропинка» [15]. *Walk* превратилось в общепринятую *улицу* в русском переводе и даже в *переулок* – в украинском варианте. Первая часть названия сохранена и передана в обоих случаях как «глициния» (определение согласно толковому

словарю Т. Ефремовой: «Южный декоративный вьющийся кустарник семейства бобовых с гроздьями душистых цветов» [3]. По нашему мнению, самый адекватный перевод в этом случае – словом «аллея»: аллея Глициний. Поэтому и русский, и украинский варианты вызывают недоумение: в самом деле, зачем исказить очевидное?

Делая выводы, хочется отметить, что перевод топонимов является неотъемлемой частью анализа топонимических единиц целевого текста и требует детального исследования в связи с большим количеством искажений текста первоисточника. Русские и украинские переводы названий улиц зачастую не только не отражают исходный вариант, но и непонятны читателям соответствующих текстов.

Список литературы

1. Волкодав Т. Вымышленные имена собственные в контексте фэнтезийного произведения [Электронный ресурс] / Т. Волкодав. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/wa/Main?textid=922&level1=main&level2=articles> – Загл. с экрана.
2. Мюллер В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – М. : Русский язык, 1978. – 887 с.
3. Онлайн-словарь Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info> – Загл. с экрана.
4. Онлайн-словарь «Мультитран» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://multitrans.ru> – Загл. с экрана.
5. Роулінг Дж. К. Гаррі Поттер і Напівкровний принц [Електронний ресурс] / Дж. К. Роулінг. – Режим доступу: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=1004723> – Загол. з екрану.
6. Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса / Дж. К. Ролинг ; пер. с англ. В. Бабкова, В. Гольщева, Л. Мотылева. – М. : Изд-во «РОСМЕН-ПРЕСС», 2004. – 827 с.
7. Роулінг Дж. К. Гаррі Поттер і Орден Фенікса [Електронний ресурс] / Дж. К. Роулінг. – Режим доступу: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=1000077> – Загол. з екрану.
8. Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Принц-полукровка / Дж. К. Ролинг ; пер. с англ. М. Лахути, С. Ильина. – М. : ЗАО «РОСМЕН-ПРЕСС», 2005. – 685 с.
9. Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Тайная комната / Дж. К. Ролинг ; пер. с англ. М. Д. Литвиновой. – М. : Изд-во «РОСМЕН-ПРЕСС», 2002. – 473 с.

10. Роулінг Дж. К. Гаррі Поттер і Таємна кімната [Електронний ресурс] / Дж. К. Роулінг. – Режим доступу: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=1000022> – Загол. з екрану.
11. Роулінг Дж. К. Гаррі Поттер і філософський камінь [Електронний ресурс] / Дж. К. Роулінг. – Режим доступу: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=1000021> – Загол. з екрану.
12. Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Философский камень / Дж. К. Ролинг ; пер. с англ. И. В. Оранского. – М. : Изд-во «РОСМЕН-ПРЕСС», 2002. – 399 с.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/> – Загл. с экрана.
14. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English / Ed. A. S. Hornby. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1780 с.
15. Oxford online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com> – Загл. с экрана.
16. Rowling J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets [Электронный ресурс] / J. K. Rowling. – Режим доступа: <http://fantasysx.narod.ru/potter.htm> – Загл. с экрана.
17. Rowling J. K. Harry Potter and the Half-Blood Prince / J. K. Rowling. – Bloomsbury : Bloomsbury Publishing, 2005. – 607 p.
18. Rowling J. K. Harry Potter and the Order of the Phoenix [Электронный ресурс] / J. K. Rowling. – Режим доступа: <http://fantasysx.narod.ru/potter.htm> – Загл. с экрана.
19. Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J. K. Rowling. – Bloomsbury : Bloomsbury Publishing, 1997. – 223 p.
20. The Concise Oxford Dictionary / Della Thompson. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 1696 p.

УДК 331.108.2 – 057.85(477)

Е. Н. Обозная

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УСЛОВИЯХ**

Резюме

Автор розглядає проблему визначення стратегії роботи з молодими спеціалістами в нових соціально-економічних умовах. На підставі аналізу результатів досліджень зроблено висновок про зростання як на міжнародному ринку праці, так і в Україні інтересу до залучення молодих спеціалістів та про необхідність розробки такого роду програм.

Summary

The problem of defining young specialist employment strategy in new socio-economic conditions is considered. Based on the analysis research results the conclusion is made that interest in recruiting young specialists and need of creating appropriate programs in the international and Ukrainian labour-market are increased.

Ключевые слова: новый тип мышления, молодые специалисты, управление персоналом, программы привлечения молодых специалистов.

Политические, экономические и социальные изменения, которые сегодня происходят в мире и вызваны процессами информатизации, интеграции и глобализации, оставляют заметный отпечаток в сознании мирового сообщества. Новые условия жизнедеятельности требуют нового типа мышления, инноваций, носителем которых является молодежь.

В нынешних условиях произошла переоценка социальных субъектов, их роли в обществе, что непосредственно связано с новым взглядом на ресурсные возможности социума и его структурных элементов. Одним из таких ресурсов является персонал организации. Изучение особенностей его использования в современных условиях, а в частности молодых специалистов, представляет сегодня одно из наиболее актуальных направлений исследований.

Сегодня руководители крупнейших компаний мира определили основные задачи и проблемы, с которыми им придётся столкнуться в ближайшие три года в борьбе за квалифицированный персонал, а именно: ограниченное число кандидатов с необходимыми навыками и квалификацией (66%), приём на работу и адаптация молодых специалистов (54%), переход ключевых сотрудников к конкурентам (52%) и обеспечение привлекательных карьерных возможностей (50%) [5].

Таким образом, мы видим, что внимание к молодым специалистам в глобальном масштабе растёт. Тенденции на нашем рынке аналогичны: многие эксперты солидарны в наблюдении, что все больше компаний разворачивает активное сотрудничество с «юными дарованиями». Так, 65% работодателей готовы работать с молодежью, причем при ответе на вопрос о причине найма на работу молодого специалиста большинство работодателей заявили, что есть вакансии, для которых подходят только молодые специалисты [3].

В связи с этим возникает новая проблема: определение стратегии работы с молодыми специалистами. Ведь использование традиционных методов и программ подбора, адаптации, обучения и мотивации персонала применительно к данной категории потенциальных работников организации будет не всегда эффективным, что объясняется целым рядом причин.

Во-первых, обусловленность поколений социально-историческими условиями их сосуществования, что важно для анализа молодых специалистов как социально-статусной группы, для определения их социальных ролей и места в производственном процессе общества. А также духовная общность поколений, что даёт возможность анализировать молодых специалистов как обобщённую социально-статусную группу, членов которой объединяет не только определённый возраст и отсутствие профессионального опыта, но и особенности политического, экономического и социального развития, современные изменения техники, технологий, организации и условий производства. По мнению К. Мангейма, поколение при благоприятных условиях вырабатывает свой собственный «стиль мышления», который существенно отличается от «стиля мышления» других поколений

и служит исходным моментом во всей деятельности данного поколения в сфере культуры и идеологии [1, с. 167]. Данный подход позволяет определить такую специфическую черту молодых специалистов, как профессиональная мобильность, поскольку современные условия компьютеризации труда позволяют говорить о новом этапе разделения труда – по интеллектуально-информационному критерию, когда работники предприятий превращаются из «придатка машины» в носителей и потребителей разной информации. А для так называемого «поколения Y» информационные технологии и социальные медиа являются частью их повседневной жизни [6]. Поэтому требования, которые предъявляются к современным специалистам: высокий уровень общего и профессионального образования, быстрая реакция на перемены в конкретных ситуациях, максимальная отдача психологических сил, большая вовлеченность в сам процесс труда и управления производством на разных уровнях, – будут более объективны по отношению к работникам молодого поколения, нежели старшего, где эти качества слабо развиты, поскольку еще 15–20 лет назад от них этого не требовалось.

Во-вторых, в силу специфического «стиля мышления и мировоззрения», который сформировался у современного молодого поколения, возникает потребность в анализе того, чего ожидают молодые люди от работы и что, в свою очередь, могут предложить выпускники работодателю.

Основные выводы о поколении Y и поведении его представителей в корпоративной среде, сделанные в рамках многих исследований, фиксируют следующую тенденцию. В выборе работы главные приоритеты для молодых специалистов – хорошее вознаграждение, возможность развивать карьеру и обучаться, официальное трудоустройство и «белые» зарплаты. Последний приоритет связан, в частности, с тем, что молодое поколение вынуждено с младых ногтей задумываться о будущем. Сегодня неудивительно, когда 20-летние переживают о пенсии – хотя до нее, казалось бы, далеко. Что касается развития и обучения, то представители поколения Y росли и формировались параллельно с развитием бизнеса в стране. Будучи хорошо осведомленными об историях отечественных

бизнесменов, они хорошо понимают важность непрерывного обучения для достижения успеха. Правда, считают, что платить за обучение должны компании – вкладывать в свое развитие готов далеко не каждый. Баланс «work/life» для них критично важен. Представители нового поколения скорее будут искать работу, которая органично впишется в их образ жизни, чем наоборот – станут адаптировать свой life style под трудовые обязанности. Дресс-код: к ограничениям в выборе офисной одежды «игреки» относятся крайне скептически. Командировки для большей части молодых талантов не проблема – даже преимущество. Впрочем, для многих из них расстояния в тысячи километров не станут проблемой и в вопросе создания семьи. В отношении руководителей – в них представители поколения Y хотят видеть наставников, воспринимают как источники ценных знаний. Начальников, которые являются и исполнителями других важных функций – таких как контроль – большинство «игреков» откровенно недолюбливает [4, с. 31].

И наконец, третья причина, по которой необходимо пересматривать приоритеты в работе с молодыми специалистами и в работе с персоналом организации в целом, особенно в Украине, – так называемое явление ЕААЕ – «employer atmosphere and effect» [6] – совокупность настроений, ожиданий и требований работодателей от выпускников и те шаги, которые они делают навстречу им для выявления и привлечения молодых талантов.

Так, обращаясь к общим оценкам работодателями необходимых молодому специалисту характеристик, можно отметить, что такие из них, как наличие опыта работы, теоретическая подготовка, наличие дополнительной квалификации в последнее время в наименьшей степени декларируются работодателями. Однако при изучении наиболее важных компетенций для молодого специалиста в рамках исследования «Потенциал Украины-2009», организатором которого является известная корпорация Junior, подавляющее большинство руководителей отметило самостоятельность, готовность и способность действовать целесообразно, в соответствии с требованиями дела, а также умение методически организовывать и решать постав-

ленные задачи и проблемы. Достаточно важным является умение интерпретировать уже имеющиеся навыки и знания для конкретной задачи, самооценка, самоуважение и ориентация на результат [2]. Безусловно, в совокупности идеальные представления работодателей и их оценки реальных качеств непосредственно влияют на их стратегии в отношении молодых специалистов.

Поэтому при формировании основных стратегий работы с персоналом в организации необходимо учитывать специфику всех категорий работников предприятия. Хороший HR-специалист понимает, что эффективные практики управления персоналом зависят от возраста, мотивов и возможностей людей, для которых они создаются, а также главной цели, которую преследует организация. И хотя политика компаний пока не очень отличается для разных возрастных групп, думаю, это вопрос времени: в скором будущем ситуация изменится.

Так, на сегодняшний день существует немного компаний в Украине, в которых действуют различные проекты по поиску, найму и обучению талантливых молодых людей. Программы различны по целям, форматам, масштабам, инвестициям, однако имеют общие тренды.

Таким образом, мы видим, что интерес к привлечению молодых специалистов и потребность в такого рода программах растет на международном рынке, в том числе и в Украине. А вместе с ним увеличивается и спрос на высококвалифицированных, креативных, наблюдательных, склонных к аналитическому и стратегическому мышлению специалистов в сфере управления персоналом, которые бы разрабатывали различного рода проекты, были способны всячески повысить эффективность функционирования компании через обеспечение качественного трудового потенциала организации. То есть, мы опять же сталкиваемся с необходимостью молодых специалистов – притока свежих идей, однако уже в конкретной области организации деятельности – сфере HR. Но, к сожалению, эмпирическое измерение данной проблематики в Украине на современном этапе развития менеджмента остается слабым.

Список литературы

1. Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М. : Знание, 1994. – 300 с.
2. Дегтерева А. Потенциал Украины-2009 / Анна Дегтерева // Менеджер по персоналу. – 2009. – № 1/2. – С. 100–103.
3. Куцевляк Е. С. Образ молодого спеціаліста очима роботодавців (на прикладі м. Харкова) / Е. С. Куцевляк // Зб. пр. молодих учених Нар. укр. акад. / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Х. : Вид-во НУА, 2010. – 348 с.
4. Никитович Т. Некоторые наблюдения о поколении Y / Татьяна Никитович // Управление персоналом – Украина. – 2011. – № 10 (217). – С. 30–31.
5. Growth reimagined. Prospects in emerging markets drive CEO confidence: 14th Annual Global CEO Survey by PwC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pwc.com/ceosurvey.
6. Growth reimagined. The talent race is back on: 14th Annual Global CEO Survey by PwC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pwc.com/hrs.

УДК 340:172.12.037

*В. Ю. Бабанина***ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА
В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВА И МОРАЛИ****Резюме**

У роботі наведено аналіз історичних основ виникнення правового нігілізму, а також розглянуто умови, за яких можливо якщо не ліквідувати, то максимально зменшити негативне ставлення до права в сучасному українському суспільстві. Обґрунтовується необхідність підвищення відповідальності держави та права за створення надійних механізмів захисту прав та свобод людини в процесі розбудови правової держави та громадянського суспільства.

Summary

The analysis of historical foundations of the law nihilism origin is presented. The conditions of liquidating or at least reducing the negative attitude to the law in modern Ukrainian society are considered. The necessity of increasing the state and law responsibility for creating reliable mechanisms to protect human rights in the process of jural state and civil society formation is grounded.

Ключевые слова: правовое государство, правовой нигилизм, правовая культура.

Проблема отношения к праву как одному из важнейших социальных институтов является в современном обществе одной из наиболее актуальных. Данное явление глубоко коренится в правосознании граждан нашей страны и отмечено многими выдающимися писателями, публицистами, общественными и политическими деятелями, такими как О. Ф. Скакун, В. Н. Хропанюк, Н. И. Матузов, А. В. Малько, М. А. Нежелская, Г. В. Мальцев, А. В. Дмитриев и др.

Суть данной проблемы заключается в общем отрицательном, неуважительном, пренебрежительном отношении к праву, законам, нормативному порядку [5]. Проявления правового нигилизма носят антиобщественный характер, попирают права сограждан, посягают на устои и порядок, препятствуют экономическому, культурному, правовому, политическому развитию общества.

Известно, что право является одним из древнейших социальных институтов, как и само государство, выступая одним из наиболее сложных и вместе с тем важных видов социальных связей, которые определяют устойчивые образцы поведения человека в обществе [1]. Таким образом, право выступает как система норм (правил поведения) и принципов, установленных или признанных государством в качестве регуляторов общественных отношений, которые формально закрепляют меру свободы, равенства и справедливости в соответствии с общественными, групповыми и индивидуальными интересами (волей) населения страны и обеспечиваются всеми мерами легального государственного воздействия вплоть до принуждения [6].

При этом право как способ социальной регуляции представляет собой нормативно-регулятивную систему, которая действует в тесном блоке с моралью, религией, политикой, этикетом и другими нормативно-регулятивными составляющими системы социальных норм. Отсюда, всю совокупность норм права, морали, религии и так далее можно охарактеризовать в качестве соционормативной культуры общества, из которой нельзя выделить только один регулятор и работать с ним вне связи с другими.

Одна из причин кризиса и слабости современного права заключается в том, что в качестве регулятора право действует в известном отрыве от таких регулятивных систем, как религия, мораль и другие [3].

Единство правовых норм и норм морали, как и единство всех социальных норм цивилизованного общества, основывается на общности социально-экономических интересов, культуры общества, приверженности людей к идеалам свободы и справедливости [7].

Утверждая принципы свободы и справедливости, право приобретает глубокий личностный смысл, становится ценностью для отдельного человека, конкретной группы и общества в целом, открывает личности доступ к благам и выступает действенным способом ее социальной защищенности [6]. Поэтому обеспечить социально адекватное, законопослушное поведение личности в условиях демократического государства возможно лишь через нравственное и правовое воздействие одновременно [2].

Точная реализация правовых норм означает одновременно воплощение в общественную жизнь требований морали. В свою очередь, нормы морали оказывают активное влияние на создание и реализацию правовых норм. Особо важную роль моральные нормы играют в процессе применения норм права компетентными органами при решении конкретных юридических дел. Так, правильное юридическое решение судом вопросов об оскорблении личности, хулиганстве и других во многом зависит от учета моральных норм, действующих в данном обществе.

Отсюда, право активно содействует утверждению прогрессивных моральных представлений в обществе. Следует отметить, что негласное правило «разрешено все, что не запрещено законом» надо понимать с учетом того, что незапрещенное законом может быть запрещено религией, моралью. Например, смена вероисповедания, развод правом не запрещается, но не приветствуется религией. Если отсутствует правовой запрет, это еще не значит, что отсутствует запрет моральный [7]. Поэтому стойкая убежденность в необходимости точного соблюдения норм права способствует укреплению в сознании человека основных принципов и категорий морали.

Для формирования у человека правовой культуры и активного правомерного поведения необходимо правовое воспитание. Основная цель правового воспитания – дать человеку необходимые в жизни юридические знания, научить его уважать и соблюдать законы и нормативно-правовые акты, то есть сформировать достаточно высокий уровень правовой культуры, способный значительно уменьшить число правонарушений. В свою очередь, каждый человек, зная свои права и обязанности, сможет грамотно защищать себя от любых противоправных посягательств, в том числе и незаконных действий со стороны государственных и других органов власти и управления, применяющих правовые нормы [6].

Очевидно, что одной из целей образования и, в том числе, правового воспитания, является преодоление правового нигилизма и его противоположности – правового идеализма, которые, мирно уживаясь в обществе, образуют вместе безрадостную картину юридического бескультурья.

Как известно, правовой нигилизм – это деформированное состояние правосознания личности, общества, группы, характеризующееся осознанным игнорированием требований закона, ценности права, пренебрежительным отношением к правовым принципам и традициям, исключающее, однако, преступный умысел. Однако игнорирование закона с преступной целью является самостоятельной формой деформации правосознания. В этом случае правовой нигилизм способен породить правонарушения, в том числе уголовные преступления.

Следует отметить, что правовой нигилизм украинского общества возник не на пустом месте: он имел глубокие исторические корни. Так, в эпоху дореволюционной России идея закона ассоциировалась скорее с главой государства, монархом, нежели с юридическими нормами. В общественном сознании прочно утвердилось понимание права исключительно как приказа государственной власти. Ведь давно сказано, что на Руси всегда правили люди, а не законы. Отсюда – пренебрежительное отношение к закону как свойство натуры русского обывателя [5].

Например, французский ученый Рене Давид пишет: «До Октябрьской революции русский народ не считал право основой социального строя. В законах он видел капризы царя и способ административного управления. Когда марксизм провозгласил отмирание права, это настолько мало шокировало русских людей, что полное отмирание права можно было осуществить уже на следующий день после революции» [9].

Сегодня кажется нелепым желание построить общество без права и государства. Но после революции 1917 г. малообразованные рабочие и крестьяне пришли к власти с твердым намерением построить жизнь без нахлебников. Идеи марксизма о немедленном отрицании государства и права («на другой день после революции») легли на благодатную почву массового сознания.

Когда после революции началась гражданская война, пришлось более трезво посмотреть на теорию марксизма об отмирании государства и права – нужна была армия и другие правовые институты для борьбы с бандитизмом, спекулянтами и, в целом, для того, чтобы

налаживать нормальную человеческую жизнь. И тогда появилась теория о том, что на низшей стадии коммунизма – при социализме – право еще сохраняется кое-где, а потом, после окончательной победы коммунизма, оно отомрет.

Идея отмирания права наложила трагический след на многие десятилетия развития нашей страны, обусловила процветание правового нигилизма как в обществе в целом, так и в высших эшелонах власти в частности. В условиях низкой правовой культуры и традиций правового нигилизма в дореволюционной России это привело к разгулу диктатуры, нарушению элементарных социальных норм, нивелированию гуманизма [1].

Поэтому правовой нигилизм в Украине во время ее вхождения в СССР – результат определенной деформации правового сознания и правового регулирования того времени [6].

В настоящее время причинами проявления правового нигилизма в Украине можно считать:

- неупорядоченность законодательства, его нестабильность и противоречивость;
- слабость механизма приведения в действие принимаемых законов;
- низкий уровень правовой культуры.

Как известно, существуют определенные средства, способствующие минимизации проявлений правового нигилизма, среди которых следует отметить:

1. Повышение качества законов и иных нормативно-правовых актов. Обеспечение должной роли закона в системе правовых актов. Наличие стабильности и единообразия в регулировании общественных отношений.

2. Укрепление авторитета государственной власти и повышение отлаженности механизма ее действия. Наличие развитой государственной структуры, способной обеспечить исполнение права. Совершенствование системы правоохранительных органов и правоприменительной деятельности. Повышение роли суда и упрочение законности.

3. Повышение уровня правосознания, который позволил бы закону работать. Сохранение самобытности правовой культуры. Улучшение системы правовой информации, профессионального обучения и воспитания юристов, других должностных лиц, а также граждан страны в целом.

Для реализации указанных направлений необходима систематическая работа по повышению профессиональной культуры всех субъектов правоохранительной системы, что будет способствовать преодолению недоверия населения к работе правоохранительных органов. А когда укрепится надежность права, базирующаяся не только на устремлениях государства, но и на основах моральных принципов и нравственных ценностей, соблюдение закона станет выгоднее его нарушения. Это означает, с одной стороны, защиту приобретенных прав не только с точки зрения права как такового, но и с точки зрения морали, а с другой – возможность любого гражданина, не имеющего юридического образования, знать свои права. Надежность права предполагает также стабильность правопорядка [6].

Кроме того, перспектива преодоления правового нигилизма находится в зависимости от социально-экономических, государственно-правовых условий жизни современного украинского общества. Утверждение законности, демократического политического режима, формирование правового государства, проведение юридического всеобуча, разрешение насущных социально-экономических проблем – вот далеко не полный перечень условий, призванных способствовать изживанию правового нигилизма как массового явления.

Также следует обратить внимание на то, что к началу третьего десятилетия независимого украинского государства в обществе сложилась крайне неблагоприятная и опасная социальная среда, постоянно воспроизводящая и стимулирующая антиправовые устремления субъектов. Имеет место грозное явление, которое может отбросить демократические преобразования в Украине на многие десятилетия назад.

Недалеко ушедший от противоправных деяний правовой нигилизм развивается и претворяется в жизнь общества благодаря деятельности самого государства, причём именно деятельность государства

выступает основной причиной его возникновения и развития. Это доказывает ряд следующих факторов:

- 1) государство играет основную роль в формировании и упорядочивании общественных отношений;
- 2) государство непосредственно связано с правом и процессом его создания и применения;
- 3) правовой нигилизм (неадекватное восприятие права) – элемент, появляющийся вследствие общественных отношений (точнее – их неправильного регулирования государством посредством права);
- 4) исторический анализ нигилизма в Российской империи, СССР и современной Украине вообще и правового нигилизма в частности [2].

Следовательно, следует согласиться с выдающимся философом И. А. Ильиным, который советовал сделать все, «чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запреты и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души» [8].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно предположить, что основными путями преодоления правового нигилизма в нашей стране являются следующие:

- повышение общей и правовой культуры граждан, их правового и морального сознания;
- совершенствование законодательства;
- профилактика правонарушений, прежде всего преступлений;
- упрочение законности и правопорядка, государственной дисциплины;
- создание условий для уважения и всемерной защиты прав личности;
- массовое просвещение и правовое воспитание населения;
- подготовка высококвалифицированных кадров юристов;
- скорейшее проведение судебной реформы и др.

В то же время следует учесть, что правовой нигилизм невозможно ликвидировать мгновенно. Это трудный и длительный процесс.

В конечном счете, все формы и средства борьбы с нигилизмом связаны с выходом общества из глубокого системного кризиса: социального, экономического, политического, духовного, нравственного. При этом, естественно, многое зависит и от активной позиции самой личности.

Список литературы

1. Дмитриев А. В. Право: социологическое объяснение / А. В. Дмитриев // Право и образование. – 2002. – № 4. – С. 24–38.
2. Лазарев В. В. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1996. – 472 с.
3. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М. : Прометей, 1999. – 419 с.
4. Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2004. – 512 с.
5. Нежелская М. А. Правовой нигилизм и правовой идеализм / М. А. Нежелская // Право и образование. – 2002. – № 2. – С. 75–82.
6. Скакун О. Ф. Теория государства и права : учебник / О. Ф. Скакун. – Харьков : Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.
7. Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учеб. пособие / В. Н. Хропанюк. – М. : Интерстиль, 1998. – 944 с.
8. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве [Электронный ресурс] / И. А. Ильин. – Режим доступа: <http://knigosite.ru/library/books/6257>. – Загл. с экрана.
9. Рене Давид. Основные правовые системы современности [Электронный ресурс] / Давид Рене. – Режим доступа: <http://lib.ru/PRAWO/rene.txt>. – Загл. с экрана.

Наука в НУА

Е. Ю. Усик

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

Под таким названием 10 ноября 2011 года состоялся межкафедральный теоретико-методологический семинар, организованный кафедрой социологии при участии кафедр общей и прикладной психологии, философии и гуманитарных дисциплин, германской и романской филологии, лаборатории единой культурно-образовательной среды. Среди слушателей и активных участников семинара были сотрудники ЦНГИ, представители профессорско-преподавательского состава, а также студенты-магистранты факультетов СМ и РП.

Задача семинара – сформировать целостное, системное видение образовательной среды вуза как объекта междисциплинарного анализа и обозначить общие ориентиры и пути взаимодействия различных научных дисциплин с целью определения эффективных способов организации образовательной среды вуза, в соответствии с требованиями современного социума.

С постановочным докладом «Теоретико-методологический потенциал социологии в изучении образовательных процессов: возможности междисциплинарного синтеза (на примере теории Б. Бернстайна)» выступила Нечитайло И. С., канд. социол. наук, ст. преп. кафедры социологии. Основная идея доклада заключалась в том, что разработка актуальных моделей образовательной среды вуза требует обращения к широкому спектру научной информации различной дисциплинарной принадлежности. Различные подходы к изучению образовательной среды высшего учебного заведения разрабатываются в рамках многих дисциплин: философии, педагогики, психологии и др. Однако важнейшей характеристикой современного научного познания является междисциплинарность как способ расширения научного мировоззрения.

Большой интерес аудитории вызвали и другие доклады и сообщения, прозвучавшие на семинаре, в которых были представлены результаты научных исследований: «Образовательная среда как посредник реализации основных целей образования» (Подольская Т. В., зав. лабо-

раторией единой культурно-образовательной среды, канд. филос. наук, ст. преп. кафедры философии), «Формирование карьерной направленности студентов в образовательной среде вуза» (Твердохвалова Ю. Л., преп. кафедры общей и прикладной психологии), «Психологические условия формирования социальной компетентности студентов в образовательной среде» (Милославская Е. В., преп. кафедры общей и прикладной психологии), «Коммуникативные стратегии в образовательном процессе» (Колотова Л. В., канд. социол. наук, преп. кафедры социологии).

Живую дискуссию вызвали идеи и выводы об интерактивном обучении как стратегии университетского образования, под целью которого подразумевается интеллектуальная автономность студента при развитой социальной компетентности. Интеллектуальная автономность студента – это его умение конструировать собственное знание на основе своего предыдущего опыта и тех коммуникаций, которые осуществлялись в процессе наращивания этого знания. Социальная компетентность – умение создавать и поддерживать конструктивные отношения, как в личной, так и в профессиональной сфере. Социальная компетентность является существенным фактором роста профессиональной карьеры и предполагает владение репертуаром поведения, который дает возможность соответствующим образом общаться с различными характерами и иерархиями.

В ходе семинара акцентировалось внимание на том, что высшее учебное заведение, как особая среда, в которую погружен студент, существенно влияет на формирование стратегии его профессиональной карьеры, на развитие его профессиональных компетенций. В ХГУ «НУА» реализация компетентностного подхода осуществляется благодаря внедрению в учебный процесс комплексных программ и тренинговых курсов, направленных на развитие социальной компетентности, что способствует повышению конкурентоспособности выпускников академии на рынке труда.

В завершении дискуссии сделан вывод о том, что целостное видение образовательной среды необходимо для конструирования единого образовательного пространства вуза посредством комбинации методов, выработанных на стыке различных научных дисциплин.

И. С. Нечитайло

**СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ:
ПО ИТОГАМ IV ВСЕРОССИЙСКОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА**

2 февраля 2012 года в Москве состоялось открытие IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом». Мероприятие проходило в Доме Союзов, колонный зал которого был переполнен учеными разных стран постсоветского пространства и дальнего зарубежья. Среди них были не только социологи, но и представители философской, педагогической, политологической, исторической, экономической научной мысли, а также люди, которые непосредственно наукой не занимаются, но практикуют в сфере экономики, политики, менеджмента и др. Это позволяет судить не только о географических масштабах, но и содержательных горизонтах конгресса. Исходя из качественных характеристик и количественного состава его участников, можно сказать, что данное мероприятие – одно из крупнейших научных событий года.

Пленарное заседание длилось на протяжении всего первого дня конгресса. С докладами выступили: Осипов Г. В. (председатель оргкомитета, академик РАН, директор института социально-политических исследований); Жуков В. И. (академик РАН, ректор Российского государственного социального университета); Горшков М. К. (академик РАН, директор института социологии Российской академии наук) и др. Среди докладчиков пленарного заседания были также представители других стран (Китайской народной республики, Сербии, Казахстана, Беларуси, Молдовы, Армении).

Пленарные доклады освещали проблемные зоны, связанные с социологическим изучением общества, и задавали тон предстоящим научным дискуссиям в рамках секционных заседаний и круглых столов. Основная мысль, которая красной нитью пронизывала тексты докладов, отражала неудовлетворенность ученых характером взаимодействия между социологической наукой и властью. Подчеркивалось,

что для грамотного управления обществом крайне мало тех знаний, которыми обычно оперируют представители власти и которые становятся руководством для принятия тех или иных управленческих решений. Преимущественно эти знания основаны на «сухих» экономических подсчетах, индексах, усредненных показателях и т. п., чего не достаточно, если речь идет об управлении людьми и социальными процессами.

Немало было сказано и о том, что общий имидж социологии портят так называемые «псевдосоциологи», которые «прогибают» результаты своих исследований под того заказчика, который больше заплатит.

На протяжении двух последующих дней, 3 и 4 февраля, состоялись секционные заседания и заседания «круглых столов» (42 научных секции и 23 «круглых стола»). В рамках этих заседаний шло обсуждение вопросов, связанных с развитием общей социологической теории, а также вопросов, имеющих отношение к различным областям социологического знания: социологии культуры, науки, политики, религии, образования, труда, управления, здоровья, детства и мн. др.

Самыми многочисленными по составу участников и количеству выступлений были секции: «Социология управления», «Социальная политика и социальная практика» (заявлено около 80 выступлений по каждой секции), а также секции «Социология культуры» и «Социология молодежи» (заявлено около 70 выступлений по каждой секции).

Однако все количественные рекорды «побила» секция по социологии образования, в которую вошло более 100 выступлений, посвященных различным проблемам теории и практики образования и воспитания, образовательной политики и экономики образования. Большая численность выступающих и содержательное разнообразие тем выступлений данной секции свидетельствует о чрезвычайной актуальности и злободневности проблем, связанных с несовершенством современной системы образования. Об этом говорилось и на первом пленарном заседании в докладах многих членов президиума. Наиболее обсуждаемые и дискуссионные вопросы локализовались вокруг проблем качества современного образования, совмещения функций обучения и воспитания, отсутствия необходимых баз практики для развития важных профессиональных компетенций

студентов, а также проблем, связанных с недостаточным государственным финансированием образования и науки. Большое внимание было уделено рассмотрению роли педагога (учителя, преподавателя) как важнейшего субъекта и агента социализации, а также проблемам, связанным с необходимостью постоянного повышения квалификации педагогических кадров. В целом же содержание дискуссии, которая развернулась между участниками секционного заседания, свидетельствует о тотальном сходстве проблем образования России и Украины.

Подведение итогов IV Всероссийского социологического конгресса состоялось во второй половине дня 4 февраля во Дворце культуры Российского государственного социального университета (РГСУ). Были сделаны выводы, свидетельствующие в пользу того, что в целом мероприятие прошло результативно, намечены возможные пути сотрудничества представителей социологической науки с органами власти.

Завершился конгресс праздничным концертом, на котором выступили лучшие творческие коллективы Российского государственного социального университета.

В. В. Ильченко

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД: СУТЬ И ЗАДАЧИ

Масштабные изменения, происходящие в образовательной системе страны, носят системный характер и предусматривают последовательный подход к компетентностной модели образования. К причинам, стимулировавшим процессы модернизации украинского образования, можно отнести: 1) необходимость осмысления специфики процесса обучения в условиях «экономики знаний» [5] и 2) попытку привести образование в соответствие с потребностями современного рынка труда.

Профессор МГИМО В. М. Сергеев отмечает, что «в экономику стали включать не только сами технологии, а весь механизм производства знаний» [4]. Данное мнение поддерживает и А. В. Барышев, который отмечает, что ядром экономики развитых стран являются знания, люди, их производящие, и используемые механизмы познания [1]. В связи с этим возникает необходимость создания новой образовательной практики, основной характеристикой которой будет являться обучение как «создание знаний» на основе исследовательского подхода вместо обучения на основе информации и репродукции знаний.

Ситуация на современном рынке труда также вносит свой вклад в формирование нового облика украинского образования. Требования работодателей к выпускникам вузов, которые в настоящее время формулируются в терминах «способов деятельности», а не в формате «знаний», знаменуют переход к новому содержанию образования, а именно к системе компетентностей.

В этом отношении система образования, основанная на компетентностном подходе, выгодно отличается от традиционной образовательной модели, поскольку обучение в рамках новой системы происходит не путем усвоения обучаемыми отдельных друг от друга элементов знаний и умений, а овладения знаниями и умениями в комплексе; в процессе подготовки студентов главенствующую роль приобретает

ориентация на личность и компетентность; происходит перенос центра тяжести на индивидуализацию результатов образования и персональную ответственность за них. Все это, в свою очередь, сопровождается обновлением структуры и содержания образования: преобразованием дидактических и программно-методических материалов; изменением профессиональной позиции преподавателя (переход с роли «источника знаний и информации» на роль «координатора» и «наставника»); изменением системы методов и средств обучения (применение различных способов и методов обучения, в основе которых лежит структура соответствующих компетенций и функции, которые они выполняют в образовании, вместо исключительно формального обучения).

Новый подход в образовании предполагает использование новых эффективных методик обучения и проверки эффективности обучения. Поскольку основным результатом обучения будет уже не приобретение преимущественно абстрактных знаний, умений и навыков, а осмысленный опыт деятельности [2], обеспечивающий конкурентоспособность выпускникам вузов, и способность применить его на практике, поэтому доминирующими компонентами учебного процесса должны стать практика и самостоятельная работа, которые готовят выпускников к решению жизненных и профессиональных проблем. Следовательно, методы и формы обучения должны быть подчинены не учебному содержанию, а использоваться как самостоятельные средства достижения определённых педагогических целей.

С этой точки зрения наиболее соответствуют идеям компетентностного подхода следующие образовательные технологии и стратегии, позволяющие сформировать у выпускников вузов необходимые профессиональные компетенции: технология рефлексивного обучения, технология педагогического сопровождения, технология модульного подхода, технология развития критического мышления, технология проектного обучения, методика «Case-study» [3].

Таким образом, компетентностный подход позволяет добиться согласованности целей обучения, поставленных вузом, с собственными целями учащихся и потенциальных работодателей; помочь студентам осознать необходимость сознательного и ответственного

обучения не только на данном возрастном этапе, но и в течение всей жизни; повысить степень мотивации студентов; обеспечить единство учебного и воспитательного процессов.

Список литературы

1. Барышев А. В. Экономика знаний: новая парадигма научного познания [Электронный ресурс] / А. В. Барышев. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/barisheva2.htm>
2. Гурьянова А. В. Компетентностный подход в образовании [Электронный ресурс] / А. В. Гурьянова. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/574903/>
3. Зеленская Е. В. Компетентностный подход в образовании [Электронный ресурс] / Е. В. Зеленская. – Режим доступа: <http://elena-zelenskaj.ucoz.ru/news/2008-08-24-2>
4. Сергеев В. М. Экономика знаний. Роль образования и науки в современном мире [Электронный ресурс] / В. М. Сергеев. – Режим доступа: http://www.igpi.ru/center/seminars/party_6-09_02/party_6-09_02-sergeev.html
5. Фрумин И. Д. За что в ответе? (Компетентностный подход в образовании) / И. Д. Фрумин // Перемены : пед. журн. – 2004. – № 2. – С. 117–129.

Л. В. Собко

УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

(V конференция молодых ученых)

Цель данной статьи – обобщить информацию о результатах научных исследований молодых ученых Украины по вопросам анализа экономических отношений и процессов, определяющих факторы экономического равновесия на макро- и микроуровнях и обеспечивающих повышение эффективности функционирования институциональных структур в условиях неопределенной и нестабильной рыночной среды.

Современный этап развития национальной экономики характеризуется наличием большого числа дестабилизирующих явлений, связанных с трансформационными и интеграционными преобразованиями. Ключевым направлением исследований отечественной науки становится анализ факторов экономического равновесия на макро- и микроуровнях, обеспечивающих повышение эффективности функционирования институциональных структур. Безусловно интересным представляется взгляд молодых ученых на проблему.

15 декабря 2011 года в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» состоялась пятая ежегодная конференция молодых ученых «Управление как фактор экономического равновесия», в рамках которой рассматривались и обсуждались актуальные вопросы управления экономическими процессами. Конференция организована и проведена кафедрой экономики предприятия ХГУ «НУА».

Цель конференции – исследование особенностей управления экономикой в условиях нестабильности, задачи – приобретение молодыми учеными навыков осуществления исследовательской работы по заявленной теме, овладение инструментарием публичной презентации результатов, ведения научной дискуссии, способностью вырабатывать рекомендации по повышению эффективности функционирования отечественной экономики.

В конференции принимали участие молодые ученые высших учебных заведений Харькова: ХГУ «НУА», Национального аэрокосмического университета им. Н. Е. Жуковского «ХАИ», института финансов УГУФМТ. Всего приняли участие в конференции 43 человека.

Участниками конференции представлены основные результаты научных исследований в области экономических отношений в разных сферах деятельности; проанализированы процессы формирования инвестиционной привлекательности предприятия, разработки инвестиционной стратегии, функционирования системы контроллинга, управления инвестиционными рисками как факторы экономического равновесия на макро- и микроуровнях.

Во многих работах (Быца М. А., Волошина М. К., Литвин А. В., Мамедова Э. А., Орехов М. М., Попова А. Н.) поднимались различные аспекты исследований в области конкурентоспособности (предприятия, продукции, их взаимосвязи): диагностика, оценка, управление. Для решения аналитических задач в процессе диагностики предложен комплекс экономико-математических методов (Быца М. А.), необходимость введения системности в определение понятий конкурентоспособности с целью устранить неоднозначность их трактовок (Попова А. Н.). По мнению Литвин А. В., при выборе метода, отталкиваясь от информационных ресурсов и целей исследования, следует отдать предпочтение методам с минимальным уровнем субъективизма и использованием экспертных оценок.

Особый интерес вызвало обсуждение уровня инвестиционной привлекательности украинских IT-компаний. Автором (Пирожков А. В.) по результатам исследования предложен комплекс мер, которые позволят сохранить и приумножить конкурентоспособность этой отрасли Украины в долгосрочном периоде.

Нашла отражение в научных дискуссиях молодых ученых проблема институционального развития страны в условиях глобализации мировой экономики (Миколенко Е. П., Столетняя С. И.). Деформация институциональной системы Украины, как следствие плановой экономики, вызывает необходимость создания эффективной системы институтов, что обеспечит более быстрый экономический рост,

укрепление позиций на международном рынке и повышение уровня конкурентоспособности в целом.

По мнению участника конференции Власова М. О., особую актуальность в условиях неопределенной и нестабильной рыночной среды приобретает экономическая безопасность страны, обеспечение которой следует отнести к числу важнейших национальных приоритетов. Автор делает вывод, что научное определение понятия «экономическая безопасность» и исследование его значения позволят выявить факторы сдерживания развития экономики и разработать эффективную стратегию экономической безопасности.

В дискуссии широко обсуждались вопросы антикризисного управления (Юревич Л. Б., Волошина В. Ю., Швец А. М.), инновационного развития (Болдырь Ю. С., Степаненко В. В., Чайка Е. В.) и инвестиционной привлекательности (Булгакова Д. И., Дурандина О. В.). Авторами предложен алгоритм оценки инновационной активности по совокупности ряда экономических показателей на исходном этапе формирования стратегии технологического развития. Такой подход позволит предприятию проанализировать свои текущие инвестиционные возможности в инновационной сфере еще к началу осуществления научно-технологического поиска и оценить уровень отраслевого риска во избежание негативных последствий от внедрения инновационного решения.

Повышение инвестиционной привлекательности регионов Украины имеет целью активизацию привлечения внутренних и внешних инвестиций в их экономику, что является предусловием успешного развития и решения социально-экономических проблем регионов. Авторы исследуют влияние различных факторов на инвестиционный климат в Украине, определяют рейтинг инвестиционной привлекательности регионов Украины и считают анализ показателей, влияющих на инвестиционную деятельность, а также ее результатов – насущной задачей экономической науки.

По результатам конференции издан сборник научных трудов молодых ученых вузов Украины. Лучшие докладчики: Быца М. А. и Пирожков А. В. (ХГУ «НУА»), Тищенко А. И. (УГУФМТ) – награждены монографией «Управління розвитком суб'єктів

господарювання», изданной коллективом кафедры менеджмента в 2008 году.

Основные выводы по итогам конференции направлены на разработку рекомендаций относительно принятия обоснованных решений, нацеленных на повышение эффективности функционирования институциональных структур.

Презентація нових видань

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК УЧЕБНО-НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Силласте, Галина Георгиевна. Экономическая социология : учеб. пособие / Г. Г. Силласте. – М : ИНФРА-М, 2012.

Экономическая социология – одна из наиболее плодотворно разрабатываемых областей современного социологического знания. Ее теоретический дискурс является «повесткой дня» обширного количества научных публикаций, которые укрепляют позиции экономической социологии как учебной дисциплины. И в этом смысле специализированное учебное пособие Г. Г. Силласте представляет собой, безусловно, значимый интеллектуальный продукт, который повышает статус экономической социологии в системе подготовки не только социологов, но и специалистов экономического профиля. Широта авторского подхода к предмету экономической социологии, определяемого через социальные отношения в сферах труда, собственности, производства, распределения, обмена и потребления, а также социальные последствия их развития, дает возможность студентам постигнуть, освоить специфику социологического анализа явлений и процессов, протекающих в экономике.

Тематические рамки учебного пособия позволяют исследовать актуальные проблемы взаимосвязи экономической и социальной сфер российского общества. Социологическая палитра анализа трансформации социальной структуры, становления базовых экономических институтов, социального механизма развития сферы экономики убедительно демонстрирует необходимость социологической экспертизы экономических преобразований, их социальных издержек. Несомненным достоинством такого анализа представляется учет особенностей профессионального образования будущих экономистов и финансистов. Прикладной аспект содержания учебного пособия отразил творческий результат многолетнего преподавания автора и возглавляемой им кафедры социологии Финансового университета при правительстве Российской Федерации. Во всех узловых темах раскрывается специфика проявления социального в финансово-банковской сфере. Рассмотрены современные проблемы функциони-

рования этой сферы – риски и структура социальных конфликтов, банкротство и последствия отрицания социальной сущности денег, специалисты финансово-банковской сферы как представители среднего класса и их профессиональная мобильность.

Без сомнения, социологическую картину видения экономической жизни российского общества углубляет отражение в ней гендерной асимметрии в экономике и гендерного подхода к анализу социальных процессов. Автор известна как признанный специалист по социальным проблемам женщин. И ее компетентность в данной области, проявившаяся в анализе гендерной дискриминации на рынке труда, – еще одна привлекательная сторона данного пособия.

Следует заметить, что предлагаемая книга является вторым, переработанным и дополненным изданием. В ней углублена и приращена методологическая база социологического анализа экономической сферы. В представленном традиционном блоке истории становления экономической социологии на Западе и в России заострены дискуссионные моменты, в частности связанные с разнообразием точек зрения отечественных социологов на предмет экономической социологии. Более полную социологическую интерпретацию получила категория собственности. Новый аспект анализа увязан с эволюцией института собственности в России, его влияния на экономическое сознание и поведение социально-профессиональных групп.

В рассмотрении процессов трансформации социальной структуры включена бедность как социальное явление рыночной экономики. Автор, применив междисциплинарный подход к анализу универсальности и относительности природы бедности, дала комплексную характеристику этому явлению рыночной экономики, включая обуславливающие его факторы, социально-структурный срез, разнообразие показателей измерения бедности и исследование российского профиля бедных.

Новые содержательные характеристики получило осмысление социального механизма развития сферы экономики и финансов. В нем актуализирована проблема социального управления, предложены методология ее изучения, статистические и социологические

инструменты измерения социального управления и его последствий. Социокультурный блок социального механизма экономики, рассматриваемый через процесс адаптации личности к изменяющимся условиям жизни, пополнился изучением новых форм адаптации, таких как эконоцид, фриланс, дауншифтинг. В целом подобное расширение «интервенций» социологического подхода к анализу экономической сферы отражает динамичное развитие теоретико-методологических основ экономической социологии.

Учебное пособие отличается не только своеобразием авторской теоретической рефлексии, но и наличием интересной статистической и эмпирической фактуры. Практически все излагаемые положения, выводы проиллюстрированы обширными данными результатов социологических исследований, скрупулезно собранной фактической информацией, что делает учебный материал увлекательным, аргументированным и ясным для понимания.

В структуре пособия представлено методическое сопровождение работы со студентами по освоению дисциплины «Экономическая социология», контролю знаний. Разработанные вопросы к дискуссии, практические задания обеспечивают интерактивный характер процесса обучения, служат основой для стимулирования научно-исследовательской работы студентов. Все виды самостоятельной работы студентов – от социологических опросов до публичной защиты результатов исследований – сориентированы на творческий комплексный анализ социально-экономических процессов и явлений в условиях рыночной экономики, что отвечает заявленным в пособии целям и задачам дисциплины. Хотя, как представляется, база эмпирического материала позволяет идти дальше в разработке творческих, интерактивных заданий для студентов, в первую очередь case-studies как наиболее эффективного метода развития познавательной активности.

Резюмируя характеристику предложенного учебного пособия, можно с уверенностью утверждать, что оно представляет собой высокопрофессиональный и содержательный труд, который дает системное научное знание о дисциплине «Экономическая социология».

Е. В. Бирченко

ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВЗРОСЛЫХ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Головнева, Ирина Владимировна. Изменения гендерной идентичности взрослых в условиях социальных трансформаций : моногр. / И. В. Головнева ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2012. – 80 с.

Актуальность исследований феномена идентичности в психологических науках обусловлена объективной сложностью самоопределения человека в кардинально изменяющемся мире. В условиях трансформирующегося общества невозможно избежать изменений идентичности, в том числе и гендерной. Изменения в представлениях о себе как о мужчине или о женщине (не в биологическом, а в социально-психологическом контексте) входят составной частью в концепцию личностного изменения. Но, как подчеркивает автор, именно в гендерном аспекте социализация не готовит человека к возможным изменениям и трансформациям, так как гендерные различия субъективно воспринимаются как неизменные.

Отмечая, что в проблематике идентичности в целом, и гендерной идентичности в частности, фокус интересов, в основном, сместился на ее кризисный характер, автор задает вопрос, действительно ли речь идет о широкомасштабном кризисе? Или все-таки изменения гендерной идентичности можно рассматривать как часть нормативного процесса постоянно идущих личностных изменений?

В работе автор проводит идею о том, что вопросы изменения гендерной идентичности необходимо рассматривать не только и не столько с позиции кризиса, а как составную часть общего процесса личностных изменений. Фиксируемые исследователями изменения гендерной идентичности современных мужчин и женщин являются закономерным следствием глобальных социальных трансформаций и необходимым условием успешной адаптации к постоянно изменяющейся реальности.

Анализ современных научных работ, посвященных гендерной идентичности, результаты собственных исследований, опыт консуль-

тативной практики позволил автору выдвинуть гипотезу о несинхронном изменении гендерной идентичности женщин и мужчин.

В монографии представлены результаты собственных исследований автора, в которых в качестве испытуемых выступали мужчины и женщины, находящиеся на разных этапах взрослости, что позволило выявить ряд особенностей изменения гендерной идентичности, происходящих у взрослых.

Полученные результаты дали основание подтвердить выдвинутую автором гипотезу о несинхронности изменений гендерной идентичности взрослых, а именно: мужская идентичность более ригидна, а женская меняется в большей степени, уходя от традиционного фемининного образа. Подчеркивается, что эта ситуация требует пристального внимания психологов, так как несинхронность изменения элементов общей системы женско-мужских отношений чревата проблемами на всех уровнях взаимодействия – и личном, и социальном.

Несомненно, эта монография будет представлять интерес для магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных работников, для всех, интересующихся гендерными исследованиями и занимающихся проблемами формирования идентичности в трансформирующемся мире.

И. В. Головнева

ЯКІСТЬ ФУНКЦІОНУВАННЯ ПІДПРИЄМСТВА: ВНУТРІШНІ ТА ЗОВНІШНІ АСПЕКТИ

Строкович, Ганна Віталіївна. Якість функціонування підприємства: внутрішні та зовнішні аспекти : моногр. / Г. В. Строкович ; Нар. укр. акад. – Х. : Вид-во НУА, 2010. – 212 с.

Підготовка монографії здійснювалася згідно з планами виконання НДР «Удосконалення організаційно-економічного механізму розвитку підприємства» та є результатом багаторічних досліджень із зазначеної тематики.

У монографії досліджено теоретичні основи управління якістю функціонування підприємств: розглянуто сутність та принципи управління якістю в умовах ринкової економіки, визначено взаємозв'язок категорій «якість», «надійність» і «ефективність»; методичні основи оцінки якості функціонування підприємств.

Автором здійснено аналіз передумов створення і трансформації систем управління якістю, досліджено існуючі системи управління якістю функціонування підприємств та визначено їх особливості в сучасних умовах. Також особливу увагу приділено нормативно-правовому забезпеченню управління якістю в Україні та організаційної діяльності у цій сфері.

У роботі здійснено теоретичне обґрунтування визначення якості використання потенціалу підприємства та розробки методичного підходу щодо її оцінки; організації забезпечення якості функціонування підприємства, яке містить науково-практичну цінність та новизну.

Зроблено висновок, що організація забезпечення якості функціонування підприємства є підґрунтям його подальшого розвитку, що сприяє поступовому зростанню його конкурентоспроможності. Організацію забезпечення якості функціонування підприємства доцільно здійснювати у рамках існуючого потенціалу та діючих законодавчих обмежень.

Монографія може становити певний науковий інтерес для науковців, викладачів, студентів, які навчаються за економічним профілем; власників, керівників, менеджерів, державних службовців, які займаються питаннями впровадження систем управління якістю на підприємстві.

Г. В. Строкович

Відомості про авторів

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

АНДРЕЄВА Світлана Юріївна
аспірантка кафедри соціології ХГУ «НУА»

БАБАНІНА Вікторія Юріївна
студентка II курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

БАННІКОВА Катерина Борисівна
аспірантка ХГУ «НУА»

БІРЧЕНКО Олена Володимирівна
кандидат соціологічних наук, доцент, завідувач лабораторії
планування кар'єри ХГУ «НУА»

БУБЛИК Іраїда Федорівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики
перекладу ХГУ «НУА»

ВОРОБІЙОВ Євгеній Михайлович
доктор економічних наук, професор, завідувач кафедри економічної
теорії Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна

ГОЛОВНЬОВА Ірина Володимирівна
кандидат психологічних наук, доцент, завідувач кафедри загальної
та прикладної психології ХГУ «НУА»

ДАНЬКО Наталія Іванівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ДИБІНА Анастасія Володимирівна
аспірантка кафедри інформаційних технологій та математики,
викладач кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

ЖУКОВСЬКА Олена Володимирівна
аспірантка, викладач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

ІВАНОВА Ольга Анатоліївна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ІЛЬЧЕНКО Валерія Віталіївна
старший викладач, завідувач кафедри теорії і практики перекладу
ХГУ «НУА»

КОЗЛОВА Марія Миколаївна
викладач кафедри теорії та практики перекладу ХГУ «НУА»

КОЛОТОВА Людмила Володимирівна
кандидат соціологічних наук, викладач кафедри соціології ХГУ
«НУА»

КОМІР Людмила Іванівна
кандидат економічних наук, доцент, завідувач кафедри економічної
теорії та права ХГУ «НУА»

КУПРІНА Вероніка Анатоліївна
викладач кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

КУЦЕВЛЯК Катерина Сергіївна
менеджер з персоналу ТОВ «Технолоджі груп»

МИКОЛЕНКО Олена Петрівна
аспірантка ХГУ «НУА»

МИХАЙЛОВА Людмила Віліївна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри германської
та романської філології ХГУ «НУА»

МІХНО Надія Костянтинівна
аспірантка кафедри соціології Дніпропетровського національного
університету імені Олеся Гончара

МОРОЗОВА Марія Геннадіївна
аспірантка кафедри соціології ХГУ «НУА»

МУДРАК Марина Юріївна
викладач загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

НЕЧИТАЙЛО Ірина Сергіївна
кандидат соціологічних наук, старший викладач кафедри соціології
ХГУ «НУА»

ОБОЗНАЯ Катерина Миколаївна
студентка V курсу факультету «Соціальний менеджмент»
ХГУ «НУА»

ОЛІЙНИК Юлія Олександрівна
студентка V курсу факультету «Референт-перекладач» ХГУ
«НУА»

ПАСТУХОВА Оксана Володимирівна
аспірантка кафедри соціології, вчений секретар ХГУ «НУА»

ПОДОЛЬСЬКА Єлізавета Ананіївна
доктор соціологічних наук, професор, зав. кафедри філософії та
гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПЕЛІХОВ Євген Федорович
кандидат економічних наук, професор кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

РЕШЕТНЯК Олена Іванівна

кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

СОБКО Лілія Володимирівна

доцент кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

СОМОВА Оксана Євгенівна

кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

СТОЛІТНЯ Світлана Ігорівна

стажист відділу генерального директора ЗАТ «Філіп Моріс
Україна»

СТРОКОВИЧ Ганна Віталіївна

кандидат економічних наук, доцент, завідувач кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ТИМОХОВА Галина Борисівна

кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

УСІК Олена Юріївна

кандидат філософських наук, доцент, завідувач кафедри соціології
ХГУ «НУА»

ХИЖНЯК Олександр Володимирович

кандидат соціологічних наук, викладач кафедри соціології ХГУ
«НУА»

ХІЛЬКОВСЬКА Ася Олександрівна

викладач загальноакадемічної кафедри англійської мови ХГУ
«НУА»

ЦИБУЛЬСЬКА Елеонора Іванівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ЗМІСТ

Предисловие	3
Сучасне суспільство у контексті гуманітарного знання (філософія, історія, соціологія, філологія)	5
<i>Подольская Е. А.</i> «Общество знания»: модный термин или новая парадигма?	7
<i>Нечитайло И. С.</i> Социальная реальность: фантазии и знания	11
<i>Колотова Л. В.</i> Демократия в обществах знания	20
<i>Хижняк О. В.</i> Соціальний рух як колективна дія: соціологічна проблематика	26
<i>Морозова М. Г.</i> Социальная основа деятельности политических партий в Украине: к постановке проблемы	34
<i>Андреева С. Ю.</i> Гендерные аспекты конструирования образа женщины-политика	41
<i>Міхно Н. К.</i> Особливості формування поняття «регіон» у соціологічному дискурсі	47
<i>Банникова Е. Б.</i> Организационная культура как инструмент управления персоналом организации	56
<i>Пастухова О. В.</i> Фактор довіри у формуванні мотивації працівників	65
<i>Куцевляк Е. С.</i> Проблемы и перспективы современного молодого специалиста с позиции работодателя	71
<i>Мудрак М. Ю.</i> Интернет и сетевые сообщества как атрибут коммуникативной активности	77
<i>Хильковская А. А.</i> Коммуникативный подход и традиционные методы обучения иностранному языку	82
<i>Михайлова Л. В.</i> Историческое варьирование принципа вежливости в англоязычном дискурсе XIV–XX вв.	88
<i>Козлова М. М.</i> Роль гендерного питання у формуванні перекладацької традиції Великої Британії XVII–XVIII ст.	97
<i>Бублик И. Ф.</i> Особенности перевода публицистического текста	105
<i>Дыбина А. В.</i> Анализ предложений со словами-указателями на объект описания из текстовой базы в системе автоматического реферирования	114
<i>Куприна В. А.</i> Концепт KNIGHT/РЫЦАРЬ в английской языковой картине мира	124

Соціально-економічні та правові проблеми розвитку українського соціуму	131
<i>Воробьев Е. М.</i> Институциональная составляющая модернизационного проекта	133
<i>Цыбульская Э. И.</i> Институциональные подходы к исследованию национальной экономики	140
<i>Миколенко Е. П.</i> Исследование институционального механизма адаптации экономических систем в эпоху глобализации	146
<i>Строкович Г. В.</i> Особливості функціонування інституту управління якістю	153
<i>Тимохова Г. Б.</i> Особенности проектирования инновационных структур: институциональный аспект	158
<i>Сомова О. Е.</i> Структурные изменения в источниках финансирования инновационной деятельности в Украине	166
<i>Столетняя С. И.</i> Кластеризация как инновационный механизм обеспечения конкурентоспособности национальной экономики	171
<i>Иванова О. А.</i> Конкурентоспособность производственных и территориальных экономических систем	182
<i>Данько Н. І., Решетняк О. І.</i> Напрямки підвищення якості готельних підприємств в Україні	190
<i>Комір Л. І.</i> Соціально-економічні наслідки демографічної кризи	196
<i>Жуковская Е. В.</i> Фактор доверия в развитии экономических институтов ..	201
<i>Пелихов Е. Ф.</i> Кредитование инвестиционного проекта и оценка его эффективности	209
<i>Олійник О. М.</i> Реформа у сфері оплати праці на початку 1930-х рр. в Україні	214
Студентська трибуна	221
<i>Олейник Ю. А.</i> Передача годонимов (на материале книг Дж. Роулинг «Гарри Поттер»)	223
<i>Обозная Е. Н.</i> Перспективы и возможности молодых специалистов в новых социально-экономических условиях	229
<i>Бабанина В. Ю.</i> Преодоление правового нигилизма в украинском обществе в контексте взаимодействия права и морали	235
Наука в НУА	243
<i>Усик Е. Ю.</i> Познавательные возможности междисциплинарного подхода к изучению образовательной среды вуза	245

<i>Нечитайло И. С.</i> Социология в системе научного управления обществом: по итогам IV Всероссийского социологического конгресса	247
<i>Ильченко В. В.</i> Компетентностный подход: суть и задачи	250
<i>Собко Л. В.</i> Управление как фактор экономического равновесия (V конференция молодых ученых)	253
Презентація нових видань	257
Экономическая социология как учебно-научная дисциплина	259
Изменения гендерной идентичности взрослых в условиях социальных трансформаций.	262
Якість функціонування підприємства: внутрішні та зовнішні аспекти	264
Відомості про авторів	265

В первой части издания представлены статьи по философии, истории, социологии, политологии и филологии. Главное внимание уделено политическим оценкам социальных процессов, происходящих в Украине, анализу социальных движений и деятельности политических партий. Отдельная подборка статей связана с гендерными аспектами политической жизни современного украинского общества. Серия материалов посвящена исследованиям переводческих традиций в Украине.

Во второй части собраны статьи, освещающие отдельные проблемы развития экономической сферы жизнедеятельности украинского общества. Небезынтересны материалы, опубликованные в рубриках «Студенческая трибуна», «Наука в НУА», «Презентация новых изданий».

Предназначено для всех, интересующихся специальными проблемами социально-экономического развития Украины, их гуманитарным контекстом.

Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» : кн. 2: Гуманітарні і соціально-економічні проблеми розвитку сучасного українського соціуму / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Х. : Вид-во НУА, 2012. – Т. 18. – 276 с.

ISSN 1993-5560

У першій частині видання представлені статті по філософії, історії, соціології, політології і філології. Головна увага приділена політичним оцінкам соціальних процесів, що відбуваються в Україні, аналізу соціальних рухів і діяльності політичних партій. Окрема підбірка статей пов'язана з гендерними аспектами політичного життя сучасного українського суспільства. Серія матеріалів присвячена дослідженням перекладацьких традицій в Україні.

У другій частині зібрані статті, що висвітлюють окремі проблеми розвитку економічної сфери життєдіяльності українського суспільства. Цікаві матеріали, опубліковані в рубриках «Студентська трибуна», «Наука в НУА», «Презентація нових видань».

Призначено для всіх, хто цікавиться спеціальними проблемами соціально-економічного розвитку України, їх гуманітарним контекстом.

**УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3**

Наукове видання

**ВЧЕНІ ЗАПИСКИ
ХАРКІВСЬКОГО ГУМАНІТАРНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«НАРОДНА УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ»**

Том XVIII

Книга 2

**Гуманітарні і соціально-економічні проблеми
розвитку сучасного українського соціуму**

Відповідальна за випуск *К. Г. Михайльова*
Редактор *Н. В. Ковшарь*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 20.06.2012. Формат 84×108/32.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 16,04. Обл.-вид. арк. 15,70.
Наклад 500 пр. Зам. № 237/12.

Видавництво Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.